

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ)

20-21 МАЯ 2020 ГОДА

Г. МОСКВА, РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Открытие МАЭФ, пленарные сессии и конференции Московского академического экономического форума пройдут 20-21 мая в Российской академии наук, на других площадках.

Участники МАЭФ: ведущие ученые и эксперты России и мира, молодые исследователи, представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, администраций субъектов РФ, представители образовательного сообщества России, деловых кругов, международных и российских общественных организаций.

Официальный партнёр МАЭФ: «Российская газета», генеральный информационный партнёр: ТАСС. Мероприятия Московского академического экономического форума будут освещаться каналами ЦТ, ведущими СМИ.

Подробная информация о МАЭФ размещается на сайте ВЭО России www.veorus.ru/maef

АККАУНТЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.facebook.com/MoscowAcademicForum
www.vk.com/moscowacademicforum

ОРГАНИЗАТОРЫ ФОРУМА:

Вольное экономическое общество России (ВЭО России)

Российская академия наук (РАН)

Международный союз экономистов (МСЭ)

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ 2019

FREEECONOMY.RU

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА №12

№12 октябрь — декабрь 2019

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

FREEECONOMY.RU

ЖУРНАЛ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ЭКОНОМИСТ,
КОТОРАЯ
ПОЛУЧИЛА
НОБЕЛЕВКУ
ЗА БЕДНОСТЬ

КОРОТКОЕ ИНТЕРВЬЮ
THE ECONOMIST
WHO WON A NOBEL PRIZE
FOR REDUCING POVERTY.
A SHORT INTERVIEW

СТР. 40

ЭКОНОМИСТАМ!
НЕ ПРОПУСТИТЕ
МАЭФ 2020. ВЛИЯЙТЕ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ПОЛИТИКУ!
Economists! Do not miss
MAEF 2020, have a say in
economic policy!
СТР. 94

НАШ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДИКТАНТ
СТАНОВИТСЯ
ВСЕ
ПОПУЛЯРНЕЕ

OUR ECONOMIC
DICTATIONS IS
GAINING
POPULARITY

СТР. 40

ЧТО
НЕСЕТ
ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА
ВМЕСТЕ С
БЛАГАМИ?

WHAT ARE THE PROS
AND CONS OF THE
DIGITAL ECONOMY?

СТР. 118

ИСЛАМСКИЙ
БИЗНЕС

(О НЕМ МНОГИЕ
ЗРЯ НЕ ЗНАЮТ)

ISLAMIC BUSINESS
(IT'S A PITY MANY
ARE IGNORANT
ABOUT IT)

СТР. 40

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА НА ГРАНИ РЕЦЕССИИ?

IS WORLD ECONOMY ON THE EDGE OF RECESSION?

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки rodписка.pochta.ru

Журнал «Вольная экономика»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПА008

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей.

Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учеными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих ученых и специалистов по актуальным проблемам экономики.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии

Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru

SUBSCRIBE TO FREE ECONOMY (FREEECONOMY.RU)

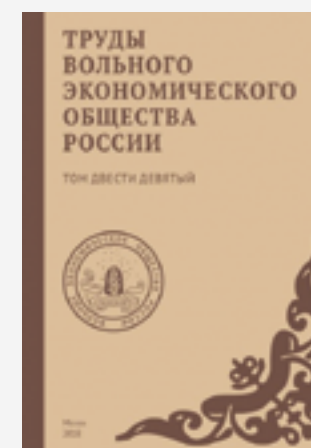
Free Economy's index
IN THE CATALOG OF THE RUSSIAN PRESS IS 24513

A special place in the media space. An authoritative magazine for authoritative people who make decisions in the economic sphere.

Free Economy is available by subscription at any Russian Federation post office or online at <http://vipishi.ru>

Interviews, news and analytics published in print version of the magazine as well as numerous additional materials are available at freeeconomy.ru

PROCEEDINGS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation The Proceedings of the Free Economic Society of Russia have been included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications tasked with publishing main scientific results of candidate's and doctoral dissertations.

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia are represented within the Russian science citation index (RSCI) system and the science electronic library, elibrary.ru

The Proceedings of the Free Economic Society of Russia is available by subscription at any post office of the Russian Federation or online, at <http://vipishi.ru>

The index of The Proceedings of the Free Economic Society of Russia in the Catalog of the Russian Press is 10920

ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

INFORMATION ON THE JOURNAL FREE ECONOMY

Главный редактор

Сергей Дмитриевич БОДРУНОВ

Президент ВЭО России,
президент

Международного союза экономистов,
директор Института нового
индустриального развития
имени С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Журнал издается под патронажем
Международного комитета ВЭО России

Шеф-редактор Андрей Прокофьев

Арт-директор Егор Морозов

Контрольный редактор

Наталья Медведенко

Над номером работали

Елена Березина, Сергей Брель,
Кира Камнева, Леонид Кулешов, Ольга
Ремова, Алексей Савин, Марина Тальская,
Надежда Толстоухова, Андрей Травин

Фото: Shutterstock, если не указано иное

Издатель и редакция

Общероссийская общественная
организация

«Вольное экономическое общество России»

Адрес: Москва, ул. Тверская, 22а

Редакционный директор

Маргарита Ратникова

Директор по развитию

Анна Бобина

Телефон: +7 (495) 609-07-60

Электронная почта: INFO@VEORUS.RU

№ 12 (октябрь — декабрь 2019)

Зарегистрировано в Роскомнадзоре 01.11.2017

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС 77-71537

Учредитель С. Д. Бодрунов

Подписано в печать 30.10.2019

Выход в свет 11.11.2019

Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии «ИСПО-принт».

Адрес: Москва, ул. Щипок, 28

16+

Редакционный совет журнала «Вольная экономика»

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), академик РАН.

А. Н. КЛЕПАЧ

Член Правления ВЭО России, главный экономист Внешэкономбанка, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заслуженный экономист РФ.

Р. С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

Ю. В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО «Издательский дом “Экономическая газета”», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор.

В. И. ГРИШИН

Вице-президент ВЭО России, ректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, д. э. н., профессор.

М. А. ЭСКИНДАРОВ

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор.

А. А. САВИН

Заместитель главного редактора «Российской газеты», заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Д. Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, руководитель Научного совета ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова, академик РАН.

Chief Editor:

Sergei Dmitrievich Bodrunov, President of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, expert of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

The magazine is published under the patronage of the International Committee of the VEO of Russia

Managing editor: Andrei Prokofiev

Art Director: Yegor Morozov

Corrector: Natalia Medvedenko

The issue was made with participation of:

Elena Berезина, Sergey Brel, Kira Kamneva, Leonid Kuleshov, Olga Remova, Alexey Savin, Marina Talskaya, Nadezhda Tolstoukhova, Andrey Travin

Photos: Shutterstock, if not stated otherwise

Publisher and editorial board:

All-Russian non-government organization Free Economic Society of Russia.

Address: 22a Tverskaya Street, Moscow

Editorial Director:

Margarita Ratnikova

Development Director:

Anna Bobina

Telephone: +7(495) 609-07-60

Email: Info@VEORUS.RU

#11 (July-September 2019)

Registered in Roskomnadzor 01.11.2017

Registration Certificate of a Medium of Mass

Communication: MI #FS77-71537

Founder: OOO Invest-Consult

Signed off for printing 26.08.2019

Released: 05.09.2019

Print run: 3000

Printed at ISPO-print shop

Address: 28 Shchipok Street, Moscow

16+

Editorial Board

S. Yu. Glaziev

Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

R. S. Grinberg

Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

V. I. Grishin

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Rector of the Plekhanov Russian Economic University, Doctor of Economics, Professor

A. A. Savin

Deputy Chief Editor of Rossiiskaya Gazeta, honored science worker of the Russian Federation

A. D. Nekipelov

Vice President of the VEO of Russia, director of the Moscow School of Economics of the the Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences

D. E. Sorokin

Vice President of the VEO of Russia, head of the Academic Council of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the RF Government, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

M. A. Eskindarov

Vice President of the VEO of Russia, Rector of the Financial University under the RF Government, Academician of the Russian Academy of Education, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Yu. V. Yakutin

Vice President of the VEO of Russia, Research Director of the Economic Newspaper Publishing House, honored science worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

A. N. Klepach

Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Economist at Vneshekonombank, Chief of Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management of the Economic Faculty of the Lomonosov Moscow State University, honored economist of the Russian Federation.

УДАТСЯ ЛИ ЭКОНОМИКЕ ИЗБЕЖАТЬ РЕЦЕССИИ?

Уважаемые читатели!

Поскольку журнал выходит в свет в День экономиста и распространяется, в том числе, среди участников Всероссийского экономического собрания, позвольте поздравить всех причастных с профессиональным праздником, пожелать, чтобы наша работа: у кого-то – на благо развития компаний, у кого-то – по подготовке новых поколений экономистов, у кого-то – в сфере экономической науки и стратегических разработок, но в любом случае – на благо страны, приносила желаемые плоды.

Теперь – о теме, которая вынесена в заголовок. На недавней презентации авторитетнейшего «Доклада ЮНКТАД по торговле и развитию 2019» представлявший его ведущий экономист ЮНКТАД (Комиссии ООН по торговле и развитию) Рикардо Готчалк сказал буквально следующее: «...мировая экономика стоит в шаге от рецессии». Довольно тревожное заявление от человека, который представляет столь солидную организацию. Но это – еще не самые жесткие заявления. «Восход злой луны: замедление глобальной экономики обнаруживает долговой дистресс как самую боль-

шую угрозу международной стабильности», – такие слова звучат в пресс-релизе, предваряющем доклад. И далее: на мировую экономику надвигается шторм, а угроза рецессии в 2020 году вполне серьезна – такая оценка дана в опубликованном ЮНКТАД докладе. «Мигающие огни предупреждают об опасностях торговых трений, валютных колебаний, корпоративного долга, брекзита без сделки и перевернутой формы кривых доходности, но нет никаких признаков того, что политики готовы к предстоящему шторму».

Во время нашего разговора с генеральным секретарем ЮНКТАД Мукисой Китуйи (он был недавно в Москве по приглашению Международного Союза экономистов – впервые за 55 лет существования организации) речь шла о необходимости поставить экономику на рельсы устойчивого развития, и что цели устойчивого развития должны быть заложены в стратегии развития не только государств, но и компаний, иначе экономика будет приближаться к бездне.

В докладе ЮНКТАД содержится призыв сосредоточиться на повышении занятости, заработной платы и государственных инвестиций – вместо нынешней заикливости политики на биржевых

курсах, квартальных доходах и «уверенности инвесторов». Как вы знаете, именно эти мысли постоянно продвигает и «Вольная экономика», и ВЭО России, и Международный Союз экономистов. Эти темы мы подробно обсуждаем и в данном номере «ВЭ».

Как известно, один из Национальных проектов нацелен на повышение в России производительности труда. Цели поставлены поистине стахановские, Президент напрямую ставит в зависимость повышение качества жизни от достижения этих целей. Именно об этом речь шла и на международном Московском академическом экономическом форуме (МАЭФ-2019), организованном в мае т.г. ВЭО России совместно с Российской академией наук, где, не стовариваясь, практически все спикеры говорили не просто об экономическом, а социально-экономическом росте, не просто о развитии, а о качественном развитии, не просто об инвестициях, а об ускоренных и увеличенных вложениях в человека. Да, собственно, и Президент, объявляя о целях нацпроектов, говорил дословно следующее: «Национальные проекты построены вокруг человека ради достижения нового качества жизни для всех поколений, которое может быть обеспечено только при динамичном развитии России». И в другом месте он подчеркивает: «Главное – нам нужно изме-

нить структуру нашей экономики, нам надо сделать её высокотехнологичной, цифровой... Все только для чего? Чтобы толкнуть производительность труда и на этой базе обеспечить рост благосостояния граждан».

Похоже, на самом высоком уровне и в России, и в мире есть понимание мировых экономических проблем. Остается надеяться, что политикам все же удастся договориться.

Сергей Бодрунов
Главный редактор
журнала «Вольная экономика»

Can THE economy AVOID RECESSION?

Dear readers:

Since the magazine is to be published on the Day of the Economist and distributed, in particular, among the participants of the All-Russian Economic Meeting let me congratulate all those involved on their professional holiday and express hope that the work we do, be it for the benefit of the development of companies or for training new generations of economists, or in the field of economic science and strategic development, will bear desirable fruit for the good of the country.

Now let's move on to the titular topic. At a recent presentation of the most authoritative UNCTAD Trade and Development Report 2019, the leading economist of UNCTAD (United Nations Commission on Trade and Development), Ricardo Gottschalk, literally said the following: "... the global economy is a step away from a recession." A rather alarming statement from a person who represents such a solid organization. But these are not the toughest statements yet. "Bad moon rising: slowing global economy reveals debt distress as biggest threat to international stability," - such words appear in a press release preceding the report.

Furthermore: a storm is about to hit the global economy, and the threat of a recession in 2020 is quite serious - such an assessment was given in a report published by UNCTAD. "Warning lights are flashing around trade tensions, currency movements, corporate debt, a no-deal Brexit and inverted yield curves but there is little sign that policy makers are prepared for the storm ahead."

During our conversation with the Secretary-General of UNCTAD, Mukhisa Kituyi (he was recently in Moscow on the invitation of the International Union of Economists - for the first time in the 55 years of the organization's existence) we discussed the need to put the economy on track for sustainable development, and that the goals of sustainable development should be laid down in the development strategies of not only states, but also companies, otherwise the economy will be nearing the abyss.

The UNCTAD report called for focusing on increasing employment, wages, and public investment — instead of the current policy's focus on exchange rates, quarterly earnings, and investor confidence. As you know, these are the thoughts that are constantly being promoted by

Free Economy, the VEO of Russia, and the International Union of Economists. We discuss those topics in detail in this issue of Free Economy.

As you know, one of the National Projects is aimed at increasing labor productivity in Russia. The goals that have been set are truly Stakhanovite, the President insists the improvement in the quality of life directly depends on the achievement of these goals. This was also discussed at the International Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2019), held in May by the VEO of Russia together with the Russian Academy of Sciences, where, without prior agreement, almost all the speakers discussed not just economic, but also socio-economic growth, not just development, but also quality development, not just investments, but also accelerated and increased investments in human capital. In fact, the President, while announcing the goals of the National Projects, said the following verbatim: «The national projects are built around man in order to achieve a new quality of life for all generations, which can only be achieved through a dynamic development of Russia.» He then emphasized: "Most importantly, we need to change the structure of our economy, we need to make it high-

tech, digital ... Why all this? In order to drive labor productivity and, on that basis, ensure the growth of our citizens' well-being."

It seems that there is an understanding of global economic problems at the highest level, both in Russia and in the world. We can only hope that policy makers will still be able to reach an agreement.

Sergey Bodrunov
Editor-in-chief
The Free Economy Journal

СОДЕРЖАНИЕ

10 ПРИМУТ ЛИ В МИРЕ ЭКОНОМИКУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ?

36 РОССИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИЯ ПАРТНЁРСТВА

RUSSIA AND CHINA: PARTNERSHIP STRATEGY

44 ЧТО НАС ЖДЁТ ЗА ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ?

48 ЭСТЕР ДЮФЛО - лауреат НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЭКОНОМИКЕ за БЕДНОСТЬ

ESTHER DUFLO WON A NOBEL PRICE FOR WORK IN REDUCING POVERTY

54 ЧТО ТАКОЕ ГАРАНТИРОВАННЫЙ ПЕНСИОННЫЙ ПРОДУКТ?

70 КАК ИМЕННО ИЗМЕНИЛАСЬ ЭКОНОМИКА США ПРИ ТРАМПЕ

88 ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ СТАНОВИТСЯ ПОПУЛЯРНЕЕ

98 СЛОЖНОСТИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИИ

108 ИЗ ЭТОГО БИЗНЕСА НЕ УХОДЯТ ПРОСТО ТАК

112 КОРПОРАТИВНЫЕ АКСЕЛЕРАТОРЫ

118 ИСЛАМСКАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ

128 ЭКСЛИБРИС «ВЭ»

185 УРАЛЬСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

134 ПРОИЗОЙДЁТ ЛИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ГАЗОВОГО РЫНКА

138 ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ В ДАТАХ

140 НИКОЛАЙ МОРДВИНОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭКОНОМИСТ ЭПОХИ АЛЕКСАНДРА I

152 СОБЫТИЯ ВЭО РОССИИ

ПРИМУТ ЛИ В МИРЕ ЭКОНОМИКУ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ?

Александр Дыкин,
вице-президент ВЭО России президент
ФГБНУ «Национальный исследователь-
ский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.
М. Примакова РАН», академик РАН,
д.э.н., профессор

Рикардо Готчалк,
ведущий экономист ЮНКТАД

По материалам презентации доклада ЮНКТАД «Торговля и развитие 2019»
в ВЭО России и Международном Союзе экономистов.

Готчалк: Тема доклада ЮНКТАД «Торговля и развитие» за 2019 год — «Финансирование глобального зеленого нового курса». Рассматриваются три главных вопроса. Первый вопрос — это проблема изменения климата и как можно было бы помочь справиться с этой проблемой. Вторая проблема — это хрупкость современной глобальной экономики, и предлагаются меры, которые направлены на то, чтобы ее сделать более инклюзивной и экологически устойчивой. И наконец, третья проблема — рост неравенства, проблема, о которой в последнее время много говорится. Итак, вот эти три основных аспекта, а также глобальный новый зеленый курс, в значительной мере воспроизводит задачи, которые поставлены в целях устойчивого развития.

И я хотел бы теперь остановиться на главных, основных тезисах.

Первый тезис касается нестабильности и хрупкости мирового экономического роста. Мы можем констатировать, что после кризиса экономика в мире растет медленно. Более того, темпы роста уменьшаются в ряде стран, и есть реальная опасность начала рецессии. Вот в этом контексте развивается мировая экономика. Это нерегулируемое движение капитала, это низкие налоги и низкая зарплата. Все это приводит к тому, что в развивающихся странах экономика

по-прежнему зависит прежде всего от сырья и долга. И многие из них движутся к рецессии. Это осложняется нынешними тарифными конфликтами, тарифными войнами. Это приводит к уменьшению международной торговли, а все в целом приводит к очень хрупкому состоянию мировой экономики со слабым спросом, с недостаточным инвестированием. И можно сказать, что многосторонняя экономическая система не смогла дать ответ на эту ситуацию, и, в частности, на торговые трения и конфликты вокруг долга.

В этой связи в нашем докладе имеется ряд предложений, которые направлены на решение этих проблем. Они связаны, в частности, с фискальной экспансией, перераспределением доходов, мерами по решению проблемы задолженностей и по контролю движения капитала с тем, чтобы капитал направлялся в первую очередь в продуктивные капиталовложения. Необходимо также принять меры по пресечению незаконных финансовых потоков. Мы считаем, что в решении задач, связанных с зеленым новым курсом, большую роль должны сыграть государственные банки. Об этом много говорится в докладе. По нашим подсчетам, экономический рост становится медленнее как в развивающихся, так и в развитых странах. Причем восстановительный рост после рецессии был очень медленным. Даже сильные эко-

Вот в этом контексте ухудшающегося экономического роста мы рассматриваем экономику России. Вы знаете лучше меня, что Россия после того, как она побывала в состоянии тяжелого кризиса, особенно в 2015 году, имела восстановительный рост. Но сейчас темпы роста уменьшаются в части 2018, 2019 года. Причина этого — волатильность цен на нефть, слабый потребительский спрос и, я бы сказал, монетарная политика, которая представляется нам чрезмерно жесткой, особенно в свете того, что показатели по инфляции благоприятные. Но мы видим, что сейчас есть возможность и, может быть, она будет использована, более активной фискальной политики в России, которая будет содействовать стимулированию роста.

номики, быстро развивавшиеся экономики, такие как Индия и Китай, сейчас показывают более медленный рост. И это проблематично, особенно в связи с Китаем, поскольку может иметь место эффект переноса более низких темпов роста на другие развивающиеся страны, которые связаны с Китаем глобальными и региональными цепочками создания стоимости и которые сильно зависят от Китая в плане импорта китайской продукции.

Так почему же мировая экономика находится в столь хрупком состоянии в течение всего периода после предыдущего кризиса? Отчасти ответ таков: усилия по обеспечению восстановительного роста экономики в основном имели монетарный характер. Это, прежде всего, использование процентных ставок, которые стали очень низкими, вплоть до нуля. И на протяжении периода после кризиса использовался инструмент количественного смягчения. И это привело к большому увеличению баланса центральных банков. Но этот подход, который все так же, прежде всего на инструментах монетарной политики, не оказался эффективным в плане восстановления эффективного устойчивого роста мировой экономики. Развитие мировой торговли после кризиса — это, в общем, плоская картина. В 2018 году было некоторое увеличение. Но сейчас опять идет уменьшение объема мировой торговли в результате слабого глобального спроса. Если вы посмотрите на потоки капитала в регионах, то здесь картина очень неустойчивая, большие колебания. Был период негативного роста в 2018 году и сейчас некоторое ослабление.

Далее еще одна долгосрочная тенденция — это быстрый рост задолженности: было 16 триллионов, стало 218 триллионов долларов. Это в основном частная задолженность. Однако вот такой рост задолженности не привел к аналогичному росту капиталовложений и экономики. И еще одна долгосрочная тенденция — это накопленная задолженность. Если посмотреть на суверенный долг, то мы видим, что в основном произошел сдвиг из официального, государственного сектора в частный. Растет задолженность частного сектора.

На этом фоне — предложения по нескольким направлениям. Первое направление касается новых макроэкономических рамок. Мы считаем, что очень важно начать решать проблему перераспределения долга для того, чтобы бороться с растущим неравен-

ством, а также для того, чтобы увеличить совокупный спрос. Второе, мы глубоко убеждены, что необходимо повысить долю государственного финансирования. Это необходимо для того, чтобы обеспечить инфраструктурный рост, развитие физической инфраструктуры, экономической инфраструктуры, социальной инфраструктуры, зеленой инфраструктуры — все это для того, чтобы мы в итоге получили трансформационный рост. И в рамках этой новой макроэкономической структуры очень важно обеспечить переход к более прогрессивной шкале налогообложения с тем, чтобы обеспечить средства для решения этих задач и для реализации наших предложений. И наконец, мы считаем, что очень важно направлять как внутренние, так и иностранные средства на продуктивную экономическую деятельность, на реальную экономику. И очень важно, чтобы деятельность в этом направлении велась при международной координации. Бессмысленно делать все это в масштабах одной страны. Необходимы коллективные действия, необходима международная координация. И для того, чтобы показать, что наша модель является жизнеспособной в макроэкономическом плане, мы провели расчеты этой модели. И расчеты показали, что вполне возможно обеспечить рост государственного финансирования экономики, что позволит обеспечить рост самой экономики и увеличить налоговые поступления и не вызовет каких-то макроэкономических шоков.

Кроме наших предложений макроэкономического характера, направленных на более активную роль государства, в докладе предлагается также несколько конкретных целевых направлений деятельности. Я скажу о трех. В частности, мы предлагаем меры, направленные на то, чтобы бороться с незаконными финансовыми движениями, финансовыми потоками, которые связаны с налоговой оптимизацией, с налоговой выгодой. В настоящее время налоговый режим для транснациональных корпораций устроен так, что аффилированные с транснациональными корпорациями организации считаются независимыми единицами. И таким образом доходы этих единиц переносятся из стран, где высокие налоги, в страны, где низкие налоги. И в результате очень трудно обеспечить справедливый режим налогообложения подобных бизнес-единиц.

Мы предлагаем отказаться от этой устаревшей системы и перейти к унитарной налоговой системе, которая позволит взимать налоги с транснациональных корпораций на глобальной основе и затем перераспределять налоговые поступления в соответствии с определенной формулой. Желательно, чтобы эта формула учитывала, сколько рабочих мест создают аффилированные компании в странах, где они работают. Далее мы считаем, что очень важно лучше контролировать капитальные счета, счета капиталов. Это позволит обеспечить направление средств иностранного капитала на продуктивные, а не на спекулятивные цели.

Еще одна проблема, которая будет лучше решаться, если усилить контроль капитала. Мы видим, что в настоящее время имеет место перераспределение ресурсов и средств из развивающихся стран в развитые. По нашим подсчетам, ежегодно таким образом перетекает до 480 миллиардов долларов в развитые страны. Конечно, это является результатом, в частности, того, что у развивающихся стран больше пассивов иностранных, чем иностранных активов. И соответственно, разница в доходности пассивов и активов. Мы предлагаем принять меры для того, чтобы изменить это. И такие меры, меры контроля капитала позволят уменьшить также непродуктивные резервы, которые имеются.

И еще одно направление, которое мы считаем очень важным, — это обеспечение более активной роли государственных банков. Сегодня диагноз ситуации такой: государственный сектор находится, так сказать, в фискальной смиренной рубашке. И поэтому для того, чтобы финансировать глобальные новые курсы и выполнение цели устойчивого развития ООН, необходимо опираться прежде всего на частное финансирование. Такова сегодняшняя система. Мы видим в этой ситуации и в таком подходе, по крайней мере, две проблемы.

Во-первых, средств этих будет недостаточно для того, чтобы решить проблемы, связанные с целями устойчивого развития, с зеленым новым курсом. И во-вторых, широкое использование частного капи-

тала создает проблемы для государственного сектора, потому что государство все равно должно давать определенные гарантии, оно должно субсидировать и так далее. И это создает для него риски. Если мы посмотрим на ту роль, которую сейчас играют государственные банки, в большинстве стран система такова: частные банки прежде всего! Эти банки очень важны, разумеется, они дают кредиты бизнесу, они дают кредиты людям и семьям и дают рыночные кредиты. Но частные банки не идут, как правило, на финансирование долгосрочного характера. В частности, инфраструктурное финансирование рассматривается ими как слишком рискованное. И поэтому важно усилить роль государственных банков в заполнении этих лагун, этих пробелов. Здесь особенно важна роль банков развития, потому что именно для этой цели они создаются. Банки развития очень хорошо подходят для решения долгосрочных задач, для проектов с длительным периодом вызревания. У них есть для этого соответствующий экспертный уровень для того, чтобы эти проекты разрабатывать, выполнять и мониторить их выполнение. Это банки, которые хорошо подходят для решения более сложных задач и для того, чтобы привлекать к решению этих задач также и частные банки.

Кроме того, очень важно, что государственные банки могут играть контрциклическую роль, которую не могут играть частные банки. В период кризиса частные банки действуют проциклично, а не контрциклично. А банки развития в состоянии предоставить кредит, в состоянии помочь в период, когда возникают трудности. Мы считаем, что и центральные банки могут играть более активную роль в переходе к новой экономике, в решении задач зеленого нового курса через регулирование и через предоставление целенаправленных кредитов. Существуют региональные банки развития, роль которых тоже надо повышать. Они финансируют инфраструктурные проекты, они финансируют проекты региональной инфраструктуры. И примеры этого есть в разных регионах, в том числе и здесь. Это Евразийский экономический союз и Банк развития, который имеется в этом образовании. Он играет позитивную роль. Однако, надо отметить, что банк этот очень небольшой, и кредитует он очень мало. И поэтому необходимо сейчас, чтобы государство в эти региональные банки развития сделало инъекции капитала с тем,

«НЕОБХОДИМО ТАКЖЕ ПРИНЯТЬ МЕРЫ

по пресечению незаконных финансовых потоков. Мы считаем, что в решении задач, связанных с зеленым новым курсом, большую роль должны сыграть государственные банки»

«МЫ МОЖЕМ КОНСТАТИРОВАТЬ, что после кризиса экономика в мире растет медленно. Более того, темпы роста уменьшаются в ряде стран, и есть реальная опасность начала рецессии. Вот в этом контексте развивается мировая экономика: это нерегулируемое движение капитала, это низкие налоги и низкая зарплата»

чтобы они могли больше кредитовать, больше давать с тем, чтобы таким образом они поддержали переход к новой экономике, и в частности — к зеленой экономике.

И НАКОНЕЦ, РЕЗЮМИРУЮ, ВОТ МЕРЫ, КОТОРЫЕ МЫ ПРЕДЛАГАЕМ.

- 1 Это финансовая экспансия и перераспределение доходов.
- 2 Это улучшение управления счетами капиталов, то есть контроль движения капиталов.
- 3 Это унитарное налогообложение доходов многонациональных предприятий.
- 4 И это поддержка зеленого финансирования центральными банками.
- 5 Мы считаем, что, кроме этого, необходимо разработать правила, которые касались бы суверенного долга, особенно для стран, которые находятся в особенно тяжелом состоянии, в состоянии финансового дистресса. Это предлагает определенные меры по списанию части долгов, иначе невозможно будет реструктурировать этот суверенный долг.

Дынкин: Я хотел два слова сказать о контексте появления этого доклада. В докладе я нашел такую формулировку — «ремонт социального контракта». И, на мой взгляд, это такая важная констатация. И мы здесь в этой аудитории тоже не раз говорили о том, что социальный контракт, который был подписан в развитой части мира, условно говоря, где-то в середине 60-х годов, себя исчерпал. И это не удивительно, потому что этот контракт был подписан в неглобальном, доцифровом биполярном мире, когда не существовало таких вызовов, как климатические изменения, массовая миграция. И очевидно, что кризис 2008 года, по-видимому, поставил точку в этом долго успешно работавшем социальном контракте.

В чем была его суть... Если говорить коротко, то его суть заключалась в том, что каждое следующее поколение жило лучше родителей. И в этом была его

основа. Вот этот кризис 2008 года все это дело поломал. Сегодня много статистики, которая говорит о том, что эта модель больше не работает. И в данном докладе я нашел цифры, которые говорят о том, что глобально доля оплаты труда в ВВП за последние 20 лет упала с почти 60–59,5 до 53%. На мой взгляд, это очевидное свидетельство исчерпания этого старого социального контракта.

Второе обстоятельство — это то, что мы, по-видимому, сегодня живем в преддверии новой мировой рецессии. Американская экономика растет уже почти 43 квартала. Это совершенно невероятная продолжительность экономического роста в послевоенный период. Но сигналы о том, что мы на пороге рецессии, приходят с самых разных направлений, скажем, и Организация экономического сотрудничества и развития, и Мировой банк существенно понизили прогноз темпов роста и на текущий год, и на следующий год. Скажем, Мировой банк понизил этот прогноз больше чем на 10%. Очень много признаков того, что немецкая экономика находится на пороге рецессии. И вот это как бы второе измерение доклада, с которым мы сегодня знакомимся. На исчерпание социального контракта ответ был достаточно очевидный. Это избрание Трампа, это брексит, это приход таких популистских сил, которые дают достаточно простые ответы на сложные вопросы. Но тем не менее Соединенные Штаты провели, в общем, драматическую ревизию своей внешнеэкономической политики. Если с послевоенного периода суть этой политики заключалась в минимизации экспортных пошлин с тем, чтобы призвать своих партнеров, контрагентов также минимизировать эти пошлины и вскрыть рынки партнеров, сегодня мы видим совершенно обратный тренд, когда американцы повышают тарифы, когда развернулась совершенно драматическая торговая война между двумя крупнейшими экономиками мира. И с моей точки зрения, опасно то, что, начавшись как тарифная война, она сегодня потихоньку переходит в валютную войну, которая угрожает дестабилизацией мировых финансов.

На мой взгляд, этот доклад очень силен в части диагноза того, что происходит в современной мировой экономике. Рецепты, которые предлагаются, скажем, декарбонизация, содействие развивающимся странам с точки зрения некой либерализации

интеллектуальной собственности, патентного права с тем, чтобы, как сказано в докладе, эти страны могли перепрыгнуть тренд высокоуглеродной экономики, на мой взгляд, это все правильно. Я не хочу предвещать все вопросы. Первый мой вопрос господину Готчалку. Какие политические силы в мире сегодня, по-вашему, поддерживают тот набор рекомендаций, которые вы нам сегодня изложили? На кого, как вы считаете, политически сегодня в мире можно опереться в реализации этого контракта? Потому что даже страна Бразилия, откуда Вы родом, пошла по треку, который советуют из более северной страны, чем Бразилия... Как бы Вы ответили на этот вопрос? Спасибо.

Готчалк: Спасибо за Ваш вопрос. Действительно, это центральный вопрос, откуда получить политическую поддержку тех предложений, которые содержатся в нашем докладе... Я считаю, что соотношение сил, которое существует сейчас, может измениться. Оно не статично, мы живем в быстро меняющемся мире. И политическая конфигурация может измениться, причем даже довольно быстро.

Теперь, несколько подробнее скажу о моей стране, вы спросили о Бразилии. Действительно, она идет в направлении, противоположном тому, что мы предлагаем, и тому, что, я думаю, ожидает международное сообщество. Что я могу сказать... Конечно, это вызывает у меня большое разочарование. В тот период, когда особенно были сильные пожары в районе амазонских лесов, я был там. Меня спрашивали: «Вы видели сами пожары?» Нет, в том месте, где я был, пожаров не было. Но ситуация действительно тяжелейшая. И мне кажется, что вот нынешняя ситуация, вот этот вот популизм, является во многом результатом того, что сломался тот самый социальный контракт, о котором Вы говорили. Но я надеюсь, что есть шансы, есть возможности изменения политической ситуации с тем, чтобы мы могли продвинуться вперед, с тем, чтобы политические силы, политики нас поддержали в решении этой задачи.

Дынкин: Конечно, я понимаю, что большого оптимизма в Вашем ответе нет. Мы все знаем, что у планеты как бы есть двое легких, парные органы — это амазонские и сибирские леса. И сегодня мы тоже

являемся свидетелями невероятного пожара в Сибири. И опасно то, что это такой снежный ком, потому что выброс углекислого газа, выброс пыли — все это предвещает повышение температуры на будущий год. И к сожалению, у нас в стране звучали такие голоса о том, что тушить эти пожары не рентабельно, что, с моей точки зрения, абсолютно возмутительно. Но если посмотреть на политический ландшафт мира, то действительно, пока не видно таких новых восходящих политических движений, кроме вот этой вот довольно странной, с моей точки зрения, девочки из Швеции, которые предлагали бы некие новые рецепты на смену вот этому популизму и изоляционизму. Если вы посмотрите на Францию, то Соцпартия французская практически перестала существовать. Немецкие социал-демократы терпят тяжелые поражения одно за другим. Там есть восходящие силы, зеленые, в Германии, конечно, помимо еще одной, многокоричневой силы. Но у зеленых достаточно узкая повестка, не касающаяся тех очень важных рекомендаций, которые сделаны в докладе ЮНКТАД.

«ТАК ПОЧЕМУ ЖЕ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА НАХОДИТСЯ В СТОЛЬ ХРУПКОМ СОСТОЯНИИ

в течение всего периода после предыдущего кризиса? Отчасти ответ таков: усилия по обеспечению восстановительного роста экономики в основном имели монетарный характер. Это, прежде всего, использование процентных ставок, которые стали очень низкими, вплоть до нуля. И на протяжении периода после кризиса использовался инструмент количественного смягчения».

«ЕЩЕ ОДНА ДОЛГОСРОЧНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ — ЭТО БЫСТРЫЙ РОСТ ЗАДОЛЖЕННОСТИ: было 16 триллионов, стало 218 триллионов долларов. Это в основном частная задолженность. Однако вот такой рост задолженности не привел к аналогичному росту капиталовложений и экономики. И еще одна долгосрочная тенденция — это накопленная задолженность».

РОССИЯ И КИТАЙ: СТРАТЕГИЯ ПАРТНЁРСТВА

На последних встречах лидеров России и Китая объявили о повышении уровня связи двух стран до всесторонних отношений стратегического взаимодействия. По мнению китайского посла, только ускоряя стыковку национальных стратегий развития двух стран, мы сможем формировать взаимодополняемость и достичь общего развития и процветания. Какие есть за и против у такой впечатляющей инициативы? Рассуждают ведущие специалисты по Китаю и не только.

«Абалкинские чтения» ВЭО России 12 сентября 2019 г. Полностью дискуссия вошла в том V «Бесед об экономике»

Дмитрий Сорокин,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель
Финансового университета при Правительстве РФ,
член-корреспондент РАН, профессор, д. э. н.

Посол господин Чжан Ханьхуэй опубликовал первую программную статью в «РГ». Он пишет, что лично будет поддерживать высокий уровень отношений стратегического взаимодействия, и подчеркивает, что, только ускоряя стыковку национальных стратегий развития двух стран, мы сможем формировать взаимодополняемость и достичь общего развития и процветания. То есть если поставлен вопрос о стратегическом взаимодействии, то, во-первых, должна быть стратегия такого взаимодействия. Не сиюминутное принятие решений, а опирающееся на некие концептуальные стратегические установки.

Сергей Лузянин,
директор Института Дальнего Востока РАН,
д. и. н., профессор

Очень важная вещь — это внутренняя сбалансированность российско-китайских отношений. Нам, конечно, экономическую дистанцию между Россией и Китаем ликвидировать невозможно. Но дело в том, что как раз главное для Китая — это реальное равенство. А в чем оно может быть? На мой взгляд, оно может быть в том, что Китай в этом партнерстве — экономическая ведущая держава мира, а Россия — это великая стратегическая ядерная держава. То есть в рамках российско-китайского тандема есть совокупный потенциал разного качества и разных измерений, это и дает, на мой взгляд, реальное равенство на долгие времена.

Сергей Глазьев,
вице-президент ВЭО России, советник Президента
Российской Федерации, академик РАН, д. э. н.,
профессор

У нас за торговлей не стоит кооперация. Практически нет совместных предприятий, нет научно-технологической кооперации по созданию цепочек добавленной стоимости, почти нет совместных инвестиционных проектов. Хотя торговые структуры у нас друг друга дополняют, но главное узкое место — это, конечно, деградация российского экономического потенциала.

Чень Чжиган,
генеральный директор
Российско-Китайского
бизнес-парка

С китайской стороны сейчас мы чувствуем большую инициативу.

Действительно, надо начинать думать о том, что мы — основные инициаторы многополярного мира. Именно из-за этого мы периодически страдаем. Китай проводит политику, за которую на Китай оказывают давление. Россия — непобедимый великий дух и характер — поэтому происходит то же самое. С этой точки зрения у нас уже историческое товарищество, мы будем поддерживать этот мир. Что касается структуры партнерства, возможно, даже стандартизировать финансовое направление, сотрудничать в области науки, технологий, потому что, хотим мы этого или не хотим, нас начали изолировать.

Сергей Калашников,
член Президиума ВЭО
России, первый заместитель
председателя
Комитета Совета
Федерации ФС РФ по
экономической политике,
вице-президент Торгово-
промышленной палаты

Великого шелкового пути, д. э. н., профессор

Надо воспользоваться сегодняшней ситуацией для того, чтобы действительно стать не просто младшим партнером Китая, сырьевым придатком, а для того, чтобы выстроить совместные эффективные формы взаимодействия. Одна из целей концепции «Два пояса, один путь» заключается в том, что Китай провозгласил: наступает новая система конкуренции между странами. Не экономика одной страны с другой конкурирует, а все страны должны объединиться для отражения тех вызовов, которые нам несет цивилизационный перекресток. И в этом плане Китай берет на себя роль интегратора этих общих усилий по освоению совершенно новой технологической и экономической реальности. Можем ли мы встроиться в эту концепцию? Безусловно, можем, но для этого нужно предпринимать усилия.

Сергей Луконин,
заведующий сектором
экономики и политики
Китая, сотрудник подраз-
деления Центра азиатско-
тихоокеанских исследо-
ваний ИМЭМО им. Е. М.
Примакова РАН, к. э. н.

Когда мы говорим о стратегии сотрудничества с Китаем, сначала нужно понимать, какая стратегия развития российской экономики есть у нас. Мы про нее не знаем. Поэтому и предъявлять претензии к китайской стороне бесполезно, они сами не понимают, чего мы хотим, и поэтому не могут предложить нам какие-либо преференции. К сожалению, из года в год за Россией закрепляется статус поставщика природных ресурсов. Несмотря на то, что, по разным оценкам, до 108 миллиардов долларов вырос торговый оборот, 70% — это энергоресурсы. Китайских инвестиций на нас приходится менее 1%, с тенденцией к снижению. Качество в российско-китайской торговле с российской стороны низкое.

Андрей Спартак,
директор Всероссийского
научно-исследовательско-
го конъюнктурного
института, заведующий
кафедрой международной
торговли и внешней тор-
говли РФ ВАВТ, заслужен-
ный деятель науки,
член-корреспондент РАН, профессор, д. э. н.

Если Китай серьезно настроен углублять экономические отношения с Россией, пытаться найти сферу взаимодействия за пределами сырьевого сектора, то мы это очень скоро увидим. Сейчас он стал открывать рынки для сельхозпродукции. В последние месяцы серьезно открыл. Посмотрим, что будет с защитой интеллектуальной собственности и отказом от принудительного трансфера технологий. Как говорят наши машиностроительные кластеры, по-прежнему покупаются опытные партии, дальше дело тормозится. Если будут подвижки, наверное, можно думать о некотором виде технологического партнерства.

Сергей Санаков,
председатель Правления
Российско-Китайского
Центра торгово-эконо-
мического сотрудниче-
ства, президент
Российско-Китайского
аналитического центра

По поводу стратегии «Один пояс, один путь». Это не является некой экономической экспансией Китая. Там заложены три принципа: совместное обсуждение, совместное строительство, совместное использование каждого отдельного проекта. Ничего не навязывается. Вся эта концепция идет в полном сотрудничестве, взаимодействии с идеей о строительстве сообщества единой судьбы. Я напомним, что Россия названа самым главным партнером в инициативе «Один пояс, один путь».

Юрий Тавровский,
руководитель
Аналитического центра
«Русская мечта и китай-
ская мечта» Изборского
клуба

Долгосрочная программа Си Цзиньпина, которая называется «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации», рассчитана до 2049 года. Что будет в Китае в 2049 году — ясно. Китай будет могучей, демократической, социалистической державой. В том, что это будет так, можно убедиться на том, как Китай проходит реперные точки на этом пути. Сказали: в 2020 году будет искоренена бедность в Китае — она будет искоренена в будущем году. В 2035 году должно быть 700 миллионов человек среднего класса — так и будет; в этом году — уже 440 миллионов. Их движение может быть замедлено благодаря американцам, но в том, что они дойдут до 2049 года с блестящими результатами, никаких сомнений не возникает.

Владимир Ремыга,
ведущий научный
сотрудник Центра иссле-
дований международных
экономических отноше-
ний Финансового универ-
ситета при
Правительстве РФ,
д. э. н., профессор

То, что китайское научное и экспертное сообщество декларирует: в современном мире все уже поделено достаточно четко, но остались три сферы, которые еще возможно поделить. Это Мировой океан, и в первую очередь — Северный Ледовитый океан. Второе — это космос, в особенности дальний космос. И третья позиция — это интернет. Стержень всего

этого — научно-техническое развитие. И мы выступили инициатором того, что 2020 и 2021 годы названы уже официально перекрестными годами научно-технического и инновационного сотрудничества. В науке и инновациях в этом процессе на два года есть достаточно большое поле для деятельности.

Александр Бузгалин,
вице-президент ВЭО
России, член Президиума
Международного союза
экономистов, директор
Института социэконо-
мики «Московского
финансово-юридического
университета МФЮУ»,

заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова,
д. э. н.

Первое: главный вопрос — цели. Не средства, не деньги, не металл, не сырье. Цели. Второе: в качестве методов не только торговля и взаимовыгодные, по сути дела, рваческие для частных фирм модели создания тех или других хозяйственных проектов, а плановое сотрудничество, создание совместной собственности и многое другое. Здесь было справедливо сказано: если занял миллиард, то тебя могут завоевать, если ты не отдашь. Если ты вложил совместно несколько сот миллиардов, то ты будешь обязательно завязан на долгосрочное сотрудничество. Бросить это будет очень глупо. Поэтому либо мы вкладываем огромные ресурсы в большие стратегические проекты под культурные, образовательные и какие-то цивилизационные цели, либо мы оказываемся действительно в положении сырьевого придатка с весьма печальными перспективами.

Василий Богдавленский,
член Правления ВЭО
России, заместитель
директора Института
проблем нефти и газа
РАН, член-корреспондент
РАН, д. т. н.

Арктическое направление у Китая вызывает колоссальный интерес. Они ежегодно проводят по несколько экспедиций в Арктику, строят дополнительно новые ледоколы, и я не сомневаюсь, что они преуспеют не только в Арктике, но они уже и в Антарктиде достаточно активно развивают свою деятельность. После 2014 года, когда был мировой кризис, произошел колоссальный скачок роста потребления углеводородов, как нефти, так и газа, но вместе с тем производство в Китае углеводородов очень сильно отстает от потребления. Они вынуждены искать рынки. И сейчас потребление выше, чем все прогнозы, которые были. Китай ищет, где покупать сырье, и он пошел уже во многие арктические проекты.

Георгий Клейнер,
член Президиума ВЭО России, замести-
тель научного руководителя, руководи-
тель научного направления «Мезоэко-
номика, микроэкономика, корпоративная
экономика» ЦЭМИ РАН, член-корреспон-
дент РАН, д. э. н., профессор

В Центральном экономико-математическом институте подписан договор о создании центра системных исследований экономической политики и инноваций. Россия и Китай: Китайский институт науки и развития Академии наук Китая и Центральный экономико-математический институт РАН. В этом центре будут изучаться системные основы экономики. Более или менее общим является представление о том, что мейнстрим в его западном выражении, такие теории, как неоклассика, даже отчасти неинституционализм, уже не удовлетворяют потребностям реальной экономики ни в России, ни в Китае. Они не дают ни общих макроэкономических подтверждаемых рекомендаций.

Максим Спасский,
председатель «Дома Российско-
Китайской дружбы»

Хорошие отношения с Китаем ставят подножку бизнесу, потому что все твердят о том, что все хорошо в экономике, а цены на российские продукты на границе за год упали в полтора раза.

Никому там наше масло не нужно. Зайти в китайские торговые сети с товаром стоит 150–200 тысяч долларов, а мы рассказываем о том, как нас там ждут. Мы научились готовить хорошую информацию. У нас хороший сайт с полезной информацией, но продавать мы не научились.

Сергей Бодрунов,
президент ВЭО России, президент
Международного союза экономистов,
директор Института нового индустриального развития им.
С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Наверное, из всех присутствующих у меня наибольший практический опыт работы с китайскими коллегами в плане производства, машиностроения. Это сложные партнеры, партнеры, знающие свое дело, свои цели и, я бы подчеркнул, систематически работающие над их достижением. На одной из конференций, которая была в то время, 10–12 лет назад, китайский коллега из бизнеса говорил: «Вы знаете, мы очень хотели бы дружить с Россией. Мы видели бы сотрудничество с Россией очень понятно и правильно: Россия поставляет нам ресурсы, а мы поставляем России нашу технологическую продукцию». Я тогда, будучи директором технологической компании, подумал: «Ребята, вы, наверное, не о том говорите. Мы вам поставляем такого уровня технологическую продукцию». А сегодня мы видим, что это уже произошло.

RUSSIA and CHINA: PARTNERSHIP STRATEGY

During the latest summits, Russia's and China's leaders announced a further rapprochement between the two countries which led to the establishment of all-encompassing relations in the field of strategic interaction. According to the Chinese ambassador, only through accelerating the alignment of the countries' national development strategies will we be able to attain complementarity and ensure development and prosperity for the both countries. What are the pros and cons of such an impressive initiative?

Abalkin Readings, VEO of Russia, September 12, 2019

Dmitry Evgenievich Sorokin,

Vice-President of the VEO of Russia, Research Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics

Sergey Gennadyevich Luzyanin,

Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor

Sergey Yuryevich Glazhev,

Vice-President of the VEO of Russia, Advisor to the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Chen Zhigang,

General Director of the Russian-Chinese Business Park

Sergey Vyacheslavovich Kalashnikov,

Member of the Presidium of the VEO of Russia, First Deputy Chairman of the Council of Federation Committee on Economic Policy, Doctor of Economics, Professor

Sergey Aleksandrovich Lukonin,

Head of the Sector of China's Economy and Policy, employee of a division of the Center for Asia Pacific Studies of the Primakov IMEMO of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Sciences

Andrei Nikolaevich Spartak,

Director of the All-Russian Research Institute of Market Studies, Head of the Department of International Trade and Foreign Trade of the Russian Federation, All-Russian Foreign Trade Academy, Honored Science Worker, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics

Sergey Feliksovich Sanakoev,

Chairman of the Board of the Russian-Chinese Center for Trade and Economic Cooperation, President of the Russian-Chinese Analytical Center.

Yury Vadimovich Tavrovsky,

Head of the Analytical Center "Russian Dream and Chinese Dream" of the Izbornik Club

Vladimir Remyga,

Leading Researcher, Center for Research of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor

Sergei Dmitrievich Bodrunov,

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director of the S.Yu. Witte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor

Alexander Vladimirovich Buzgalin,

Vice-President of the VEO of Russia, Member of the Presidium of the International Union of Economists, Director of the Institute of Socioeconomics of the Moscow Finance and Law University, Professor Emeritus of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics

Vasily Bogoyavlensky,

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Institute of Oil and Gas Problems of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

Georgy Kleiner,

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy Research Director, Head of the Research Field "Mesoeconomics, Microeconomics, Corporate Economics", CEMI RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Maxim Aleksandrovich Spassky,

Chairman of the House of Russian-Chinese Friendship

Tatiana Borisovna Urzhumtseva,

Director, Center for Chinese and Asia-Pacific Studies, St. Petersburg State University of Economics, Head of the Russian Secretariat of the Russian-Chinese Economic Universities Association, Member of the World Association of Sinologists

Luzyanin: Dear colleagues, first of all, it's a great honor to speak before such a prestigious community as part of the Abalkin Readings. Secondly, right off the bat I would like to draw the attention of the distinguished community to the fact that I am not an economist. I will be offering my arguments as a political scientist, and a historian; yet I will express my views on the present and the future of Russian-Chinese relations.

The first point, which is quite obvious. Dmitry Evgenievich has rightly noted that this year's 70th anniversary of the PRC and of the establishment of diplomatic relations with the PRC has a certain effect on the official, expert-related, cultural, and humanitarian events.

The second point, which is also obvious: the current partnership is developing in the face of growing uncertainty in both global and regional security; this uncertainty has led to some kind of formalization of many

institutions of global governance and much more. But the main thing that those uncertainty factors have led to is the aggravation of Sino-American trade and customs contradictions, although everyone is

well aware that in fact it means a deeper geopolitical confrontation on a large scale. This is a separate important topic, and I will not dwell on it now. It is against this background that our relationship with China as a strategic partner is taking shape.

Today, given the high level of the relationship, an informal, unofficial search for the optimal model is underway. Officially, strategic partnership is understandable, but many media pundits write about an alliance, about further rapprochement, about some kind of formalization. I remind you that over the last 70 years we've had two documents which are fundamentally important for our relations: a historical document dated February 14, 1950 — the Treaty of Friendship and Alliance, which for certain reason has sunk into oblivion, and the other one, which is in force now, a document dated July 16, 2001, the Treaty of Friendship and Cooperation, which formalizes the strategic format of relations. Between those dates lies an era of

alliance and confrontation and normalization of relations. Today a discussion is ongoing, with some of the participants going as far as calling for an alliance; but it is clear that we should be determining our priorities from Russia's point of view. Of course, it's clear that at present no formal alliance is desirable despite the severity of the situation, and the very nature of strategic partnership allows us to fill the agenda even without such an alliance. It is another matter that we, and the Chinese side as well, have agreed to expand the 2001 treaty, in particular Article 9, which provides only for holding consultations in the event of a threat to either of the parties. I think there will certainly be a rapprochement in this area when the treaty will be renewed the next year.

Based on the task, a deepening of the two countries' military-strategic agenda will come to the fore. You know that the United States

IT IS CLEAR THAT CHINA'S INVESTMENT RESOURCES, AND INDEED THE SHEER SIZE OF ECONOMY, ARE MUCH LARGER, AND THAT CHINA HAS MORE OPPORTUNITY.

identified Russia and China as the main strategic opponents at the end of 2017, and as the main partners at the beginning of 2018. In the near future, apparently, within this month, a Russian-Chinese military agreement will be made to replace the 1993 agreement. I will not talk about it in detail now. What's new? China today realizes that it is on the verge of a nuclear arms race in Asia. It will not be about missile defense; it will be about the deployment of American ground-based systems — medium and short-range missiles. There will be a new round of the arms race, and therefore, of course, Russian-Chinese cooperation will become more significant.

It's not for me to explain to this audience what Eurasia, the Eurasian Economic Union and the Chinese "One Belt, One Road" initiative are. There are two major projects: the EAEU, and the Chinese "One Belt, One Road" initiative, which has a marine version, and even a northern one, in addition to the continental one; but of course, in this case we

are talking about the Eurasian version of the Chinese initiative. For both Russia and China, it is a matter of strategy, it implies strategic projects. Moreover, I recall that prior to May 8, 2015, prior to the joint statement of the EAEU and the PRC on handshaking, Chinese experts viewed the initiatives of what was then the Eurasian community as competitive, and not comforting enough. But now we have a joint statement, a de facto and de jure political consensus implying the development of both projects in Eurasia. It's another matter that, of course, for Russia the political agenda is more advanced, we are behind in the economic sphere, in transport, infrastructure, investment projects and so on. It is clear that China's investment resources, and indeed the sheer size of economy, are much larger, and that China has more opportunities. This is also a separate topic, and I will not dwell on it now. But in any case, it's a de facto and de jure

recognition of equality. There are no preferential agreements with China; the EAEU doesn't cooperate with China on a preferred basis, but it is

understandable as the Chinese have not insisted on it yet.

The next point is Russia's strategy in relation to the international and regional agendas. I will not explain it in detail. It implies a common approach with China to the Korean peninsula, Afghanistan, the Middle East, Latin America, and much more. It is a separate important area. Here's where the new quality of the two countries' influence on regional processes is clearly manifested. As a matter of fact, Russia and China initiated the expansion of the SCO to 8 permanent members, including India and Pakistan, and the same is true for BRICS. By the way, in terms of the international regional agenda the so-called formation of four democracies, i.e. Japan, Australia, India and the USA, the so-called Indo-Pacific region, or the concept of the Indo-Pacific region directed primarily against China, proved to be a serious challenge for Russia, but more so for China. This is a new rather complicated track, in fact

a challenge to China's position in the Asia-Pacific region.

As for Russia's strategy, the most difficult option for us is bilateral Russian-Chinese trade. The picture here is contradictory. I think you might know this question even better than I. On the one hand, from 2017 to 2018 there was a sharp 27% increase to 107 billion, due to higher energy prices and an increase in Russian exports of mineral fuel, raw materials and so on, and agricultural produce as well, with a simultaneous shrinkage of Russia's engineering exports to China to 1%, and an increase in China's engineering exports to Russia. Nevertheless, we have a surplus of about 4 billion in this 107 billion trade.

Growth will continue, but the structure of this model itself is asymmetric, i.e. mineral fuel and raw materials in exchange for engineering products. This model was developed long ago, in the 90s, it reflects an objective situation, the asymmetry of the economic potentials of Russia and China and the structure of their economies, it did not arise today or yesterday, and it is an objective reality. Another thing is that Russia should pursue an optimal policy in these objective structural conditions of trade. Of course, investments have not been too strong, but, I repeat, it is a separate issue.

Turning to the task of developing a strategy, set by Dmitry Evgenievich, I would like to point out 4 issues to be discussed.

The first is the optimal form of the relationship. It seems to me that Russia's strategy should proceed from filling up the military-strategic or, more broadly, bilateral, agenda within the framework of that partnership. Some experts call it a quasi-alliance, i.e. an alliance without binding formal documents based on political consensus, as the new ambassador Zhang Hanhui wrote in Rossiyskaya Gazeta. Incidentally, it is important that the existing quality of the partnership, without allied relations, is already a deterring factor for the Americans. In fact, as among Russia, China and the United States, a definite strategy has developed; the Americans today are strongly deterred without the relations between Russia and China being formalized.

The second is the Eurasian strategy of Russia. This is not an easy area. It is clear that Russia is objectively the core of the continent, it has certain opportunities and faces difficult challenges. The "One belt, One Road" strategy also provides opportunities and poses certain challenges. Of course, I believe it may be too early to talk about a free trade zone between the EAEU and China, but the Chinese do not insist on it, as far as I know. Another thing is that the EAEU has been actively diversifying.

There are projects for setting up free trade zones in Singapore, Vietnam, Mongolia and so on.

The third very important thing is the internal balance of the Russian-Chinese relations. Of course, it is impossible for us to close the economic gap between Russia and China, it is an objective reality for today and tomorrow. Still, the difference in the countries' potentials is too great. But the fact of the matter is that what China wants the most is real equality. And what could that be? In my opinion, it could be that in this partnership China is the world's leading economic power, in terms of its GDP (PPP), and Russia is a great strategic nuclear power. That is, within the framework of the Russian-Chinese tandem there is a combined potential of different quality and different dimensions, which, in my opinion, ensures real equality for the long term. The Chinese are pragmatists, they have everything clearly laid out before them.

And based on this, the fourth, and final, point. We know the millennial mentality of the Middle Kingdom. It is based on pragmatism, rigidity, the realization of one's own interests in the first place. Russia's interests are also based primarily on its own interests. But the presence of interests of Russia and China running side-by-side is not a contradiction, it is, in fact, a normal phenomenon which does not create any tension. There is a leitmotif in the Russian-Chinese mutual agenda, which includes key parameters: overall security, both global and regional, mutual right to development and equal cooperation based on the balance.

Glazyev: In continuation of what Sergey Gennadyevich said, I will start with equality, which applies to us based on the potential of the powers, with only one remark to the effect that our advantage in this equality is the legacy of the Soviet Union. For 30 years, we have not been very successful in confirming this status, whereas everything China has today is the result of just the last 30 years. Therefore, the question of how long this equality can last based on mutual interests is, I would say, rhetorical.

As for the foreign trade turnover, we boast of great achievements, we report we have fulfilled the presidential directive to attain a 100 billion trade turnover, but it is a very modest achievement. In general, Russia's share in China's foreign trade is almost invisible against the backdrop of their huge trade with neighboring countries — the United States and the like. Therefore, the 100 billion is by no means an outstanding result in terms of the equality of our economic opportunities.

What are the bottlenecks? First of all, there is no cooperation behind trade. There are practically no joint ventures, there is no scientific or technological cooperation to create value chains, almost no joint investment projects, and those that do exist, like Yamal LNG, — what kind of projects are they? They are nothing but imported equipment and Russian gas supplies, any they make zero contribution to Russia's economic growth. In fact, those projects are absolutely invisible to Russia in terms of Russia's economic growth. All the rent goes either to the Westerners who supply the equipment, or to China, to the extent of its involvement. Although our trade entities complement each other, the main bottleneck is, of course, the degradation of Russia's economic potential.

The Russian economy has been increasingly lagging behind China. We started at the same time. Russia had greater opportunities at the start. Today we are 5 times smaller than China. In terms of GDP, we are 8 times smaller. But, most importantly, we are 25 times smaller in terms of investment. This explains the difference between our countries in the global economy. Why are we behind in investment? Because we do not have loans. It is obvious that loans to the real sector of economy are 100 times less in Russia today than they were in the Soviet period, and 30 times greater in China. What is there to talk about? The Central Bank has driven us into feudalism, into an archaic system of the absence of loans.

And when we talk today about the reasons for the weakness of our economic partnership, the main reason is our government system, the degradation of our economy, our inability to finance joint investments. There are hundreds of investment projects that have been approved at the political level, and only few of them have been actually implemented. Because, unlike China, which provides its economic agents with an unlimited amount of investment, our banks do not provide it. I think a bank like our Savings Bank simply would not exist in China, since it does not invest at all. In the assets held by our banks the share of investments is less than 5%. And in China, the entire government system is configured to increase investment.

In conclusion, what are my main thoughts?

Obviously, China has created a new government system. It can be called convergent, as we used to call it in the past, i.e. one combining the plan and the market. We called it the integrated world economic mode meaning that the Chinese government system integrated goals set in the interests of the people, frankly speaking, socialist goals:

economy for the sake of well-being, when the interests of all business entities are based on the common good. That is, the beneficiaries of the Chinese economic model are, firstly, the entire society as a whole, and secondly, government owned and private businesses which receive unlimited credit and access to material resources in order to be able to increase production; and, finally, the country's leadership itself, the ruling elite of China, which feels itself today at the top of the world and modestly calls itself “second from the top”.

Until we build a similar government system ... I'm not talking about copying, it is probably out of the question, because after decommunization we cannot copy the Chinese model, but I would point out that the system of integrated world economic mode is very diverse. India, which has emerged as the world leader in terms of economic growth, has implemented a similar model within the framework of a democratic political model. India has an altogether different political system, but convergence and integration are still present. The state and the entire government system are focused on maximizing investment.

The conclusion is this: if we continue to adhere to the IMF's archaic recommendations, if we continue to live without loans, then we are doomed to a peripheral existence between the new center of economic growth, China, in the East and the old European Union in the West, with the our entire economy being destined to serve those two centers. And the second option is to radically change the government system in an attempt to create a own model of accelerated development, which Putin has called for, to make a breakthrough, but this cannot be done without investments, and investments are impossible without loans. So, we return to what we've discussed many times over — to the need for a radical change in the macroeconomic policy, the monetary sphere and so on.

Kalashnikov: In this context, I would add that I am still Vice-President of the Chamber of Commerce and Industry of the Great Silk Road based in Hong Kong.

Colleagues, I have the impression that the number of economic myths regarding Russia and China is simply unprecedented. Those myths stem from many sources. One of them is the various ongoing political processes, both between Russia and China and globally. But the most important thing, in my opinion, is that they downplay the actual economic situation and the prospects of understanding the processes that are going on in Russia and China.

The question is rather broad: what is Russia in relation to China? If you look speculatively into the future, then it must be one of the most important geopolitical and economic questions that need to be answered. Today we can definitely say that Russia has become a younger brother of China in economic terms. This is the first point. Secondly, what will happen in 20 years? It is a very controversial question. Chinese economic policy is like a Chinese box or, in Russian, a Chinese nesting doll. It has many layers, in terms of both purpose and time.

Let me give you one small example. Everyone heard of the Great Silk Road. Today it is truly a fundamental economic and political nesting doll of China. Let me tell you that few people seem to know how the Great Silk Road works today, particularly how it is financed. We all know about high-level summits where they discuss how good it is, what a great idea it is. But let me remind you that, in fact, the Chamber of Commerce and Industry of the Great Silk Road (and this is the only body that is in charge of this concept, and it is a concept) was founded by the society for promoting Chinese culture, which initially was one of the main founders, later joined by the Chamber of Commerce and Industry of China. Colleagues, I want to draw your attention to the fact that the Great Silk Road as an economic program has a meta-goal (which is probably its main goal) of promoting Chinese culture throughout the globe. Just take notice of this fact. What is the place of Russia on the Great Silk Road? Almost 70 countries are now on the Great Silk Road, but note that Russia has no place on the Great Silk Road. The railway will pass through Kazakhstan, the Caspian and Turkey. The Trans-Siberian Railway will not be included. I do not want to go into it, but we ourselves are to blame. This is the first point. Secondly, the west-bound highway which is currently supposed to be built through Kazakhstan and Belarus is a purely Russian commercial project, which, in my opinion, will have very questionable consequences, including political ones. The question is: what connects us to the Great Silk Road? The Answer is, Russia simply has no place in it, as I have already said.

Are we China's rivals? Unfortunately, the most telling example is Africa. Today we are opening up our vast opportunities to African

countries. In the near future, a corresponding summit will be held. However, China has already taken almost all of Africa. Keep this in mind.

And another point: does China need us? Yes, China needs us. China needs us primarily as a raw-material appendage. And everything that is now being done in the investment area is an attempt to get to our resources. Our Chinese colleague was right in saying that today the geopolitical situation is pushing both Russia and China into a mutual embrace. There are many nuances here, I do not want to dwell on them, but the essence is that politically we are quite interested in each other today. Let me emphasize: the interest is mutual. The question is whether or not this political interest will be realized economically? On top of that, China does not seem to be showing a lot of interest in our scientific and technological advancements. Today, in terms of advanced technologies, the best we can give to the world is just ideas. Unfortunately, we do not produce real know-how.

LET ME EMPHASIZE: THE INTEREST BETWEEN RUSSIA AND CHINA IS MUTUAL.

As regards the Silk Road, I have said that the Silk Road is a nesting doll. One of the goals of the wonderful concept of “Two Belts, One Road” is China proclaiming that a new system of competition between countries is emerging. It's not that one economy competes with another, but all countries must unite to meet the challenges brought about by the civilizational crossroads. And in this regard, China has assumed the role of integrating everybody's efforts in order to develop a completely new technological and economic reality.

Lukonin: When we talk about a strategy for cooperation with China, we first need to understand what kind of a development strategy we have for the Russian economy. We know nothing about it. Therefore, it is useless to make claims to the Chinese side, they themselves do not understand what we want, and therefore cannot offer us any preferences.

Unfortunately, over the years Russia has acquired the status of a supplier of natural resources. Despite the fact that, according to various estimates, our trade turnover has grown to \$108 billion, 70% of it is energy.

According to various estimates, Russia accounts for less than 1% of Chinese investment, and it's a downward trend. From the Russian side the quality in Russian-Chinese trade is low. As for China, it's doing great. Traditionally, the Russian Federation has been in ninth, tenth or eleventh place in trade with China. It has never gotten any higher.

Despite all the rhetoric in the media and among diplomats, the sanctions have affected Russian-Chinese relations. Chinese companies do not want to invest in the Russian Federation, they are afraid of working with us. So far, for Chinese companies, the US and the European Union have been much more important as markets. The United States is a source of both finance and new technology. Unfortunately, Russia does not produce anything that could interest China, but what it does produce it produces in insufficient quantities. We are even unable to meet China's demand for agricultural products. And the much-advertised statement that the share of

Russian agricultural products has increased is not true — in reality it has slightly decreased in 2018, by six hundredths of

a percent, but it's still a decrease. So, the main question is what we want, and how to develop the Russian economy? Only after we have defined a goal can we fully cooperate with China.

Regarding cooperation in politics. Yes, everything is fine in politics, but it seems to me that politics is a reflection of economy and until it clashes with economy everything remains normal, but afterwards a contradiction may arise. But the main contradiction (I'll simplify a little bit) is when you lend a person 100 rubles, and he doesn't give it back, you stop talking to him and you say the person is dishonest; but when you give a person a million rubles and he doesn't return it to you, all pacifist statements and all the talk of not interfering in internal policy can be put aside. Here, there is also a certain danger.

I'm not complaining about China. China follows its own path and it is very successful. I'm complaining about the Russian economy. Until we have defined a development goal (it should not consist in having a surplus balance, it should be related to development), it is useless to complain about China.

Что нас ждет за цифро- визацией?

Презентация «Доклада о цифровой экономике — 2019» (Digital Economy Report 2019)
в ВЭО России и Международном союзе экономистов.

Дом экономиста, доклад ЮНКТАД, 4 сентября 2019 года, модератор — С. Д. Бодрунов

КАК ВИДИТ ПРОБЛЕМУ ЮНКТАД

Анна Абрамова,
заведующая кафедрой цифровой экономики
и искусственного интеллекта МГИМО

СПОСОБСТВУЕТ ЦЕЛЯМ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Цифровая экономика способствует по всем направлениям достижению целей устойчивого развития. В качестве основных технологий ЮНКТАД выделил расширенный список, он шире того списка, который в своем докладе о развитии цифровой торговли выделяла ВТО. Акцент сделан на тех технологиях, которые так или иначе способствуют тому, что появляются новые массивы данных и идет их трансферт в мировой экономике.

Интересны цифры, что с 1992 года объем информации, который циркулирует в мире, вырос несоизмеримо. Прогнозируется, что к 2020 году в мировой экономике будут циркулировать 150 000 гигабайт информации в секунду. Этот значительный рост объемов информации ставит новые вызовы перед всем международным сообществом и требует выработки адекватных мер по реагированию на эти вызовы.

ДИСПРОПОРЦИЯ В РАЗВИТИИ

К сожалению, на сегодняшний день существует диспропорция в развитии цифровой экономики. Совершенно четко выделяются два крупных лидера — это Соединенные Штаты Америки и Китай. По оценкам ЮНКТАД, на эти две страны приходится до 90% капитализации крупнейших 70 цифровых платформ.

Для сопоставления: ЮНКТАД подсчитала цифры, которые относятся к российской экономике. В сравнении с крупнейшими 70 мировыми платформами доля двух крупнейших российских — Mail.Ru и «Яндекс» — составила 0,2%. То есть потенциал у России очень большой, рынок считается одним из наиболее инновационных и технологически развитых, но по уровню капитализации мы уступаем. Погоду, в том числе и технологическую, и регуляторную, во многом задают именно два крупнейших центра.

На эти страны — США и Китай — приходится до 75% блокчейна. По тем официальным данным, которые публикуются, до 50% затрат на развитие технологии «интернета вещей» тоже приходится на эти страны. И еще одна технология, которая имеет огромное значение для развития бизнеса, — облачная технология — более 75%. Это достаточно серьезная диспропорция в развитии цифровой экономики, указывающая на доминирование двух крупнейших экономик.

Отмечается, что цифровое неравенство сохраняется. Эта проблема не новая, она на повестке дня уже больше 20 лет. Более половины населения мира не пользуется сейчас интернетом. Подчеркивается и гендерное неравенство. Чем ниже уровень экономического развития, тем, к сожалению, уровень гендерного неравенства выше. Для развивающихся стран он находится на уровне 16%, для развитых — около 3%.

КАКОВА СТОИМОСТЬ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ?

Один из центральных вопросов доклада — как могла бы учитываться и должна учитываться стоимость, которая формируется в этой сфере. В докладе делается акцент на том, что самой большой ценностью на сегодняшний день, благодаря платформизации, растущему числу операций, которые проводятся через крупнейшие цифровые платформы, и расширяющемуся объему данных, которые циркулируют в мировой экономике, именно производство продукции и инновации становятся тем центральным элементом, который способствует тому, что формируется стоимость цифровой экономики, и она должна каким-то образом, желательно равномерно, распределяться и учитываться в мировой экономике.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДАННЫХ

Также вводится новое понятие в развитии глобальных цепочек стоимости — «глобальные цепочки стоимости в области формирования данных». И говорится о том, что цифровой интеллект способствует тому, что данные могут эффективно монетизироваться. Что способствует тому, чтобы они эффективно монетизировались? Это в первую очередь все услуги, которые так или иначе могут быть оказаны с помощью крупных цифровых платформ. Крупнейшим рынком на сегодняшний день является интернет-реклама, ее доли значительно возросли, и прогнозируется дальнейший рост. По оценкам, более 60% всех затрат на рекламу как раз будет приходиться именно на онлайн-рекламу.

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ

Важным аспектом является электронная коммерция. Все крупнейшие интернет-площадки становятся именно теми центрами, которые способствуют тому, чтобы данные были монетизированы. И услуги, которые могут быть предоставлены с помощью IT-технологий и интернета, также ведут к тому, что расширяется поток данных и появляются новые бизнес-модели, которые позволяют их монетизировать.

Цифровизация ведет к тому, что появляются новые возможности по трансформации существующих секторов, существующих моделей бизнеса и индустрий. В принципе, не осталось уже почти ни одной индустрии, которая так или иначе не была затронута цифровизацией. Это имеет место не только в развитых странах, но и развивающиеся страны по отдельным направлениям активно включаются в данный процесс.

ОЦЕНКА МАСШТАБОВ

Одной из центральных проблем в цифровой экономике становится оценка масштабов цифровой экономики и выработка политики в соответствии с этими масштабами. На сегодняшний день необходима коллективная деятельность в выработке подходов при сборе статистики.

Сделана попытка оценить масштаб цифровой экономики. Был использован подход узкого определения и более широкого. Согласно узкому определению, глобальная цифровая экономика составляет около 4,5% ВВП. По более широкому определению, ее масштаб составляет до 15% мирового ВВП. Цифры также разнятся, если использовать оба эти подхода для США и Китая.

Для оценки использовался подход, в котором оценивался вклад сектора ИКТ: производство оборудования и услуги, телекоммуникационные, информационные и компьютерные услуги, цифровые услуги, услуги цифровых платформ и в более широком охвате это развитие электронной коммерции, использование ИКТ-технологий бизнесом и масштабы развития индустрии 4.0. Это позволило провести такие оценки. Но даже в рамках существующих статистических подходов

можно оценить масштабы развития.

Была проведена оценка масштабов экспорта услуг, которые могут быть поставлены в цифровой форме. Также была проведена оценка по данным международной статистики экспорта ИКТ-услуг, компьютерных и телекоммуникационных, и также проведена оценка уровня занятости в секторе ИКТ, масштабы изменений за пять лет, за период 2010–2015 годов, то есть по тем данным, которые доступны сейчас для сопоставлений.

РОСТ ДОЛИ ТЕХНОЛОГИЙ И УСЛУГ

В цифровой экономике доля технологий и услуг резко возрастает. И были приведены цифры в сопоставлении с тем, насколько утратили свою роль сектора, относящиеся к категории добывающих отраслей, те сектора, которые в значительной степени определяют характер развития экономики развивающихся стран.

Оставаясь в логике роли крупнейших игроков развития цифровой экономики, проведены сопоставления того, насколько

с тем, естественно, это несет тоже определенные сложности и ограничения для развивающихся стран.

Выделяются сетевые эффекты, возможность создавать, контролировать и анализировать данные и достаточно высокая стоимость для потребителя в отказе от тех платформ в переходе на другие платформы, поскольку предлагается уже комплексный пакет услуг.

ПЛАТФОРМЫ-ЛИДЕРЫ

Как платформы достигают такого лидирующего или где-то доминирующего положения? Через слияния и поглощения с конкурентами, расширение спектра услуг, в том числе расширение цепочки услуг и товаров, которые дополняют друг друга. Традиционно инвестируют в исследования и разработки, причем со стратегическими целями на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Это тоже один из важных элементов стратегии таких платформ. Плюс стратегические партнерства в традиционных секторах. В традиционных секторах партнерства сейчас принимают очень

ВВОДИТСЯ НОВОЕ ПОНЯТИЕ В РАЗВИТИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СТОИМОСТИ: "ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СТОИМОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ДАННЫХ".

два крупнейших на сегодняшний день технологических центра в цифровой экономике определяют развитие по ключевым технологическим направлениям. По оценкам ЮНКТАД, до 90% всей индустрии поиска в интернете приходится на Google. Значительную роль в розничных продажах играет Amazon. И отмечается, что такие крупные технологические платформы, как Amazon, eBay, играют важную роль в поддержке развития малого и среднего предпринимательства в развивающихся странах. Именно они становятся для предпринимателей тем ключом к доступу на международные рынки. Но вместе

широкий охват, как на рынках развитых стран, так и на рынках развивающихся стран — это несет существенный вклад в развитие цифровой экономики.

Цифровые платформы тоже несут в себе определенные риски. Один из центральных вопросов при таком уровне концентрации технологий в двух регионах — это концентрация рынков, создание как раз тех самых цепочек добавленной стоимости в области обработки данных, занятость и возможность предоставления работы в удаленном доступе, налогообложение и воздействие на традиционные сектора, которое не всегда бывает позитивным. Здесь в качестве

С КАКИМИ ПРОБЛЕМАМИ СТАЛКИВАЮТСЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ? ГЛАВНОЕ – НИЗКИЙ СПРОС

примера влияния глобальных платформ на его развитие ЮНКТАД приводит кейс, связанный с развитием рынка рекламы, и наглядно показывает, насколько данная индустрия изменилась, переформатировалась в условиях цифровой экономики.

ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ РАЗВИ- ВАЮЩИХСЯ СТРАН

Одна из центральных проблем для развивающихся стран, это отмечается всегда в дискуссиях в контексте, связанном с выработкой данных, — это то, что развивающиеся страны могут стать исключительно источником этих данных, но упустить всю ту выгоду, которая связана с их анализом и последующим использованием

для бизнес-целей. Это проходит красной нитью при обсуждении проблем, связанных с развитием цифровой экономики. Для развивающихся стран наибольшую выгоду цифровая экономика и платформы несут для микро-, малых и средних предприятий, позволяя им выходить на мировые рынки, поддерживая там, где это возможно, инновационную активность в традиционных секторах и, если это возможно, способствуя в той или иной степени индустриализации в этих странах.

Но цифровое развитие в развивающихся странах очень неравномерно. Приведены примеры, насколько концентрированно цифровое предпринимательство в странах Африки, в странах Азии и Латинской Америки. Мы видим, что для Азии доминирующими центрами являются Китай и Индия, это тенденция уже достаточно долгосрочная. Для Африки активно расширяется роль Египта, Кении, Нигерии и ЮАР. В Латинской Америке традиционно уже несколько лет такими центрами выступают

Бразилия и Аргентина. Но все равно даже в регионах развивающегося мира цифровое неравенство и такое неравномерное распределение цифровых активов имеет место.

ОГРАНИЧЕНИЕ СПРОСА В РАЗВИВАЮ- ЩИХСЯ СТРА- НАХ

С какими проблемами сталкиваются предприниматели в развивающихся странах? Одна из главных проблем — это спрос, то есть ограничение спроса. В принципе, по тем исследованиям, которые проводились и для ЕАЭС тоже, мы можем отметить, что это одна из центральных проблем. Недостаточный уровень развития предпринимательских навыков, уровень квалификации рабочей силы. И последняя проблема — это недостаток финансовых средств и для развития инновационной активности, и для развития бизнеса на более поздних стадиях.

Завершающим разделом в докладе был вопрос, связанный с выработкой адекватной политики, которая позволила бы развивающимся странам получить максимальную выгоду от цифровой экономики и, соответственно, так или иначе сгладить диспропорции, которые возникают.

жем, ядро торговли услугами, относящимися к цифровому сектору, в равной мере затрагивает и развитые, и развивающиеся страны. Здесь, конечно, есть проблема, связанная с вкладом Китая, но это отдельная проблема, я бы хотел ее затронуть чуть-чуть позже.

ВЫСОКАЯ КОН- ЦЕНТРАЦИЯ

Каковы сопутствующие тренды на фоне этого растущего и торжествующего взлета показателей цифровой экономики? Во-первых, это то, что уже было отмечено, — очень высокая концентрация по отраслям, странам, регионам, компаниям. Растущая доля платформ, которые также выглядят очень концентрированно. И здесь, я думаю, в ближайшее время мы будем свидетелями достаточно интересной дискуссии относительно того, в какой мере эта самая платформизация связана или не связана с концентрацией по странам. Потому что, очевидно, когда мы смотрим на китайский рынок цифровой, мы четко видим, что китайские платформы обслуживают его достаточно плотно, и здесь привязка национального в платформах и национального в корпорациях достаточно четкая. Когда мы говорим о том, кого обслуживают Google или Amazon, здесь страновая принадлежность, если сейчас можно говорить о страновой принадлежности ТНК вообще, страновая принадлежность компаний и страновые границы рынка выглядят достаточно несвязанными между собой переменными.

которые связаны собственно с развитием цифрового сектора, многие из этих проблем были здесь проанализированы: и неравномерность, и лакуны с точки зрения предпосылок развития цифрового сектора в отдельных странах и группах стран — то, что в настоящее время представляет наибольшие проблемы для исследователей, которые занимаются цифровой экономикой.

НЕОПРЕДЕ- ЛЕННОСТЬ ГРАНИЦ СЕКТОРА

Анна Владимировна уже говорила о том, что оценки масштабов этого сектора гуляют больше чем в три раза, в зависимости от того, какую дефиницию мы берем. И, в общем, причины этой проблемы очень хорошо видны, потому что, когда мы пытаемся определить сектор через технологии, на которые он опирается, мы всегда получаем огромный статистический trouble.

Может быть, вы помните, в период с 2008 по 2012 год, когда у нас очень модно было развивать нанотехнологии и пытаться посчитать, в чем же этот сектор заключается, каков объем его выпуска и как на него влияют те или иные новации в области экономической политики, точно так же было совершенно непонятно, каким образом вычленять из всего массива российской экономики именно те виды деятельности и производства, где используются нанотех-

ничего кроме бурных дискуссий такого рода оценки породить не могли.

В данном случае, поскольку это все-таки международные усилия и проект, который опирался на те методологические разработки отдельных стран, которые уже внедрены в практику, очень хорошие там страновые кейсы по Филиппинам, есть о чем порассуждать и есть что рекомендовать для нашей статистической системы. Здесь, конечно, отчасти эта проблема снята. Но, повторяю, когда оценки гуляют в три раза и больше, есть о чем задуматься.

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ СЕКТОРА

Что четко видно и по докладу, и по другим исследованиям — это то, что есть показатели выпуска по добавленной стоимости, есть показатели объема продаж, сколько вообще продано, есть показатели масштабов использования — сколько компаний в каких секторах используют (в каких масштабах — мы не знаем) и есть показатели международной торговли. Не надо быть большим пророком, чтобы узнать, какие именно показатели имеют наибольшую статистическую фундированность и по каким показателям можно сделать надежные статистические ряды. Конечно, это торговля, палочка-выручалочка. Торговля всегда проходит через статистику. Если мы посмотрим на данные ЮНКТАД по информационной и цифровой экономике, то там ряд, который доведен сейчас до 2017 года,

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД

Сергей Афонцев,
заместитель директора ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н.

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Если мы посмотрим на ключевые показатели международной торговли, а именно — показатели торговли услугами, которые

могут быть предоставлены в цифровом виде, это digitally developed services, и информационно-коммуникационными услугами, мы увидим, что по развитым странам первый показатель уже плотно перевалил за 50%, по второму показателю все группы стран стремительно приближаются к 10%. Причем что интересно и что важно — это действительно отсутствие среди каких-либо групп стран очевидных аутсайдеров. То есть, в принципе, то, что на самом деле относится к ядру торговли цифровыми услугами или, аккуратно ска-

НИЗКАЯ ЗАНЯТОСТЬ

Мы четко видим, что доля вклада цифрового, в данном случае ICT-сектора в ВВП существенно превышает вклад соответствующего сектора в занятость. Мы четко видим, что это верно, по крайней мере, по занятости, считаемой по головам. Отдельная проблема, что у нас с занятостью, считаемой в человеко-часах. Здесь, к сожалению, у нас со статистикой не все хорошо, но если считать занятость по головам, производительность этого сектора заметно превышает производительность в среднем по экономике.

Какие проблемы связаны с анализом цифрового сектора? Я не беру проблемы,

КОГО ОБСЛУЖИВАЕТ GOOGLE ИЛИ AMAZON? СТРАНОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОМПАНИИ И РЫНКА – НЕСВЯЗАННЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ

нологии. Я помню исследования о влиянии присоединения ВТО на сектор нанотехнологий, где коллеги просто взяли отрасли, в которые на протяжении ближайших лет, как они ожидали, будут внедряться нанотехнологии, и просто все эти сектора, целиком весь их выпуск считали за выпуск отрасли нанотехнологий. Понятно, что

я надеюсь, он будет после презентации доклада доведен до 2018 года, это ряд по торговле ICT-услугами и DD-услугами. Но даже здесь есть большая проблема. Казалось бы, торговля, что там думать? И это третья проблема — аппроксимирование фактических показателей потенциальными. Даже если мы посмотрим на левый

график и скажем «Ой, как много!», посмотрим на правый график — вроде как нормально, но не очень много. Если мы глянем, что же такое DD-услуги, то DD-услуги определяются как услуги, которые могут быть предоставлены в цифровом виде. Это совершенно не обязательно, что они предоставляются в цифровом виде. Соответственно, те показатели, о которых мы говорили, — больше 50% торговли — это некие услуги, финансовые, например. Может быть, они в форме электронной и цифровой, а может, и нет. В какой конкретно форме эти услуги в настоящее время предоставляются — это тоже вопрос, о котором как минимум надо думать.

Если мы посмотрим данные по сопоставлению показателей торговли отдельных стран, здесь объемы и доля соответствующего вида услуг в совокупной торговле услугами конкретной страны, эти данные тоже есть в базе данных ЮНКТАД, опять-таки до 2017 года, то мы увидим, что здесь, конечно, можно судить о каких-то

Мой любимый график, который свидетельствует о том, что не видно явного прорыва, потому что, когда мы развиваем цифровые услуги, разрушается сектор нецифровых услуг. Соответственно, в какой мере это — замещение и в какой мере наблюдается ускорение роста — совершенно не очевидно. Пока я, по крайней мере, не видел для ключевых секторов сопоставления прироста и убытков.

SMILING CURVE

Она связана с тем, что по мере цифровизации доли добавленной стоимости перераспределяется от сектора непосредственного производства к препродакшен и постпродакшен. Это дико интересная тема с точки зрения развития индустрии 4.0. Если мы просто рассматриваем индустрию 4.0 как сферу производства, то опять-таки — что мы приобретаем и что мы теряем? Мы можем получать в сфере

закрывал руками дверцы лифта. Вот когда появились автоматические дверцы, эта профессия умерла.

КЕЙС С ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ

Это то, что мы делали в качестве оценок в рамках экзерсиса стратегического прогнозирования до 2035 года. Но до 2035 года — это совсем гадательные оценки, это то, что укладывалось в общую стратегическую линию, а вот до 2025 года оценки более-менее толковые.

Что мы сделали? Мы взяли виды деятельности в промышленности, которые могут быть затронуты пятью ключевыми технологиями в сфере цифровизации: обработка информации, 3D-печать (как коллеги шутят, это единственное, что точно относится к промышленности, все остальное надо по зернам на эту промышленность распределять), искусственный интеллект, виртуальная реальность и 5G-связь. Посмотрели виды деятельности, которые к этому относятся. Посмотрели опять-таки наши прикидки по соотношению эффекта создания стоимости и разрушения стоимости, наложили это все с одной стороны на текущие тренды, то есть мы посмотрели, какие у нас текущие тренды экономического роста в базовых группах стран и как мы можем спрогнозировать темпы роста в этих странах на будущее. И, соответственно, по сценариям, которые мы в последние три года отработывали с коллегами из Всероссийской академии внешней торговли, попробовали оценить, развитие индустрии 4.0 — какой вклад в рост экономик по группам стран оно реально может внести в зависимости от сценария развития мировой экономики.

Оказалось, что, во-первых, этот вклад не превышает трети процентного пункта. Во-вторых, этот вклад практически одинаков по группам стран, по крайней мере, в длительном периоде. С 2019 по 2025 год там чуть-чуть лидируют все-таки развитые страны, а 2026–2030 — либо они идут ноздря в ноздю, либо при ускорении интеграции больше выигрывают развивающиеся страны. А в случае, если у нас продолжится тренд на нарастание конфликтности, торговые войны и т. д., то вклад индустрии 4.0 в мировой экономический рост будет не так чтобы совсем в пределах статистической погрешности, но сильно меньше, то есть еще меньше, чем те скромные оценки, которые мы насчитали. Это явно не то, что цифровой сектор ожидает от мировой политики.

ТОРГОВЛЯ ЦИФРОВЫМИ УСЛУГАМИ В РАВНОЙ СТЕПЕНИ ЗАТРАГИВАЕТ И РАЗВИТИЕ, И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ.

трендах на уровне страновых групп, развитых и развивающихся стран. Но, например, по Китаю доля торговли ИСТ-услугами и вообще статистика ИСТ-услуг в торговле на сайте ЮНКТАД в базе данных отсутствует. Есть Китай — Гонконг, есть Китай — Макао, но Китая там нет.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ВВП И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ

Опять-таки вечная проблема, почему этого влияния нет. Что случилось? Это парадокс Солоу, это созидательное разрушение. Кстати говоря, в докладе тема созидательного разрушения достаточно продуктивно обсуждается.

услуг обслуживание этого на уровне инжиниринга, на уровне реализации — рост добавленной стоимости. Что происходит с добавленной стоимостью в производстве — это отдельная проблема, мы ее чуть-чуть затронули, но только чуть-чуть, я вам немножко покажу.

И наконец, цифровая экономика и занятость. Я здесь останавливаться не буду, чтобы не перерасходовать время. Каких-то четких трендов в поддержку алармистских прогнозов, которых была масса в последнее десятилетие, что вот сейчас какие-то целые профессии отомрут, сейчас какие-то люди просто перестанут получать заработную плату, доходы, все уйдет в цифру, само собой будет решаться, — пока этого нет. И, кажется, не будет. Если мы посмотрим на те исследования, которые были посвящены предшествующим этапам: роботизации, автоматизации и т. д., — там умирали функции, а не профессии.

Я очень люблю исследование Бессона, который показал, что за 60 лет с 1950 года в Соединенных Штатах Америки умерла только одна профессия. Знаете, какая это профессия? Это оператор лифта, который

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О чем говорят эти цифры? Во-первых, надо четко сказать, что они очень предварительные, они основаны на тех данных, которые реально можно собрать из того, что сейчас есть. Этого совершенно недостаточно для того, чтобы делать надежные макроэкономические прогнозы. Поэтому надежность статистики — это ключевой приоритет, я думаю, и юнктадовский должен быть, и национальных систем статистики на ближайшие годы.

Второе. Чудес от индустрии 4.0 ждать не следует. То есть она не является той косичкой парика, за которую Мюнхгаузен вытаскивает сам себя, и мировая экономика сможет преодолеть какой-то кризис или существенно ускориться, даже по группам стран. Но тем не менее все-таки 0,25–0,35% роста мирового ВВП — это большие деньги. И если растущая часть этих денег будет доставаться нам, то это будет справедливо и логично. Это то, над чем нужно работать и что, с моей точки зрения, имеет смысл учитывать при формулировке политики поддержки цифровой экономики.

ЭСТЕР ДЮФЛО: лауреат Нобелевской премии за БЕДНОСТЬ

Бедность — явление многогранное. Это не просто нехватка денег, это и нехватка образования, и нехватка здравоохранения, и нехватка информации, а также отсутствие политической инклюзивности, осведомленности и т. д. и т. п.

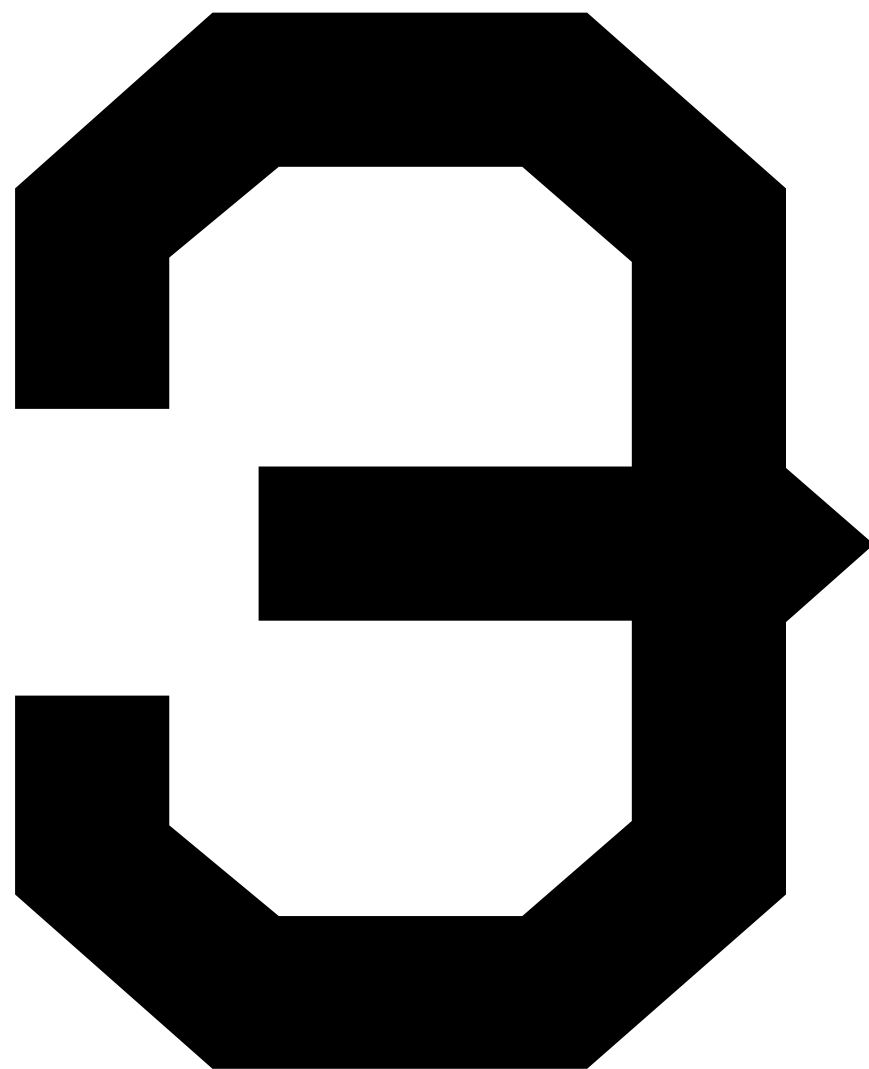
Эстер Дюфло,
лауреат Нобелевской премии
по экономике, Франция

Интервью Брюса Эдвардса, МВФ, подкаст с сайта imf.org

"Я ПРИШЛА В ЭКОНОМИКУ, ЧТОБЫ ИЗУЧАТЬ БЕДНОСТЬ. БЫЛО НЕ ТАК, ЧТО Я СНАЧАЛА СТАЛА ЭКОНОМИСТОМ, А УЖЕ ПОТОМ ВЫБРАЛА ЭТУ ТЕМУ"

Эдвардс: Эстер Дюфло — профессор экономики развивающихся стран в Массачусетском технологическом институте, а Лаборатория бедности была создана для поиска нетрадиционных подходов к борьбе с бедностью. Также Дюфло, совместно со своим коллегой и соавтором, Абхиджитом В. Банерджи, написали книгу «Экономика бедности. Радикальное переосмысление путей борьбы с глобальной бедностью». Я познакомился с госпожой Дюфло после ее лекции Ричарда Гуда в МВФ в начале месяца. Итак,

почему ваша работа была столь сосредоточена на уменьшении бедности?

Дюфло: Потому что в этой области достигается наибольший результат. Я пришла в экономику, чтобы изучать бедность. Было не так, что я сначала стала экономистом, а уже потом выбрала изучение бедности. Я пришла в экономику, когда поняла, что это — действенный способ изменить жизнь бедных слоев населения. Таким образом, в некотором смысле вопрос для меня больше заключался в том, почему именно экономика, а не какая-то другая область.

Эдвардс: Становится ли легче собирать данные в таких странах, как Индия, где Вы выполняете большую часть своей работы, и как это влияет на Вашу работу?

Дюфло: Я думаю, что изменилась не столько легкость сбора данных, сколько возможность получить доступ к целому ряду данных или комбинировать данные исследований, данные о расходах и административные данные. Например, для одного из проектов, которые я представила сегодня, было исследование, был доступ к финансовым данным, был доступ к переписи населения, а затем, конечно, можно было объединить все эти источники данных для последующего творческого использования. С появлением планшетов стало еще проще собирать данные и разрабатывать опросы, позволяющие получить ответы на поставленные вопросы.

Эдвардс: Как Вы думаете, благодаря доступу к данным появилось ли у нас гораздо лучшее понимание того, как сейчас живут бедные люди?

Дюфло: Я думаю, что мы в этом серьезно продвинулись вперед. Я не знаю, что важнее: доступ к данным или готовность собирать нужные данные. В некотором смысле может быть и последнее. 30 лет назад слишком сильно полагались на, так сказать, сводную статистику, которая не так уж сильно проливает свет на то, как именно устроена бедность. А теперь намного больше желания работать в полевых условиях и собирать конкретные данные опросов по интересующей проблематике, конечно же, в сочетании с курсом экспериментальной работы, — все это,

я думаю, дает нам возможность гораздо лучше понять, как устроена жизнь бедных слоев населения.

Эдвардс: В книге, опубликованной Вами совместно с г-ном Банерджи, большое внимание уделяется необходимости понимания того, как живут бедные. У Вас не было ощущения, что чем больше Вы изучаете бедных, тем больше Вы удаляетесь от тех реалий повседневности, в которых эти люди живут?

Дюфло: Мы старались не оказываться в такой ситуации, потому что чем больше ты находишься в ней, тем менее актуальным ты становишься. Да, я имею в виду, что мы находимся в привилегированном положении, работая над эффектом и методикой реального вмешательства, которое затрагивает реальных людей, что дает вполне естественный повод для работы в полевых условиях и наблюдений за тем, что реально происходит. Так что при работе в полевых условиях, я думаю, такой опасности нет, потому что, напротив, все больше и больше людей пытаются проводить много времени на местах, пытаются понять, что происходит. На личном уровне приходится сражаться с возрастом, с той ответственностью, которая к нему прилагается, — дети и тому подобное. Это делает работу в полевых условиях более трудной, чем раньше. Так что я, можно сказать, сражаюсь потому, что считаю это важным, но в большей степени потому, что я действительно люблю это, и мне досадно, что я не могу тратить столько же времени, сколько и раньше, на работу в полевых условиях.

Эдвардс: Поговорим немного о Лаборатории бедности, соучредителем которой Вы являетесь. Много внимания уделяется вопросам, которые обычно не ассоциируются с деятельностью экономистов, — СПИД, посещаемость женских школ, женские лидерские качества. Как Вы думаете, экономическая наука может помочь в решении таких проблем?

Дюфло: Думаю, что есть доля случайности в том, что все это получило развитие внутри экономической науки — ведь экономисты всегда умели работать и со статистикой. И это дало нам возможность освоить инструменты, которые позволяют наблюдать за действием различных типов проектов. Не обязательно

"ЕСЛИ ВЫ ПРОСТО ИСПРАВИТЕ ИНФРАСТРУКТУРУ, ПРОИГНОРИРОВАВ ПРОБЛЕМЫ ЛЮДЕЙ, ТО МЕНЬШЕ ВЕРОЯТНОСТЬ, ЧТО ИЗМЕНЕНИЯ ПРИЖИВУТСЯ"

тех проектов, которые связаны с доходами, финансами или иными вопросами, традиционно ассоциирующимися с деятельностью экономистов или имеющими какое-либо отношение к ней. Я думаю, что это же касается и проблематики развития, в рамках которой уже давно признано, что бедность — явление многогранное. Это не просто нехватка денег, это и нехватка образования, и нехватка здравоохранения, и нехватка информации, а также отсутствие политической инклюзивности и осведомленности и т. д. и т. п. Поэтому, в целом, просто нецелесообразно пытаться решать проблему бедности лишь экономическими методами без обращения ко всем другим сторонам этой проблемы.

Эдвардс: Ваш доклад был посвящен финансовым убыткам из-за коррупции. Каково реальное влияние этих утечек на людей, на население? Я имею в виду, ограничивается ли оно экономикой или же выходит за рамки экономического воздействия и имеет социальные последствия?

Дюфло: Они имеют и социальные последствия, потому что, когда люди видят, что внутри системы происходит массовое воровство, они, думается, теряют к ней доверие. Таким образом, помимо прямой потери доходов для них или для правительства, в зависимости от того, где находится источник коррупции, имеет место и утрата доверия к тому, что делает правительство. Это явление весьма скверное, и его трудно предотвратить. Так, например, в контексте здравоохранения существует большая проблема с прогулами. Ведь это, скажем так, одна из форм коррупции, когда люди не ходят на работу. И это напрямую влияет на систему здравоохранения, потому что население вместо того, чтобы идти в местный медицинский центр, который в половине случаев закрыт, идет к неквалифицированным специалистам, которые есть у них поблизости. Но это дает и побочный эффект недоверия к правительству, и, следовательно, к любым исходящим от него сообщениям. Если медперсонал не ходит на работу, то, когда вам сообщают, что вы должны сделать прививку своим детям, разве вы относитесь к этому

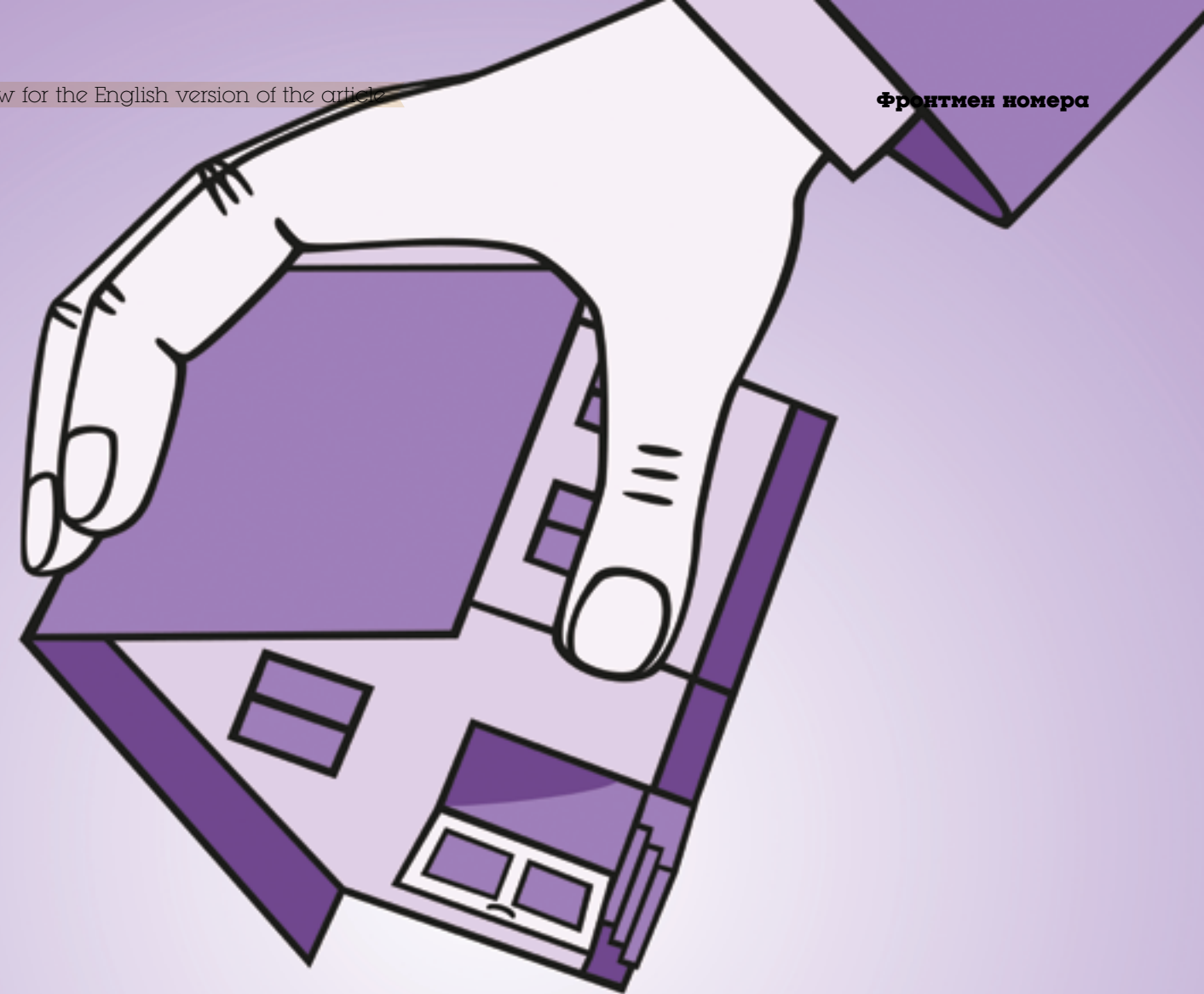
серьезно? С какой стати вам доверять тем, у кого к вам явно отсутствует какая-либо заинтересованность? И это большая проблема.

Эдвардс: Интересно, что в заключение Вы сказали, что важно повысить качество обслуживания посетителей. Считаете ли Вы, что наиболее эффективным методом решения таких проблем, как коррупция, является простое улучшение качества обслуживания населения?

Дюфло: Да, я постепенно прихожу к этому выводу. Если вы просто исправите инфраструктуру, проигнорировав проблемы людей, то гораздо меньше вероятность того, что изменения приживутся, потому что не будет поддержки населения. Возьмем то же здравоохранение. Однажды мы попытались сотрудничать с правительством для решения проблемы прогулов, дав очень сильный стимул медперсоналу выходить на работу. Но благодаря системе люди настолько отчаялись, что в медицинские центры все равно не пошли. Медперсонал некоторое время приходил на работу, но люди не посещали медицинские центры, они пустовали. Затем произошел сговор между младшим медперсоналом и врачами, которые им руководили. И все развалилось. Но глубинной причиной развала было то, что в конечном итоге никого не волновало, приходят люди или не приходят. Это не имело значения, потому что обслуживание посетителей, скажем так, было организовано из рук вон плохо.

Эдвардс: Я читал статью о Вас в журнале «Финансы и развитие», который публикует МВФ, она была опубликована еще в 2003 году. Там есть Ваша цитата, в которой говорится, что экономика — это мужская отрасль. Изменилось ли что-нибудь в этом смысле? Считаете ли Вы, что женская точка зрения влияет на политику больше, чем, скажем, 10 лет назад?

Дюфло: Да нет. Мы все еще возимся с проблемами сексизма, которые... Их, скажем, нет в области экономики развивающихся стран. Развивающиеся страны — это совершенно нейтральная в гендерном отно-

шении сфера, в которой есть мужчины и женщины. Но в макроэкономике, например, почти каждый... там только мужчины.

Эдвардс: Как Вы думаете, это продолжает отражаться на политике?

Дюфло: Я бы сказала, что, наоборот, я хотела бы, чтобы и мужчины работали над гендерными проблемами, ведь проблема в том, что большую часть работы по гендерным вопросам выполняют женщины и, поэтому гендерная проблема стала женской проблемой. Слава богу, такого нет в расовой проблематике. Многие белые экономисты работают над вопросами расы, но очень немногие мужчины-экономисты работают над проблемами женщин. Так что проблема больше в этом. Если бы у нас было намного больше женщин-макроэкономистов, то это могло бы превратить макроэкономику в более комфортную область науки. Однако не думаю, что работа женщин в этой сфере имела бы коренные отличия от работы мужчин.

**КОГДА ЛЮДИ
ВИДЯТ, ЧТО ВНУТРИ
СИСТЕМЫ**

происходит массовое воровство, они теряют к ней доверие.

ESTHER DUFLO

WON a NOBEL PRIZE FOR WORK IN REDUCING POVERTY

«Poverty is made of multiple angles. It's not just lack of money but it's also lack of education, and lack of health, and lack of information, and lack of political inclusion and awareness, etc. etc.»

Esther Duflo,
Nobel Memorial Prize in Economic Sciences
Laureate, France

Interviewed by IMF's Bruce Edwards on an imf.org podcast

ED

Edwards: Is it getting easier to collect data in places like India where you do a lot of your work, and what is the impact on your work?

Duflo: Well I think what has changed is not so much the ease of collecting data as the ability to access a range of data or to combine survey data, and expenditure data, and administrative data. For example, for one of the projects that I presented today there was a survey, there was access to the financial data, there was access to the census, and then you can of course use all of these sources of data together and put them to creative use. It has also become easier with the advent of the tablet to collect data, to have surveys that are really well designed for answering the questions that you want to answer.

Edwards: But do you think that we have a much better understanding of how poor people live now because of access to data?

Duflo: I think we have made a lot of progress. I don't know if it's the access to data so much that does make the difference or the willingness to collect the data that was the right data to do that. In a sense maybe... 30 years ago there was too much reliance on kind of aggregate statistics that are not necessarily that illuminating for understanding the precise way in which the poor work. And then there is now much more willingness to go out in the field and collect very specific survey data on the question that's of interest and of course that combined with the course in experimental work has given us I think a much better window on how people work and function.

Edwards: Esther Duflo is a professor of Development Economics at M.I.T., and the Poverty Lab was set up to find non-traditional approaches to poverty alleviation. She also co-authored with her colleague, Abhijit V. Banerjee, Poor Economics. A Radical Rethinking of the Way to Fight Global Poverty. I met Miss Duflo after her Richard Goode lecture at the IMF earlier this month. So, why has your work been so focused on poverty reduction?

Duflo: This is where you can make the biggest difference. I came to economics to study poverty. I didn't choose poverty once I was already in economics. I came to economics once I realized that it was a powerful way to making a difference of the life of poor people. So, in a sense the question for me was more, why economics and not some other field.

Edwards: And in this book that you publish with Mr. Banerjee there was a great emphasis on the need to understand how the poor live, and did you feel the more that, you know, you research the poor, do you feel that at times that you're too far removed from the realities that these people live on a daily basis?

Duflo: We tried not to be in that situation because the more you are in this situation the less relevant you become. So, I mean we are in the privileged position of working on the effect and the design of real intervention that affects real peoples so that gives you a pretty natural reason to go out in the field and see what is going on. So,

at a field level I think there is no such danger because you think, on the contrary, more and more people are clearly trying to spend a lot of time in the field trying to understand what's going on. At a personal level you know you're kind of fighting against aging and you know more responsibility coming with that, and children, and the like, which makes going to the field more difficult than it was before. So, for me that's kind of a struggle, in part, because I think it's important but, in a larger part, because I really enjoy it, so I get frustrated by the fact that I can't spend as much time as before in the field.

Edwards: Talk to me a little about the Poverty Lab, of which you're a co-founder. You know, a lot of the focus on the issues that one wouldn't normally associate with, or wouldn't expect from, a group of economists. You know, AIDS, girls school attendance, and women's leadership roles. How do you think that the field of economics can help address issues like that?

Duflo: Well I think it might have been a little bit of an accident that this development took place within economics in the sense that economists have always been good with statistics as well. And that has given us the ability to master the tools that allow us to look at the impact of various types of projects. Not projects that necessarily have any impact on, or have anything to do directly with, income or money or stuff that economists would be traditionally associated with. I think there is also the fact for development, that has been recognized for a very long time, that poverty is made of multiple angles. It's not just lack of money but it's also lack of education, and lack of health, and lack of information, and lack of political inclusion and awareness, etc. etc. And, therefore, it's not wholly even feasible to try and think of addressing poverty without being in principle open to all those dimensions.

Edwards: And so, your presentation today focused on the loss of money through corruption. What do you think the real impact on people, on the population is of these leakages? I mean, is it all about economics or does it go beyond, you know, an economic impact or are there social implications there as well?

Duflo: There are social implications there as well because when people see that there is massive theft inside a system, I think, they also lose confidence in it. So,

beyond the direct loss of income for them or for the government, depending on where the source of corruption is located, there is also the loss of trust in what the government is doing. And that can be very nefarious and hard to avert. So, for example in the context of health there is a big problem with absenteeism. So, it's a form of corruption, if you want, to never show up for work, and there is a direct effect on health because the people instead of going to the local center, which is closed half of the time, go to unqualified practitioners that are on the area. But there is a marginal effect on sort of mistrust of anything the government does and therefore mistrust of any messages that they have to share. So, if the nurse never comes, the day she tells you that you should immunize your kids why would you take her seriously? You know, why would you trust this person who clearly doesn't have your best interests at heart? And that's the big issue.

Edwards: You know, I thought it was interesting that you wrapped it up by saying this is all about providing better customer service. Do you think that's a more effective approach to addressing issues like corruption, just improving the service that you provide to citizenry?

Duflo: Yes. So, this is something that sort of I became increasingly conscious of. If you just fix infrastructure and nothing touches the customer then the changes will be much less likely to stick because there's not going to be a constituency of people who are going to support you. So, to continue with the example on health. Once we tried to work with the government to address the absenteeism problem by giving very strong incentive to nurses to show up. But I think people are so despondent about the system that they didn't come back. The nurses showed up more for a while but the people didn't come to the health centers, they were still empty. And then there was a collusion between the nurses and the doctors that supervised them. So, everything fell apart. But a deep reason for it to fall apart was that nobody cared in the end whether they come or don't come. Doesn't matter because the customer service, if you will, was really too bad.

Edwards: So, I was reading an article about you in a magazine that the IMF publishes, called "Finance and Development", and it was published back in 2003 and there's a quote of you back then that said that economics was a relatively macho culture. Did you think that has

changed at all? Do you think that women's perspectives inform policy more than they did perhaps 10 years ago?

Duflo: Not really. I think we still have... We still got to play with issues of sexism that... Not in development, I must say. Development is a quite gender-neutral field, it has men and women. But in macro, for example, almost every... there are only men.

Edwards: But do you think that that continues to be reflected in policy?

Duflo: I would almost say it's the opposite, that I wish that some men would be working on gender issues, that I find it problematic that most of the work on gender is done by women because that makes gender a woman issue. It's not the case for race, thank goodness. A lot of white economists work on race issues but not very many male economists work on female issues. So, I think that's more of a problem. If we had many more female macroeconomists it might make it a friendlier arena. But I don't know if substance-wise they would do anything deeply different.

IF YOU JUST FIX INFRASTRUCTURE

and nothing touches the customer, then the changes will be much less likely to stick.

пенсионная МОДЕЛЬ: ДУБЛЬ ДВАДЦАТЬ

Власти предлагают очередной вариант накопительной компоненты пенсионного обеспечения. Минфин подготовил законопроект «О гарантированном пенсионном продукте» (ГПП). Новый механизм пенсионных накоплений, как ожидается, будет запущен с 2021 года. Однако эксперты скептически оценивают его эффективность.

МЫ ЖЕ УЖЕ КОПИЛИ!

Напомним, накопительная — индивидуальная — составляющая будущей пенсии, формировавшаяся в рамках предыдущей пенсионной модели, просуществовавшей чуть более 10 лет, была заморожена в 2014 году, как тогда было объявлено, на год. В качестве официального повода для моратория называлась необходимость всеобщего акционирования негосударственных пенсионных фондов (НПФ): эксперты, в том числе из рядов пенсионной отрасли, соглашались с целесообразностью изменения организационно-правовой формы фондов, что теоретически должно было способствовать их большей прозрачности. Однако реальная причина заморозки также не была ни для кого секретом: с присоединением Крыма расширился круг получателей пенсий, прежде не участвовавших в формировании пенсионных ресурсов, и для федерального бюджета эта дополнительная финансовая нагрузка — на фоне замедления темпов экономического роста — была недопустима.

С тех пор мораторий на личные пенсионные накопления продлевался из года в год, сейчас формально

он действует до 2021 года, однако специалисты не сомневаются, что возврата к прежней схеме уже не предвидится. Уточним: мораторий распространяется исключительно на новые поступления на индивидуальные накопительные счета лиц 1967 года рождения и моложе (год «отсечения» граждан, допущенных к формированию обязательных пенсионных накоплений). Средства, аккумулированные в системе до 2014 года, продолжают «работать» и теоретически приносят владельцам счетов инвестиционный доход. Не изменилось ничего и с точки зрения работодателей: они по-прежнему перечисляют в пенсионный фонд 22% от фонда оплаты труда. Но если прежде 6% от этого взноса направлялись на индивидуальные накопительные счета, то с момента заморозки они поступают в «общий котел» и идут на текущие выплаты нынешним пенсионерам.

Таким образом, у поколения 1967 года рождения и моложе сформировался пятилетний уже провал в части личных накоплений на старость. Эксперты оценивают эту дыру в 2,5 триллиона рублей: из расчета ежегодных, до объявления моратория, поступлений 300–500 миллиардов рублей.

Между тем основной идеологией запущенной в 2002 году пенсионной реформы был перенос акцента пенсионного обеспечения с государственных выплат именно на частные накопления. Эта модель действует во многих европейских странах и хорошо себя зарекомендовала. И вот, едва запущенная у нас, оказалась «закрыта».

БЕЗ НАКОПЛЕНИЙ НЕ ОБОЙТИСЬ

Долгосрочные расчеты, с учетом демографической ситуации в стране, показывают, что без индивидуальных сбережений, с использованием исключительно бюджетного ресурса категорически невозможно достичь коэффициента замещения (отношения пенсии к прежнему заработку) на уровне 40% — курс на этот показатель неоднократно подтверждался представителями власти. Более того, изъятие частных пенсионных накоплений из пенсионной формулы лет через 10 приведет к снижению этого коэффициента до 20%. Если ориентиро-

С 2016 ГОДА ВЛАСТИ В ЛИЦЕ МИНФИНА И ЦЕНТРОБАНКА ДОКЛАДЫВАЛИ О ПОДГОТОВКЕ НОВОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА ПОД НАЗВАНИЕМ "ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПЕНСИОННЫЙ КАПИТАЛ"

ваться на нынешний средний размер заработной платы, 35 тыс. рублей, то расчетный размер пенсий получается вовсе «ни о чем». С этой точки зрения повышение пенсионного возраста способно лишь ненадолго отодвинуть кризис пенсионного обеспечения. Но итог в сложившейся парадигме просматривается однозначный — рост социальной напряженности.

Понятно, что пенсионную дыру надо начинать закрывать как можно скорее. Поднимать ставку отчислений для работодателей, судя по всему, уже не представляется возможным: взять с предприятий сейчас особо нечего. Поэтому на повестке дня вновь замаячила идея реанимации частной накопительной компоненты.

С 2016 года власти в лице Минфина и ЦБ докладывали о подготовке нового накопительного инструмента под названием индивидуальный пенсионный капитал (ИПК). Реальных документов по этой новации общественность в глаза не видела, о новом механизме можно было судить исключительно по комментариям, зачастую противоречивым, чиновников. Суть новшества, судя по этим заявлениям, состояла в том, чтобы переложить всю ответственность за будущее пенсионное обеспечение на самих работников. Предполагалось, что они сами должны будут делать отчисления со своей зарплаты — от 0% в первый год до 6% через пять лет и далее. В качестве «пряников» анонсировались налоговые вычеты, право собственности на эти накопления (в том числе возможность их наследования), а также возможность досрочного получения в случае чрезвычайных жизненных обстоятельств.

Основным спорным моментом этой схемы был вопрос обязательности либо добровольности участия в системе. Изначально акцент делался на первом, обязательном варианте: озвучивались механизмы «автоподписки». Однако «принуждение к накоплениям» вызвало шквал критики со стороны экспертов — напомним, что у общественности была возможность обсуждать лишь идею, а не конкретные документы. Указывали, что, по сути, речь идет о дополнительной фискальной нагрузке — а это уже к Налоговому кодексу — при неочевидных перспективах получения этих средств в дальнейшем: память о «заморозке» еще не перешла в разряд фантомных, и осознание, по сути, конфискации личных пенсион-

ДУМАЛИ, БУДЕТ ПЕНСИЯ, — А ЭТО ПЕНСИОННЫЙ ПРОДУКТ

Юрий Горлин,
заместитель директора
Института социального анализа
и прогнозирования РАНХиГС

ных накоплений остается еще в очень активной фазе. Мораторий 2014 года действительно скомпрометировал идею «организованных» накоплений на старость.

Но самым серьезным контраргументом стал финансовый. Низкий, и продолжающий шестой год снижаться, уровень жизни населения не позволяет большинству граждан из месяца в месяц и из года в год откладывать со своей зарплаты. В смысле отчислять-то, если административно «убедят», можно, но — что окажется на выходе, каков будет экономический эффект этих сбережений?

Авторы идеи ИПК дали задний ход и заговорили о принципе добровольности участия в системе пенсионных накоплений. И идея вновь споткнулась о препятствие в виде уровня доходов большей части населения: балансирующие на грани выживания реально не смогут откладывать еще и на будущую пенсию, а небольшая прослойка состоятельных граждан способна позаботиться об обеспечении своей старости и без официального инструмента.

БУДЕМ КОПИТЬ ПО-НОВОМУ!

В августе этого года Минфин отказался от идеи ИПК. И предложил новый вариант пенсионных накоплений — ГПП — гарантированный пенсионный продукт. Конкретных документов по-прежнему не представлено, сообщается лишь, что ведомство осуществляет некие мелкие доработки после экспертизы Минтруда. Поэтому по-прежнему обсуждать можно лишь идеи, озвученные чиновниками. Главный принцип ГПП — исключительная добровольность участия. «Пряники» прежние — налоговые вычеты, право собственности, возможность досрочного получения.

Эксперты разводят руками: перспективы добровольности участия в системе пенсионных накоплений они подробно обсудили на предыдущем этапе. Специалисты также указывают, что аналог предлагаемой Минфином модели уже существует: это система негосударственного пенсионного обеспечения (НПО), которая за все годы своего существования ажиотажной востребованностью не пользовалась, несмотря на то что программы НПО, осуществляемые в основном крупными корпорациями, подразумевали софинансирование работодателем взносов работников. Но вот итог: в системе по

Возникает вопрос: как много людей будет добровольно пользоваться предлагаемым инструментом накоплений. У большинства российских работников доходы не таковы, чтобы они могли на протяжении десятилетий отчислять на будущую пенсию хотя бы те же 6%. А узкую прослойку высокооплачиваемых работников те результаты, которые пока демонстрировали НПФ, вряд ли воодушевят нести туда деньги. Если брать период с 2005 года, когда НПФ начали активно работать, средняя доходность накоплений, отражающаяся на счетах граждан, по моим расчетам, составила 5–6% при среднегодовой инфляции за тот же период 8–9%. Депозиты в крупных российских банках — приносили доходность примерно на уровне инфляции. При этом они обладают большей ликвидностью: деньги можно получить в любой момент, пусть с некоторой потерей процентов. Предпосылки, что в будущем НПФ смогут обеспечивать доходность, большую, чем другие инструменты с сопоставимым риском и ликвидностью, в настоящее время не очевидны.

Низкую склонность россиян к участию в пенсионных накоплениях подтверждают два состоявшихся «натурных эксперимента».

Первый — это программа софинансирования пенсионных накоплений, действовавшая с 2009 года. По всем признакам она была крайне выгодна: на каждую тысячу, которую вносил человек, государство вносило свою тысячу. Доходность 100%. В этой программе номинально — кто внес хоть копейку — участвовало около 2,5 миллиона человек. Но средняя сумма взносов, которую за все годы внесли сами участники, составляет около 20 тысяч рублей в расчете на одного человека. Если поделить эту сумму на ожидаемый период получения пенсии, сейчас это 252 месяца, то получается менее 80 рублей в месяц. Нельзя сказать, что это существенная прибавка. То есть люди в значимом масштабе не продемонстрировали желание отдавать свои деньги на пенсионные накопления даже при реально выгодных условиях.

Второй эксперимент — негосударственное пенсионное обеспечение (НПО), участниками которого являются в основном работники крупнейших российских компаний. Платежи в НПФ делают либо только работодатели, либо работники, но при софинансировании со стороны компании.

Инициатива людей вне корпоративных программ, когда бы они добровольно заключали договоры с НПФ, как оформляют депозит в банке, измеряется максимум десятками тысяч на всю страну (те, кто делает отчисления на постоянной основе).

Анонсированные «пряники» ГПП, по мнению авторов, позволяющие сделать продукт привлекательным, — налоговые льготы для работников и их работодателей, право собственности на пенсионные накопления, возможность досрочного востребования накоплений в кризисных жизненных ситуациях и государственные гарантии сохранности накоплений — присущи и действующим продуктам пенсионных накоплений, не пользующихся особым спросом.

Так, предусмотрены налоговые льготы участникам НПО: на каждую вложенную в рамках НПО тысячу рублей предоставляется налоговый вычет по НДФЛ, возвращаемый человеку 130 рублей. Максимальная сумма вычета 120 тысяч рублей в год. То есть и сегодня можно отчислять до 10 тыс. рублей ежемесячно и получать в полной мере возврат НДФЛ. Но отвлечение на пенсионные накопления десяти тысяч рублей могут себе позволить не более 5% работников, имеющих зарплату более 100 тыс. рублей. Соответственно, не действующие нормы налоговых льгот являются узким местом для участия в НПО.

«Пряник» в виде права собственности на пенсионные накопления — в определенной мере лукавство. Проведем аналогию с банковским депозитом. Если у кого-то есть представление, что деньги, которые он отдал в банк, остаются его собственностью, то это иллюзия. В понятийном смысле — да, они его, но в юридическом — нет. Собственностью является право требования этих средств у банка. Так и здесь: собственностью будет право на получение накопительной пенсии после достижения определенного возраста. И больше ничего.

Вывод неоптимистичен. Хорошо, что отказались от идеи обязательности участия работников в формировании пенсионных накоплений в условиях некомфортной для этого экономической ситуации и институциональной среды. В остальном, к сожалению, вместо реалистичных предложений, направленных на обеспечение роста пенсий, предлагается «пенсионный продукт», как зачастую под видом сыра — сырный продукт.

принципу обязательности, действовавшей до «заморозки», аккумулировано более трех триллионов рублей, а добровольные накопления, даже с участием работодателей, собрали втрое меньше, примерно 1,2 триллиона.

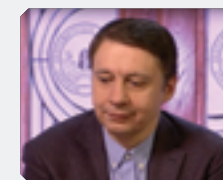
Нынешняя попытка властей «закольцевать» неработающую модель была раскритикована не только на экспертном, но и на официальном уровне. Так, у председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко инициатива Минфина не вызвала энтузиазма: «На мой взгляд, сейчас значительная часть населения имеет доходы, из которых им просто нечего выделять на увеличение пенсионного обеспечения в будущем».

Идеология частных пенсионных накоплений подразумевает не только будущую финансовую поддержку будущих пенсионеров, но и использование не востребованных до поры пенсионных средств в инвестиционных целях для поддержания развития текущего экономического цикла. Собственно, эта «цель номер два» является для правительства даже более приоритетной. Так, первый вице-премьер Антон Силуанов не раз подтверждал реальные виды властей на накопительную компоненту: «Для роста экономики необходимо привлечение длинных денег. Откуда их взять? Безусловно, мы должны создать источники финансирования. Поэтому мы видим необходимость создания ресурса в виде инвестиционных накоплений наших граждан, речь идет о пенсионном капитале».

Тем не менее, как показала практика «заморозки», власти оказались способны пожертвовать «длинными» деньгами для экономики в пользу «здесь и сейчас». Дефицит Пенсионного фонда минимален, сократились текущие бюджетные трансферты в его адрес. Так что не факт, что даже в случае запуска какого бы то ни было (уже хоть какого-нибудь!) механизма пенсионных накоплений правительство вновь не пустит «длинными» деньги на сиюминутные нужды. В итоге шестилетнего реформирования молодой, не устоявшейся еще пенсионной системы мы пришли к ситуации крутого клинча. Население, в силу низких доходов, не способно откладывать деньги на будущую пенсию. Отсутствии «длинных» пенсионных денег лишает экономику инвестиций для устойчивого роста. Стагнация экономики не способствует повышению уровня жизни населения до степени достаточной, чтобы иметь возможность делать пенсионные накопления.

Автор: Марина Талицкая

КЛЮЧЕВОЙ МОМЕНТ НАКОПЛЕНИЙ — ЭТО УРОВЕНЬ ДОХОДА

Александр Сафонов,
профессор Финансового
университета при
Правительстве РФ

По сути, анонсированный Минфином гарантированный пенсионный продукт ничем, кроме названия, не отличается от того, что сегодня уже есть на рынке пенсионного обеспечения.

Сейчас существуют три вида накопительных пенсионных продуктов. Во-первых, это бывшая накопительная компонента прежней пенсионной конструкции: средства, аккумулированные в ней, заморожены с 2014 года, но они продолжают оставаться в системе. Во-вторых, это корпоративное пенсионное страхование. Оно отличается от обычного солидарной природой: право на дополнительную пенсию получает только человек, который завершает трудовой путь именно в этой компании, в этой профессии. Если он покидает компанию раньше времени, то утрачивает право на надбавку. И третье направление — это личное пенсионное страхование, когда человек самостоятельно выстраивает отношения с НПФ.

И все эти пенсионные вклады защищены через систему АСВ, а также подпадают под налоговые вычеты. Так что предлагаемый инструмент ничего нового в этом плане не привносит. И в качестве некоего «особого» механизма не может никого заинтересовать, поскольку те, кто хотел участвовать в накопительной системе, они уже вовлечены в ту или иную схему. Кого еще планирует вовлечь Минфин, не понятно никому. Особенно с учетом экономической ситуации последних лет.

Статистика показывает, что накопления начинаются в том случае, когда доход гражданина составляет более 35 тысяч рублей в месяц. То есть, чтобы семья из трех человек могла иметь возможность откладывать что-то на будущее, ее ежемесячный доход должен превышать 100 тыс. руб. Если меньше — деньги идут исключительно на текущие потребности. А у нас в стране модальная — наиболее часто встречающаяся — заработная плата составляет 25 тыс. руб., медианная зарплата — как раз в пределах 35 тыс. руб. При этом анализ ЦБ показывает, что основная кредиторская задолженность домохозяйств — 75% — возникает в семьях с душевым доходом ниже 35 тыс. руб. То есть эта сумма является неофициальным показателем прожиточного минимума. Все, что ниже, не позволяет человеку обслуживать текущее потребление, ему приходится брать деньги в долг на самое необходимое. Соответственно, более 50% населения ни

при каких обстоятельствах — даже при самых заманчивых налоговых вычетах — не смогут участвовать в накопительной пенсионной системе. У людей просто нет ресурсов для долгосрочных накоплений.

Проблема характерна не только для нашей страны. Так, по отчету американской системы негосударственного пенсионного обеспечения, 80% счетов лиц в возрасте до 40 лет — нулевые. Это подтверждает, что ключевой момент накоплений — это уровень дохода. А исследования той же американской статистики показывают, что поколение Y в меньшей степени обеспечено, чем поколение X. Поэтому кризис накопительной компоненты характерен для всех стран. Эта компонента работала эффективно в период высоких темпов роста зарплат, в 60–70-е годы прошлого века, когда развивались социальные программы крупных корпораций. А сейчас это проблема для всех.

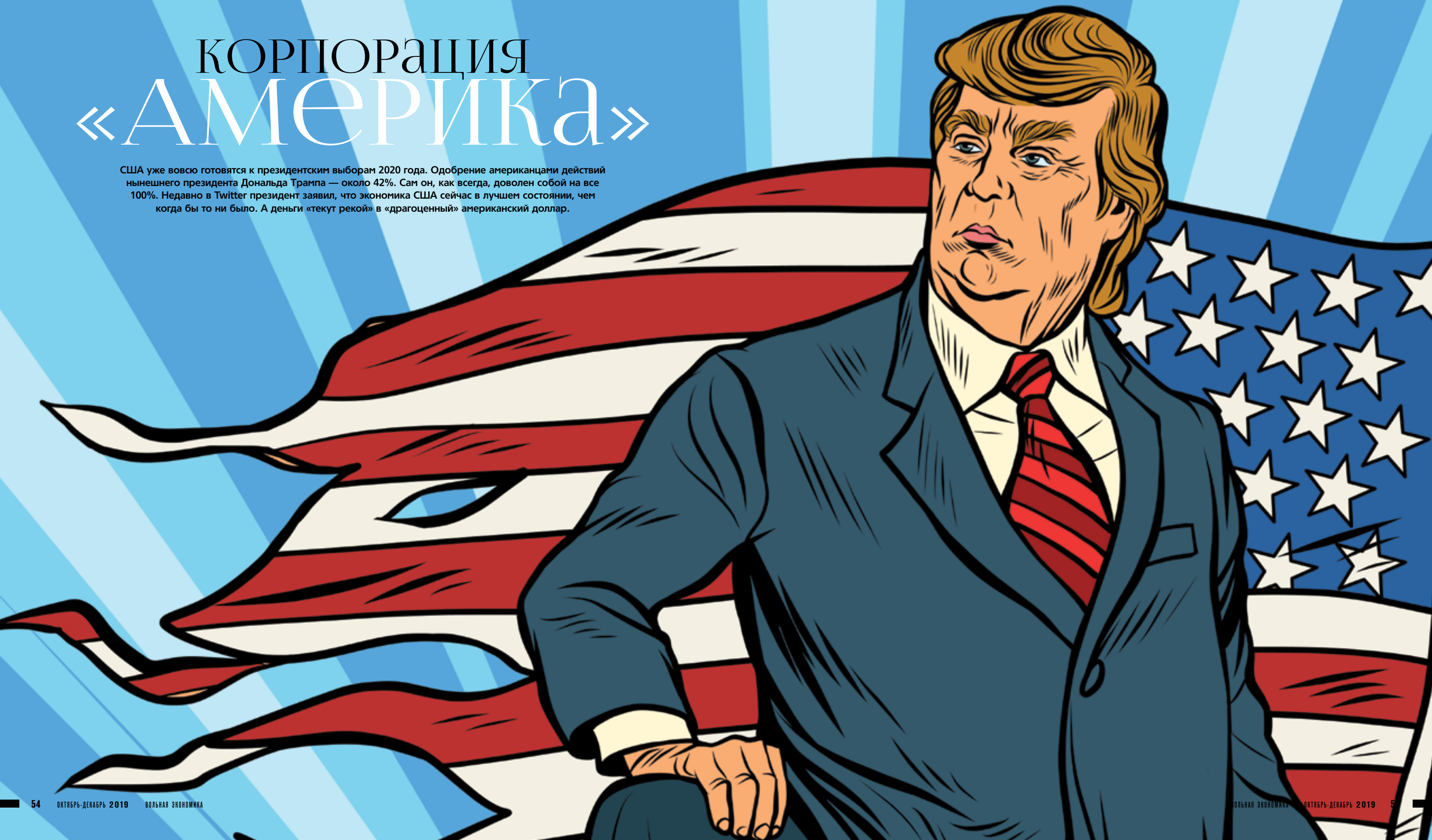
Поэтому многие страны пошли по следующему пути. Они делают все население на две категории. Граждане с высокими доходами в обязательном порядке страхуются в негосударственной пенсионной системе, чтобы избежать провала доходов по завершении трудовой деятельности. А те, кто получает мало, остаются в сфере внимания государственного пенсионного обеспечения.

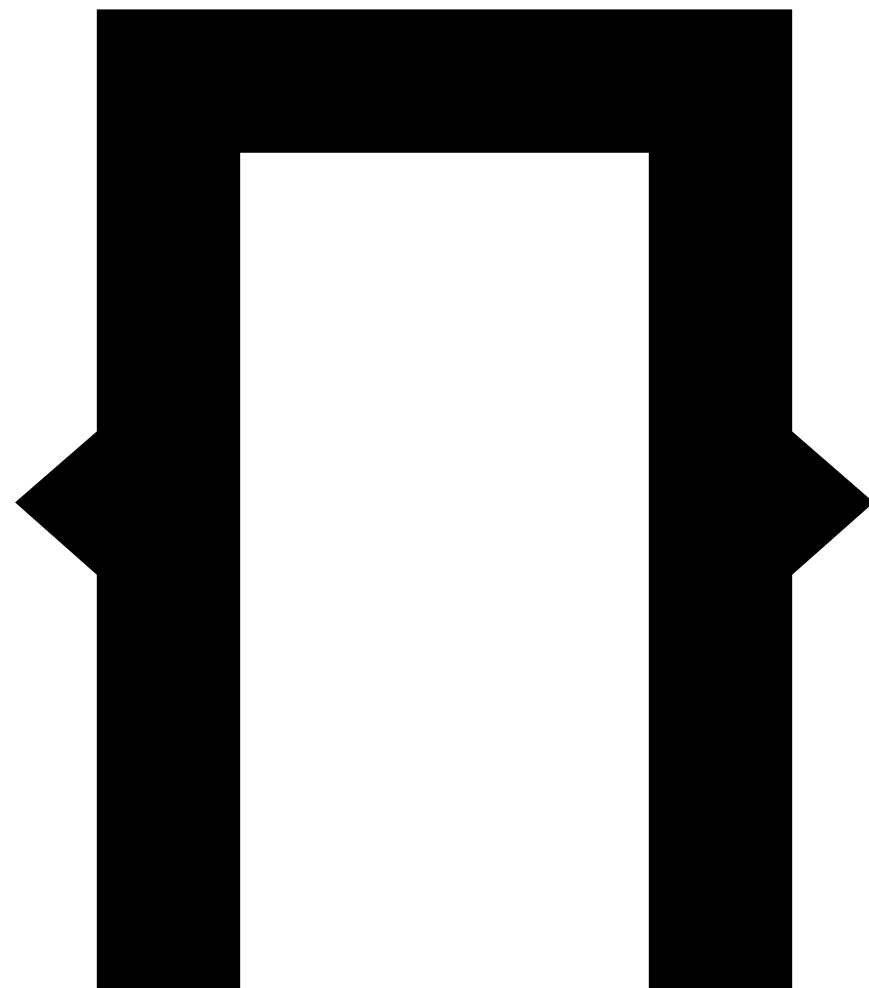
В этом контексте нацеленность нашего Минфина на создание некоего «привлекательного» продукта непонятна: дело не в совершенстве инструмента как такового, а в уровне доходов населения. Так, МВФ еще на старте запуска накопительной компоненты предсказывал, что для людей, получающих зарплату на уровне МРОТ, пенсионные накопления экономически бессмысленны: слишком низкие отчисления, которые не делают погоды.

В этом плане позиция ЦБ более разумная: он заявляет, что в данном случае предпочтительнее совершенствовать систему регулирования НПФ. То есть, во-первых, усилить контроль за качеством активов — чтобы избежать снижения уровня пенсионного обеспечения. Во-вторых, расширить возможности для инвестирования, что тоже важно для эффективности негосударственного пенсионного страхования — приносить доход лучше инфляции. И третье направление — предотвращение вывоза средств НПФ, это означает регулирование маржинальности неинвестиционных операций: вознаградить управляющим компаниям — один из основных каналов вывода средств.

КОРПОРАЦИЯ «АМЕРИКА»

США уже вовсю готовятся к президентским выборам 2020 года. Одобрение американцами действий нынешнего президента Дональда Трампа — около 42%. Сам он, как всегда, доволен собой на все 100%. Недавно в Twitter президент заявил, что экономика США сейчас в лучшем состоянии, чем когда бы то ни было. А деньги «текут рекой» в «драгоценный» американский доллар.

ПОШЛИНЫ РОСТУ НЕ ПОМЕХА

В ноябре в США прошли промежуточные выборы: американцы выбрали 35 сенаторов, губернаторов 36 штатов и всех 435 членов Палаты представителей Конгресса. Действующий президент Дональд Трамп уверен в себе и намерен баллотироваться на следующий срок в 2020 году — несмотря на то что в сентябре Палата представителей начала процедуру импичмента.

Палата расследует действия главы Белого дома, которые, как отмечается, демонстрируют, что он «предал должность президента и национальную безопасность». Основанием для инициации процедуры импичмента стал разговор Трампа с президентом Украины Владимиром Зеленским, в ходе которого глава Белого дома якобы требовал начать расследование против Хантера Байдена — сына кандидата в президенты США Джо Байдена. Демократы назвали это «нарушение целостности выборов».

Тем временем сам Дональд Трамп продолжает общаться с миром через свой Twitter, где недавно заявил, что экономика США находится в прекрасном состоянии, инфляция — на «низком уровне», а оптимизм бизнеса выше, чем когда бы то ни было. Главу

Белого дома мало волнуют и обвинения в протекционизме: по его словам, США были построены «благодаря пошлинам», а в будущем пошлины приведут к «великим торговым сделкам». В Конгрессе оценивали прибыль от введенных пошлин в 2018 году в 7,5 миллиарда долларов, в том числе 1,4 миллиарда от пошлин на сталь и алюминий.

ПРАВИЛА БИЗНЕСА

Глава Белого дома, похоже, продолжает относиться к экономике страны как к очередному своему бизнесу. Газета Washington Post подсчитала, что за три летних месяца президент Трамп в той или иной форме 40 раз выступил с утверждением о беспрецедентно прекрасном положении дел в экономике США.

«Экономика США находится в довольно хорошем состоянии, поэтому у нас нет особых причин беспокоиться о крупнейшей экономике мира», — отмечала в сентябре экс-глава Международного валютного фонда и будущий председатель Европейского центрального банка Кристин Лагард. В то же время, по ее словам, препятствия свободной торговле являются самой серьезной угрозой для общемировой экономики. По прогнозам Европейского центрального банка, торговые пошлины, которые симметрично ввели друг против друга США и Китай, приведут к замедлению темпов роста мировой экономики. В следующем году показатель упадет на 0,8 процента.

«Дональд Трамп драматично развернул руль американской экономики от открытости, которая раньше рассматривалась как залог американского лидерства, а сегодня расценивается как угроза. Отчетливый курс на диктующую роль США — вот что, на мой взгляд, сегодня вызывает основную тревогу», — отмечал на международном семинаре Вольного экономического общества в марте вице-президент ВЭО России, президент ИМЭМО имени Е. М. Примакова РАН Александр Дынкин.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАВЕРХ

К началу этого года США занимали первое место по доле в мировой экономике с показателем 24,3 процента. По паритету покупательской способности страна занимает второе место после Китая с показателем 15–16 процентов. Доля доллара в международных (золотовалютных) резервах намного выше — по оценкам МВФ, около 63 процентов. В долларах проходит около 40 процентов всех транзакций через международную межбанковскую систему SWIFT.

«Положение дел в экономике США действительно неплохое, — полагает старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, к. э. н. Оксана Богаевская. — Экономика растет уже более 10 лет, и это самый продолжительный период экономического роста за всю историю страны. Уровень безработицы больше года не превышает 4%, а в сентябре 2019 года достиг минимального значения за 50 лет — 3,5%. Инфляция остается на низком уровне, не превышая целевого уровня Федеральной резервной службы (ФРС) 2%. Растут реальные доходы: с 2014 года увеличивается медианный доход домохозяйств, а начиная с 2016 года уже третий год подряд этот показатель каждый год превышает свои абсолютно максимальные значения за всю историю. В 2018 году медианный годовой доход американской семьи составил 63,2 тысячи долларов».

Так что заявления Дональда Трампа основаны на реальных фактах, указывает Богаевская. Однако, во-первых, по ее словам, в американской экономике есть и много проблем, а во-вторых, не все экономические успехи являются исключительно заслугой действующего президента. Многие из них обусловлены как фазой экономического цикла, так и действиями предыдущей администрации.

К непосредственным заслугам администрации Трампа в экономической сфере, по мнению Оксаны Богаевской, можно отнести проведение налоговой реформы, последовательные шаги по дерегулированию экономики и проведение дружественной бизнесу экономической политики. Налоговая реформа, особенно снижение налога на корпоративную прибыль, будет иметь долгосрочные положительные последствия для американской экономики, повышая ее международную конкурентоспособность и привлекая инвестиции на территорию США.

«Американская экономика чувствовала себя последние годы лучше, чем в других развитых странах, — соглашается аналитик ИК «Фридом Финанс» Евгений Миронюк. — Это нашло отражение в относительной стабильности роста фондового рынка. Индекс доллара растет с апреля 2018 года. Негативные настроения на рынке выразились в низком показателе индекса производственной активности PMI от Института управления поставками. Этот производственный индекс снизился в сентябре до 47,8 пункта, до самого низкого с июня 2009 года значения. Представитель Института управления поставками подчеркнул, что торговое противостояние с Китаем оказывает негативное влияние на амери-

"ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ДОЛЛАР ВОТ-ВОТ РУХНЕТ", — СЧИТАЕТ ГЛАВНЫЙ ЭКОНОМИСТ И ДИРЕКТОР ПО ИНВЕСТИЦИЯМ SAXO BANK СТИН ЯКОБСЕН

канское производство. Динамика всех трех основных индексов США в целом схожая, Nasdaq традиционно показывает большую волатильность».

США VS КИТАЙ

На негативное влияние торговой войны с Китаем на американскую экономику обращают внимание экономисты по всему миру. Так, Goldman Sachs предрек США рецессию из-за этого противостояния. По мнению экономистов банка, ждать разрешения торгового спора между Вашингтоном и Пекином до новых выборов в США не стоит. «Мы ожидаем вступления в силу тарифов на оставшиеся ввозимые товары из Китая на 300 миллиардов долларов», — приводит агентство Reuters сообщение банка, разосланное клиентам.

Глава Счетной палаты Алексей Кудрин в интервью телеканалу «Россия 1» заявил, что Вашингтон в ближайшие десятилетия будет вести себя более эгоистично в вопросах мировой экономики. «Новая сфера войны — это экономика. В конечном счете это все равно приведет к тому, что США ослабнут, но в ближайшие 40 лет США будут все-таки доминировать», — сказал он.

И ограничительные пошлины на китайские товары, и выход США из международного торгового соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (одно из первых распоряжений Дональда Трампа на посту президента) — все это призвано было стимулировать производство на территории США. «Но пока лишь отдельные отрасли стали бенефициарами деглобализации», — указал Евгений Миронюк. — В целом же это нанесло удар по производству, в том числе и в США, из-за нарушения сложившихся производственных цепочек и изменению ценообразования».

По словам эксперта, хороший потенциал роста на американском рынке сейчас в защитных секторах, к которым относятся коммунальный, добыча металлов, электроэнергетика. Внутренний потребительский спрос демонстрирует существенный рост в последние годы, и это

будет сказываться на бумагах ретейлеров, пассажирских компаний, сектора общественного питания.

«Если смотреть на объективные экономические показатели, то главными проблемами США сейчас являются низкий уровень инвестиций и падение промышленного производства, которое наблюдается в первых двух кварталах 2019 года, — говорит Оксана Богаевская. — И это несмотря на снижение ставок и проведенную налоговую реформу. Скорее всего, причиной такого положения дел является торговое противостояние США с Китаем и обострение торговых отношений с другими странами. Введение пошлин приводит к снижению ожиданий и доверия американского бизнеса, разрыву цепочек поставок, росту неопределенности и нестабильности на рынках, что уже сейчас отражается на показателях промышленного производства и инвестициях. Однако и проблема огромного внешнеторгового дефицита США с Китаем (420 миллиардов долларов в 2018 году), являющаяся причиной торгового конфликта, пока еще далека от разрешения. Еще одной проблемой является увеличивающийся дефицит федерального бюджета, чему способствовала как налоговая реформа, так и значительное увеличение расходов в 2018–2019 годах».

ДОЛЛАР РУХНЕТ?

«Его величество доллар вот-вот рухнет, — ожидает главный экономист и директор по инвестициям Saxo Bank Стин Якобсен, чьи слова приводятся в прогнозе на IV квартал 2019 года по глобальным рынкам. — 2019 год, по всей видимости, запомнится как начало конца крупнейшего в истории монетарного эксперимента, с которого началась глобальная рецессия, несмотря на самые низкие в истории номинальные и реальные процентные ставки. Монетарная политика достигла конца очень долгого пути и оказалась несостоятельной. В глобальном контексте провальная монетарная политика и изнурительного продвижения к фискальной политике у мировой экономики остается только одно средство: снижение цены самих глобальных денег, то есть американского доллара».

По мнению экономистов Saxo Bank, в случае вмешательства в ситуацию с долларом Дональд Трамп может ввести в действие закон 1934 года о золотова-

лютом резерве, который дает Белому дому широкие полномочия по регулированию национальной валюты — например, через продажу долларов для покупки иностранной валюты. ФРС также может включить печатный станок.

В начале октября Трамп обвинил ФРС в удорожании доллара и том, что он стал неконкурентоспособным по отношению к другим валютам. «Как я и предполагал, (глава Федрезерва. — Прим. ред.) Джей Пауэлл и Федеральная резервная система позволили доллару стать настолько сильным по отношению ко всем другим валютам, что наши производители испытывают на себе негативное влияние. Ставка слишком высока! Они злейшие враги сами себе, хотя понятия об этом не имеют. Как жаль!» — написал Трамп, как всегда, в своем Twitter. В январе на Экономическом форуме в Давосе министр финансов США Стивен Мнучин заявил, что «слабый доллар — это хорошо для американской экономики».

«Доллар является мировой резервной валютой, и альтернативы ему в обозримом будущем не видно, — отметила Оксана Богаевская. — Что касается высказывания министра финансов, то тут есть два аспекта. Это заявление было сделано им в контексте задачи США по уменьшению торгового дефицита. Действительно, ослабление доллара способствует росту экспорта, поэтому в этом утверждении нет ничего неправильного. Однако такого рода высказывания не очень уместны для министра финансов США. Для мировой экономики, финансовых, валютных и товарных рынков важна долгосрочная стабильность доллара, и от министра финансов США ждут гарантий ее поддержания, а не конъюнктурных высказываний в стиле экономического аналитика».

По словам эксперта, одна из проблем нынешней американской администрации состоит в том, что публичные высказывания должностных лиц, включая президента, бывают необдуманными и довольно топорными, что может оказывать негативное влияние на результаты проводимой политики. Например, можно наблюдать поток критики со стороны президента в адрес главы ФРС, что является совершенно беспрецедентным, учитывая независимый статус центрального банка, и негативно отражается на стабильности финансовых рынков.

Автор: *Кира Камнева*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИКТАНТ СТАНОВИТСЯ ПОПУЛЯРНЕЕ

В октябре россияне написали третий Всероссийский экономический диктант, организованный Вольным экономическим обществом России и Международным союзом экономистов при участии Финансового университета при Правительстве РФ и ведущих вузов России, администраций субъектов Российской Федерации, институтов Российской академии наук. Акция прошла в 85 субъектах РФ на 1516 региональных площадках, а также на 11 зарубежных площадках в Таджикистане, Молдавии, Монголии и Республике Беларусь. В этом году экономическую грамотность проверили почти 110 тысяч человек.

Кто из российских правителей впервые эмитировал бумажные деньги? Кто написал трактат «О скудости и богатстве»? Кто получает доход от акцизов? Что такое ключевая ставка ЦБ РФ? В этом году вопросы были легче, чем в Диктантах прошлых лет — делятся впечатлениями участники акции.

«Я пишу диктант в третий раз, — рассказала Виктория Каплина, студентка третьего курса Финансового университета, — мне понравились вопросы, они были несложные, на общую эрудицию: все-таки цель акции — не выставить оценку, а заинтересовать предметом — чем занимается экономика, какие проблемы изучает?»

«Мы проводим Диктант третий год подряд — накапливаем опыт, задания первого Диктанта включали много вопросов, ответить на которые без специальных экономических знаний было нелегко, — рассказал Дмитрий Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета, возглавляющий Методическую комиссию, которая занималась разработкой заданий Диктанта, — сейчас написать Диктант может любой человек, окончивший как минимум среднюю школу».

Тем не менее в акции принимали участие не только молодые люди, но и профессора. «Я всегда участвую в этой акции, — рассказала профессор кафедры Финансового университета «Экономика организации» Лариса Чалдаева. — Некоторые вопросы заставляют меня задуматься — нельзя же быть всезнайкой во всем».

В этом году в заданиях Диктанта впервые появились вопросы из истории Вольного экономического общества России — первого института гражданского общества страны. «Мы посчитали важным также включить вопросы, имеющие отношение к актуальной экономической повестке. Дело в том, что, по данным службы специальной связи и информации Федеральной службы охраны РФ, около трети россиян (31,7%) ничего не знают о реализации в России национальных проектов, остальные две трети знают или “что-то слышали”, — рассказал президент ВЭО России Сергей Бодрунов.

Были и вопросы на финансовую «осторожность» — от мошенников никто не застрахован. Статистика удручает — по данным Банка России, в 2017 году с банковских карт россиян было несанкционированно снято 961,3 миллиона рублей, и, как сообщала в октябре газета «Коммерсант», в российском банковском секторе произошла самая крупная в истории утечка — данные 60 миллионов кредитных карт клиентов Сбербанка оказались на черном рынке.

«Наличие определенного уровня экономических знаний — одно из важнейших условий личной защищенности, — отмечает Дмитрий Сорокин, — миссию акции можно сформулировать так: “Экономический диктант: проверяем себя на прочность”».

Поскольку уровень экономической грамотности во многом определяет качество нашей жизни, главная цель Диктанта — просветительская. Задача акции — пробудить интерес к экономической науке, показать, что экономика — не абстрактная наука, эти знания

необходимы для принятия ежедневных решений, помогают ориентироваться в реальных ситуациях и избежать многих ошибок, за которые приходится в прямом смысле дорого платить.

Тем более что ситуация с экономической грамотностью населения в России оставляет желать лучшего. Согласно результатам исследования Высшей школы экономики, каждый второй россиянин считает свой уровень экономической грамотности неудовлетворительным, всего 12% ведут письменный учет доходов и расходов, две трети российских семей — 65% — не имеют никаких сбережений, россияне продолжают терять деньги в финансовых пирамидах и обращаются в микрофинансовые организации под большие проценты.

Нельзя сказать, что в стране высок интерес населения и к инвестиционным услугам. Олег Смолин, член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науке Государственной Думы ФС РФ, говоря о частных инвестициях в России, отметил, что у нас, в отличие от Европы или Америки, биржевые игроки — это всего 1% населения, потому что люди плохо понимают, как и во что инвестировать, — нужно повышать их экономическую грамотность, и такие акции, как Диктант, вносят свой вклад в это дело.

В этом году количество участников акции побило рекорды прошлых лет. Экономическую грамотность проверили почти 110 тысяч человек. Диктант писали, можно сказать, на стратегических рубежах страны. Акция проходила в том числе на самом южном острове Курильской гряды Кунашир, который находится в 16 км от Японии, а также в селе Уэлен — самом восточном обжитом населенном пункте России и Евразии, всего в 84 километрах от земель США.

Некоторые из площадок организовали диктант всего для нескольких участников, например, мало-

комплектные школы в таких сельских населенных пунктах, как село Хатырка на побережье Берингова моря, село Нешкан в Чукотском автономном округе, село Молодежное в Сахалинской области.

Лучшие региональные площадки в этом году будут отмечены «знаками отличия». Из 1516 площадок акции в шорт-лист самых активных, креативных и вовлеченных вошли 119, а 4 лучших из лучших будут награждены 11 ноября в рамках Всероссийского экономического собрания, посвященного профессиональному празднику «День экономиста».

Диктант по традиции проходил в форме теста в двух вариантах — для школьников и всех остальных. Максимальное количество баллов, которое можно получить, правильно ответив на все вопросы, — 100. Участники Диктанта, набравшие более 95 баллов, вошли в число «Отличников Диктанта» и будут приглашены принять участие в финале всероссийского проекта «Фестиваль экономической науки». Остальные получают сертификат участника Всероссийского экономического диктанта.

Что касается результатов Диктанта, они будут обработаны, а по итогам сформулированы практические рекомендации: на что стоит обратить внимание и какие аспекты следует учесть составителям школьных и вузовских программ по экономике. Например, анализ результатов диктанта в 2018 году показал, что у студентов больше всего сложностей вызывали вопросы, связанные с макроэкономической статистикой, экономической историей и отдельными аспектами, касающимися использования финансовых инструментов в современной жизни. У школьников затруднения вызвали вопросы в отношении основ и принципов инвестирования.

ГЕОГРАФИЯ ДИКТАНТА РАСШИРЯЕТСЯ

Если первый Диктант в 2017 году проходил на 637 площадках в 80 регионах страны, то в 2018 году акция проводилась уже на 1294 площадках в 83 субъектах РФ, а также за рубежом — в Таджикистане, Молдавии и Монголии. В прошлой годней акции участвовали 98 538 человек, что почти в два раза превысило количество участников 2017 года. В 2019-м Диктант писали на 1516 площадках во всех 85 субъектах РФ и на 11 зарубежных площадках — в Таджикистане, Молдавии, Монголии и Республике Беларусь.

СЛОЖНОСТИ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИИ

Дмитрий Пищальников,
председатель совета директоров
Краснокамского завода металлических сеток
ROSSET, председатель Экспертного совета по
нацпроекту «Производительность труда
и поддержка занятости»,
вице-президент «Опоры России»

Я более 20 лет занимаюсь производительностью труда как исследователь, была проделана колоссальная практическая работа. Мы с коллегами изучили более 700 российских предприятий, которые повысили производительность труда в 2, 3, 4 и более раз, был изучен весь мировой опыт. Мы разработали программу повышения производительности труда, которую уже восемь лет пробуем применить, каким-то образом продвинуть в Правительство. Как член проектного комитета я имею практический опыт — более 15 лет, и везде у меня результат один и тот же: на старых предприятиях третьего, четвертого технологического уклада рост производительности труда поднимается на 200, 300, 400% в течение четырех лет.

Тезис, который я хочу поставить в начале доклада, — и при нынешних наших технологиях есть колоссальный потенциал для роста. Я и мои коллеги считаем, что нигде в мире нет таких условий для экономического роста, как в России, потому что у нас есть научный потенциал, человеческий потенциал, есть огромная территория, которая позволяет расти экономике. И сегодня, если проводить модернизацию любого современного предприятия, японского, немецкого, это даст рост производительности труда 1, 2, 3%, а в России это — многократный рост.

Мы от Владимира Путина слышали много раз, что производительность труда — это главный вопрос. Почему? Потому что производительность труда автоматически приведет к структурной перестройке экономики, потому что производительность труда в сегодняшнем понимании — это способность компаний, способность экономики произвести и продать конкурентоспособную продукцию. Для этого требуются квалифицированный персонал, современное оборудование, нужны технологии, нужны технологии продвижения, нужна цифровизация.

Итак, национальный проект «Производительность труда». На сегодняшний день национальный проект по повышению производительности труда не может дать роста производительности труда. В отдельных случаях не более 5% предприятий-новаторов, где заинтересовано первое лицо, рост производительности труда будет, все остальное обречено на провал. Почему? Потому что пропагандируются методы научной организации труда. В Японии это кайдзен, в англоязычных странах — lean production («бережли-

вое производство»), во Франции — производственная система DuPont. Более 150 названий у научной организации труда. Это классическая система Тейлора, которая адаптирована сегодня к той или иной производственной цепочке.

И когда мы сегодня смотрим на корпорацию Toyota и смотрим на корпорацию «Росатом», в чем разница между их производственными системами? Одна компания делает автомобили, вторая компания делает атомную энергию. И эти методы — никакая не инновация, они известны более 100 лет, поэтому когда говорят, что мы сейчас сделаем огромный рывок, потому что Федеральный центр компетенций научит всех: научить людей при отсутствии спроса невозможно. Если человек не хочет учиться, не может учиться, это сделать невозможно. И более того, даже существующий национальный проект по повышению производительности труда колоссально недофинансирован, потому что для производительности труда нужно не только организовывать труд каждого работника — нужно рассматривать производительность труда как совокупность. Это индивидуальная производительность работника, умноженная на производительность оборудования.

Я являюсь руководителем экспертного совета Государственной Думы, и мы периодически приглашаем Счетную палату. Так вот, износ основных средств экономики — более 50%. С точки зрения Российской академии наук, это не просто какая-то проблема, это катастрофа, потому что стране нужна, по сути, вторая технологическая революция. Можно назвать ее второй индустриализацией. Все возможности для этого есть.

Но есть парадокс: удивительная вещь — все методы повышения производительности труда, включая научную организацию труда, модернизацию оборудования, современные технологии и так далее (можно перечислять), везде в мире успешно применяются, а в России не применяются. Поэтому с вице-президентом компании Тойота господином Тосихиро Ямада мы открыли центр повышения производительности кайдзен и назвали его центром повышения производительности, а не просто кайдзен, потому что мы хотим еще раз подчеркнуть, что все современные названия методов повышения производительности труда — это научная организация труда, которая адаптируется к тому или иному технологическому процессу. Так вот, Тосихиро Ямада сказал, что, в отличие от Японии, Россия имеет очень серьезные ментальные особенности, и то, что в Японии идет на ура, в России движется очень медленно, с трудом. Мы говорим о чем? Низкая производительность труда — это не чисто экономическая категория, она стоит на стыке социологии, экономики, культурологии.

Итак, максимальная совокупная производительность тогда и только тогда равняется ста процентам, когда у нас индивидуальная производительность работника равняется максимум единице и когда у нас — максимальный уровень производства станков и оборудования. Причем обязательно иметь самый современный станок. Я добиваюсь результатов за счет применения научной организации труда на первом этапе. Да, модернизация необходима, потому что оборудование, которому 50–60 лет, не может работать, его нужно заменить сразу же. Но оборудование не является самым слабым звеном.

Самым доступным методом повышения производительности является процесс организации: он заставляет руководителя думать о мотивации, повышать заработную плату. Опять же мы сталкиваемся с вопросами нормирования. Сегодня мы имеем дефицит нормировщиков 100%. Школа нормирования в России практически уничтожена. Поэтому о какой организации мы говорим, когда у нас нет нормировщиков и мы не можем сформировать норму выработки?

Что касается процесса организации и процесса мотивации, мы можем подсчитать (было опрошено более 3000 руководителей), как расходуются фонд рабочего времени. Вот данные по средней заработной плате — она составляет 42 000 рублей сейчас. В среднем перерыв отвлечения от работы и простоя составляет 30%. Это нерегламентированные перерывы, перекуры, но это не все — очень часто бывают простои станка из-за несвоевременной наладки, подвозки материалов и так далее, то есть резервы — колоссальные. Итак, время, затраченное на работу, составляет 70%. То есть мы платим работнику 100% заработной платы за 70%. Но время, затраченное на работу, тоже используется неэффективно. У нас интенсивность труда и рациональность также далеки от максимума: большие переходы, потери времени, отсутствие достаточных средств.

Например, есть один принтер в компании. Сейчас стало очень современно экономить на всем: на три этажа ставят один принтер, и вот работники начинают бегать с первого на третий, с третьего на первый. Таких потерь очень много. При заработной плате 33 000 рублей потери одного работника в месяц — 24 000 рублей, в год — 296 000 рублей. Кто-то говорит, что занятых в создании добавленной стоимости в промышленности 14 миллионов человек, кто-то — что 18. Мы взяли нижнюю границу 14 миллионов человек. Исходя из этой цифры, потери от низкой производительности труда — 4 триллиона 146 миллиардов рублей.

Когда мы с вами сравниваем современные предприятия (компании McKinsey и Deloitte говорят примерно одно и то же), то на том же самом оборудовании производительность труда в российских компаниях ниже в четыре раза, исключение составляют 3–5% российских компаний. Они все на слуху — «Технониколь» и так далее. Это современные компании, средняя заработная плата в два с половиной раза выше по рынку — 100 000 и выше. Эти компании очень любят показывать президенту. Это действительно мирового уровня компании, которые имеют филиалы на Западе. У них и цифровизация, и все методы применены. Но остальные 97% экономики...

Давайте перейдем к потенциалу. Мы можем с вами сократить потери экономики на 90% за счет высокой производительности. Что нужно сделать?

4 ОСНОВНЫХ БЛОКА

- 1** *Прямое стимулирование за повышение производительности труда, при этом должны быть отменены все налоговые льготы и все остальные программы субсидирования.*
- 2** *Необходим учет производительности труда, я рад, что нашу методику расчета добавленной стоимости на одного работника приняли.*
- 3** *Нужна массовая пропаганда повышения производительности труда для того, чтобы помочь руководителям и собственникам компаний вовлечь трудовые коллективы.*
- 4** *Нужно специальное обучение методам повышения производительности труда, необходимо вовлечь в это два-три специальных вуза на первом этапе. В общем, вся методика разработана, программа есть.*

КОММЕНТАРИИ И ДОПОЛНЕНИЯ

МЫ СЕРЬЕЗНО УСТУПАЕМ

Сергей Бодрунов, президент ВЭО России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, д. э. н., профессор

Сегодняшняя сессия у нас уже 23-я по счету. Мы посвятили ее вопросам реализации национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». По поводу этого проекта есть уже такой расхожий термин — 5/10/10, то есть по 5% в год рост, 10 регионов включаются ежегодно и 10 000 крупных и средних предприятий включаются в эту программу для того, чтобы ее реализовать. Все мы сегодня понимаем, о чем говорим, но, наверно, ни для кого не секрет, что этот проект родился не на пустом месте. Президент России в майском указе 2012 года поставил задачу повысить производительность труда в полтора раза, за это время у нас 3% составил рост производительности труда. В основном на бумаге.

Так что, не выполнив предыдущую задачу, мы приходим к тому, что нам необходимо фактически с того же самого места стартовать, чтобы решать новые задачи. Сегодня в производительности труда, по оценкам, например, ОЭСР, мы серьезно уступаем развитым и даже, я бы сказал, не слишком развитым странам. По данным этой организации, на российских предприятиях производительность труда самая низкая среди европейских стран, ниже, чем у работников Южной Африки и Мексики. Вот такая ситуация. Хочу подчеркнуть, что повышение

производительности труда — это и рост заработных плат, а значит, и потребительского спроса. Это, в свою очередь, дополнительный драйвер для развития экономики. То есть мы видим, что на производительность труда возлагаются большие надежды. Оправдаются эти надежды или нет — время покажет. Но сегодня уже есть некоторые подвижки, на которые мы можем сослаться и говорить, что да, все-таки происходит какое-то понимание.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ

Сергей Рябухин, вице-президент ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доктор экономических наук

Первое, на что мы обращали внимание на июльском Правительственном часе с отчетом Силуанова по нацпроектам: отсутствует не только по национальным проектам, но и по многим государственным программам, методологическое сопровождение, нет единого координационного центра, который бы администрировал совокупность и провязку всех национальных проектов и государственных программ, которые входят в национальные проекты. Я уж не говорю о декомпозиции с региональным уровнем, потому что у каждого региона есть свой набор национальных задач, региональных задач и целей. К сожалению, такая работа не проведена. На чем еще я хочу остановиться. Мы говорили об этом еще до того, как

начался шестилетний цикл реализации: нужно разработать методику оценки эффективности национальных проектов, национальных государственных программ. Такой методики нет. То есть администраторы сами себе написали программу, сами ее реализуют, получают деньги и сами себя оценивают. Мы договорились со Счетной палатой, и она разработала свою методику. Она кардинально отличается от той, которая работает в Министерстве экономического развития. И когда ты смотришь оценку реализации, расходов, достижений показателей национальных проектов по методу Минэко, то там все вроде хорошо, а когда смотришь оценки по методу Счетной палаты — это небо и земля. Поэтому здесь надо приводить к единой метрике оценки эффективности, тогда мы будем рассчитывать на эффективность и в сфере производительности.

ПЕРЕПИСЫВАЕМ ОДНО И ТО ЖЕ

Дмитрий Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Выступая на Совете законодателей 24 апреля, президент говорил о том, что, ребята, да, конечно, ВВП надо наращивать, но сверхзадача-то у нас другая — чтобы поднять производительность, а не просто нарастить ВВП. Его довольно просто нарастить, мы знаем, все здесь профессионалы. И как было сказано

ПВАШГПО НЕГЛАСНЫМ ПВАПВА ПВАПРАВИЛАМ

суперкаров в багажнике должны поместиться две сумки с ключами для овалыпшшзл ващп ршгва ршгвр ашпг рпгшврпшольфа — не более того

президентом, решаем мы эту задачу плохо, находимся на той же точке. Я напомним, что Академией наук давно был сделан вывод о том, что российская экономика по своей технологической базе находится в четвертом технологическом укладе, в то время как наши конкуренты — в пятом. Вы понимаете, чего вы ни делаете, четвертый уклад не может дать более высокую производительность труда, более высокую, чем пятый.

Я напомним: в 2008 году 9,6% предприятий, по данным Росстата, проявляли технологическую инновационную активность, перевооружались. И тогда же, в 2008 году, концепция-2020 поставила задачу: к 2020 году — 40–50% перевооружения. На сегодняшний день, по последним данным Росстата, — 9,9%. Как было, так и осталось. И теперь задача, чтобы 50% технологически перевооружались, поставлена на какой год? Правильно, на 2024-й. Мы и по производительности, и по инновациям одно и то же переписываем.

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Иван Данилин,
заведующий отделом науки и инноваций
Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
к. полит. н.

Недавно я читал целый ряд исследований по индустрии 4.0. Так вот в Германии основная проблема для малых и средних предприятий, из-за которой не внедряются новые технологии, не понимают, что внедрять — столько разных

возможностей. Люди говорят: «Давайте мы подождем 5–7 лет, пока будет понятно, во что нам инвестировать, и уже тогда». Здесь, на мой взгляд, один из основных моментов — это опытный пилотный центр. У предприятия есть потребность в различного рода технических пилотах. У нас сейчас вообще нет, я говорю как бывший работник энергетики, ни одной системы поддержки пилотных технических объектов. Как без этого реализовывать новые решения, непонятно. Их надо опробовать, надо внедрять новые практики, надо показывать в режиме опытно-демонстрационных центров. Это — общая проблема, за исключением нескольких объектов.

Есть более системная вещь. В свое время мне было очень интересно: когда Toyota сама стала (используем это слово) кайдзенской, выяснилась проблема, что у них возник разрыв. То есть у субподрядчиков — не кайдзен, у Toyota — кайдзен. И Toyota сама пришла и помогла субподрядчикам налаживать эти работы на предприятиях. Чего греха таить, у нас экономика сильно монополизирована, где-то это плохо, где-то — естественно, учитывая характер нашей отраслевой структуры, но было бы неплохо тоже продумать, чтобы наши крупные предприятия помогли бы своим субподрядчикам делать то же самое. Когда я работал в «Росатоме», у нас эта проблема решалась.

сельское ХОЗЯЙСТВО

Сергей Митин,
первый заместитель председателя
Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, председатель Временной комиссии Совета Федерации по вопросам

законодательного обеспечения развития технико-технологической базы агропромышленного комплекса РФ, д. э. н., профессор

Совершенно четко можно сказать, что никакая, даже крупная сельскохозяйственная компания не может серьезно заниматься селекцией. Это должно делать государство. Государство это делает. Сегодня создана государственная программа научно-технического обеспечения сельского хозяйства, она реализуется. Но тут есть вопрос. Она реализуется, научно-исследовательские институты создадут новые сорта растений, животных, кормовых добавок и прочих всяких интересных вещей, но кто будет их внедрять? Сегодня про «Сколково» коллеги уже говорили. Есть «Сколково», есть «Ростех», есть еще ряд инновационных центров, которые работают в промышленности. В сельском хозяйстве, к сожалению, этого нет. И вот основной вопрос, мы не раз с коллегами это поднимаем, что нужны такие центры, внедренческие центры, которые будут внедрять по-настоящему новые селекционные достижения, новые достижения в генетике животных, которые позволят реально выйти на новый уровень сельского хозяйства. Что это дает? Сегодня эта отрасль — уже 5,5 процента ВВП, в пищевой и перерабатывающей промышленности — 7%. При этом у нас есть огромные перспективы, потому что у нас — третье место в мире по пашне, в резерве — это огромная территория, запасы воды, сельскохозяйственные ресурсы, которых сегодня ни в одной стране мира нет. И конечно, повышение эффективности и производительности здесь может многое дать. Поэтому основное предложение — решение этих проблем через создание внедренческих центров, которые позволят по-настоящему широко применять инновации в сельском хозяйстве.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА — НАДУМАННАЯ ПРОБЛЕМА

Руслан Гринберг,
вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

Я считаю, что это надуманная проблема — производительность труда. Она может быть только результатом других мероприятий. Можно повысить производительность труда, а работники этого даже не почувствуют. Как ВВП у нас растет, а плоды распределяются в одну сторону. Работополучатели почти ничего не имеют. Ну и что? Ну повысили, ну больше он будет производить, и что дальше-то? Спасибо ему скажете? Грамоту дать? Увеличить зарплату на тысячу рублей? А с другой стороны, нет ни одной причины, которая способствовала бы росту производительности труда. Я просто перечислю. Первое: экономика сырьевая, а это значит, она рентная, монополизм, волатильность курса, мы чемпионы мира по девальвации: в 10 раз за 20 лет — с 6 рублей до 66. Какие здесь могут быть инвестиции для роста эффективности? Четвертый пункт — конгломераты. Наши предприятия сами все делают. Это устаревшая модель. Аутсорсинга почти нет даже в обрабатывающей промышленности, а без этого ничего не будет, потому что когда вы сами все производите, все детали, то вы никогда не догоните других. Я все время говорю о том, что госкорпора-

ции нужны, поскольку в современном мире с гигантами могут бороться только гиганты. С «Боингом» не может работать 10 отдельных предприятий. Но так получилось, что они в основном осваивают деньги. Я думаю и Аганбегян — уже такой рыночник — и то начал поговаривать о том, что, раз ты госкорпорация, тебе надо давать задание не в деньгах, а в натуре. Ты должен все время объяснять, почему захотел 20 самолетов, а построил 3. А причины всегда найдутся.

НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ РАБОТНИК ЗАЩИЩЕН

Екатерина Авдеева,
член Генерального совета Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», председатель Комитета развития правовых услуг и экспертизы законопроектов, старший партнер адвокатского бюро «МАГПАС»

Когда мы говорим про улучшение технологической базы, то следует отметить, что, конечно, предприниматель должен чувствовать себя защищенным. Вот здесь как раз возникает вопрос права, потому что когда предприниматель все время стоит перед риском того, что предприятие может быть захвачено спустя некоторое время, когда оно будет успешным, это действительно стимулирует развитие и внедрение новых технологий и не способствует росту экономики. Но если говорить об организационных факторах, то здесь очень много различ-

ных коучей, различных бизнес-аналитиков. Как человек, который обучался на программе MBA с директорами крупных заводов, крупных компаний, руководителями крупных госкорпораций, я слушала и о методах повышения производительности труда. Но как юрист, слушая все эти методы, как моделировать организационное поведение, как повысить эффективность работников, как заставить их работать лучше, для меня они разбивались о правовые аспекты. Потому что если человек, предприниматель внедряет новые KPI, решает провести ревизию своих кадров, то он неизбежно должен обратиться к Трудовому кодексу. Работник может абсолютно формально выполнять свои обязанности, он может никаким образом не стремиться повысить свое качество, и руководитель фактически будет лишен права его уволить, потому что Трудовой кодекс очень жестко регламентирует увольнение. Эти ограничения, которые предусмотрены Трудовым кодексом и которые защищают исключительно работника, но никаким образом не защищают работодателя от неэффективной работы, являются по своей сути в определенной мере стоп-фактором.

ДОРАБОТАТЬ НАЦПРОЕКТ

Александр Бородулин,
исполнительный директор
Межрегионального общественного движения «Лин-форум. Специалисты бережливого производства»

Коллеги, я замечаю, и сегодняшнее совещание подтверждает мои наблюдения, что сейчас налицо такая тревожная тенденция

— появляется мода критиковать национальный проект повышения производительности. Мы должны основываться на том, что существуют определенные недостатки. Сегодня здесь люди указывали на эти недостатки, и необходимо продолжать работу с тем, чтобы совершенствовать национальный проект, доводить его до некоего блеска. Я хотел бы на основании опыта 8–9 лет того, что делалось в нашем движении, показать, что, в принципе, есть инструменты, которые позволяют некоторые недостатки, некоторые критические точки, связанные с государственным управлением повышения производительности, в какой-то степени снизить. Дмитрий Владимирович совершенно аргументированно, четко говорил: мы вынуждены входить в национальный проект, имея перед собой все недостатки этого проекта, зная эти недостатки. Грубо говоря, мы будем оцифровывать тот бардак, который имеется. Наверно, это громко сказано — «бардак», но есть много вещей, от которых хотелось бы избавиться. И мы, в принципе, представляем, как это можно было бы сделать.

Начинать с госучреждений

Наталья Косарева, президент группы компаний «Банковские системы сервиса», директор Конкурса лидеров производительности на Кубок им. А. К. Гастева Межрегионального общественного движения «Лин-форум». Профессионалы бережливого производства»

На уровне государства у нас в нацпроект включены компании, у которых оборот от 400 000 до 30 000 000. Является ли это тем сектором, который нам надо развивать? Может быть, у нас больше потери заложены в других направлениях. В частности, хочу ска-

зать, что я делала проект в органах государственной власти. Автоматизировали процесс, сделали его прозрачным, оцифровали, сделали нормативы, повысили производительность труда в Минздраве в Нижегородской области, хотя до этого они уже отчитались, что их производительность труда зашкаливает, как только мы сделали реальные расчеты... Вообще, работа органов госвласти — это черный ящик. И может быть, стоит начинать с этого. Тем более что органы госвласти ни с кем не конкурируют, они были, есть и будут, в отличие от компаний.

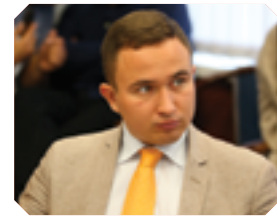

Мотивировать линейных руководителей

Андрей Кириллов, директор Высшей школы управления человеческим капиталом Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д. и. н., профессор

Первое: я не против зарубежного опыта, он хороший, но давайте обратим внимание на свой собственный опыт. Научная организация труда — 1941 год. В десятки раз была увеличена производительность труда за месяцы на новых предприятиях, создаваемых в чистом поле, и не за счет рабского круглосуточного труда, а за счет высочайшей технологии организации. И никто не изучает наш опыт, наши технологии. Второе: внедрение бережливого производства, DVI-технологий и т. д., конечно, может помочь повысить производительность труда, но надо начинать не с работников, я глубоко уверен, а с линейных руководителей, причем руководителей производства тоже, но прежде всего — линейных руководителей. Пока мы не повысим их квалификацию и не обеспечим должный уровень квалификации, никакие технологии повышения производи-

тельности труда работников работать не будут, и можно приводить массу примеров. Кстати, отдельным пунктом в национальном проекте прописано совершенствование управленческих навыков. Но как реализуется этот пункт, я лучше промолчу, но, если нужно, я подробнее поясню: никак. Третье: насчет освоения средств. Вы посмотрите, десятки, сотни миллионов по стране выделяется денег на внедрение бережливого производства. Лично мы со своей Высшей школой участвовали в 10 конкурсах и во всех проиграла, потому что все выносятся на аукцион, цена падает до такой, что уже даже в командировку нет денег съездить, и выигрывают те, кто предложит меньшую цену. Никаких других критериев нет.

Разные методики расчета

Григорий Баев, руководитель Центра управления производством работодателя, доцент кафедры «Экономика и организация производства» МГТУ им. Н. Э. Баумана, к. э. н.

Я считаю, действительно, о производительности труда дискуссия имеет, наверно, не очень большой смысл. Почему? Потому что определений производительности труда огромная масса. Я их даже не буду перечислять. Их много. Есть много российских определений. Есть немецкий подход к производительности труда Фербраухта Цайта. Есть американский подход. Они все разные. Кто-то делает упор на часы, кто-то — на деньги и так далее и так далее. И как только мы на какую-то одну цифру начинаем ссылаться, ею очень легко манипулировать. Например, деньги на каждого сотрудника: взяли, на аутсорс вывели, и тут же кратно увеличили производительность. Мы работаем еще очень много в проектах с компаниями. Есть такой национальный рейтинг техуспеха быстрорастущих малых и средних компаний

научно-технических. Выручка у них растет каждый год минимум на 15%. Это квалификационное требование. Они тратят не меньше 5% на НИОКР. Очень эффективные, конкурентные, есть немало мировых лидеров. Как вы думаете, они заботятся вопросом о производительности труда? Они вовсе не ставят ее во главу угла. Но каким-то образом у них выработка на одного человека — 8 миллионов в год, 9 миллионов, 10, есть и 12 миллионов в год. Наверно, потому, что производительности труда — это все-таки следствие, а не причина.

Многофакторная проблема

Илья Епишкин, заведующий кафедрой «Экономика труда и управление человеческими ресурсами» Российского университета транспорта (МИИТ), к. э. н., доцент

И я здесь вспомню формулу Дмитрия Владимировича: индивидуальная производительность умножить на производительность технических средств — равно совокупная производительность. Вот эти три драйвера роста — технологии, люди, организация — очень хорошо вписываются в эту формулу. Люди — это индивидуальная производительность. Я говорю про мотивацию, знания, вовлеченность, повышение производительности и так далее. Технологии — это производительность научно-технических средств. А вот соотношение между ними, знак умножения (он, естественно, условный) — это как раз организация труда, научная организация труда. Все это происходит в некой институциональной среде. От регуляторики тоже очень много зависит, от правил игры, которые устанавливают в первую очередь государство и соответствующие регуляторы. И еще

хочу сказать: здесь упоминали методики. С точки зрения нашей, вузов, и крупнейших работодателей транспортной отрасли, та методика Минэкономразвития — дискуссионная, и мы считаем, что одним лекалом мерить отрасли, наверно, не совсем корректно. И здесь правильно звучали тезисы о том, что у каждого свои показатели. Очень разные факторы влияют на производительность труда.

Социальная эффективность

Павел Журавлев, профессор Базовой кафедры Торгово-промышленной палаты РФ «Развитие человеческого капитала» Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, д. э. н.

Повышение производительности труда — это не самоцель. Оно является главным условием социальной эффективности отечественной экономики в целом. Именно социальная эффективность определяет необходимость повышения производительности

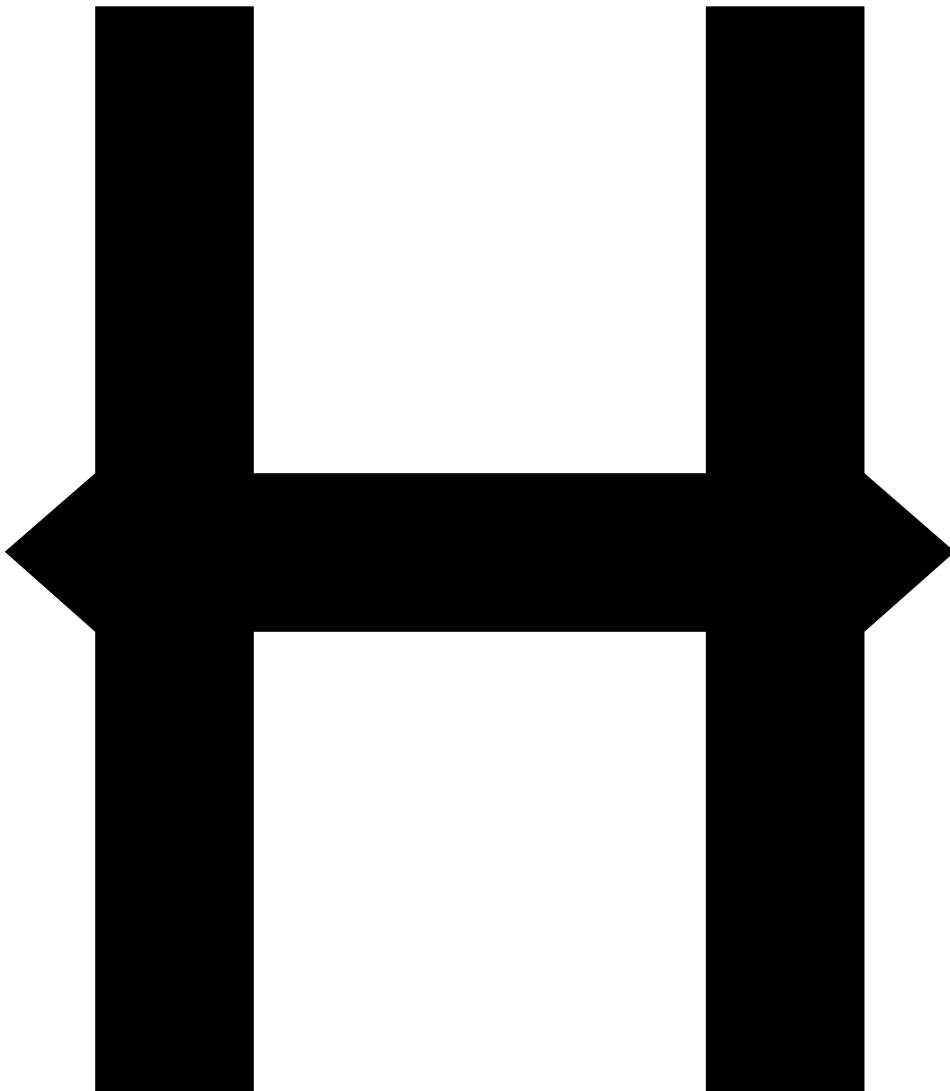
труда и развитие экономики в целом. В свою очередь социальная эффективность является точкой опоры для поднятия производительности труда и главным ориентиром. Социальная экономика — это квинтэссенция и главное направление развития отечественной экономики в целом. Ценностная ориентация развития любого вида экономики, выражающаяся через эффективность труда. Эффективность труда — это и есть точка опоры для роста производительности труда. Как же соединить рост производительности труда с повышением социальной эффективности? Как стать на эту точку опоры? Необходимо постоянно отслеживать стоимостное, техническое и органическое строение капитала. Это позволит весьма точно определить социальную долю в любом капитале — промышленном, торговом, финансовом, образовательном и прочее. Результирующим здесь должно быть органическое строение капитала, поскольку именно оно дает реальное представление об отношении между производительностью труда, вызванной техническими и социальными параметрами, и влиянием ее на стоимость всего капитала в динамике. Это даст коэффициент социального внимания владельцев капитала к работникам. Определение уровня ориентированности социальной капитализации производства в любой из вышеперечисленных отраслей позволит разработать стратегию и тактику заинтересованного в повышении производительности труда, которая будет связана с ориентацией на интересы потребителя и производителя в прочной связке между собой.

МЕНЯЮ МАГАЗИН НА ОФИС

Только около 20% предпринимателей готовы вернуться в наемные работники, показали опросы, однако большинство не хотят оставлять свой бизнес из-за того, что «быть предпринимателем — часть судьбы». Меняется и отношение россиян к бизнесменам: большинство сегодня положительно относятся к людям, решившим открыть свое дело.

ОТ ПРИБЫЛИ К ЗАРПЛАТЕ

Каждый пятый предприниматель из сферы малого и среднего бизнеса готов вновь уйти в наём, и главная причина таких настроений — сложности ведения бизнеса. Такой результат показала XX волна Индекса RSBI — ежеквартального исследования малого и среднего бизнеса, проводимого Промсвязьбанком совместно с «Опорой России» и MAGRAM Market Research. Больше других вернуться к наемной работе готовы предприниматели из сферы торговли — 25 процентов. Меньше всего отказаться от своего дела готовы владельцы производственных предприятий (61 процент).

— Условия для начала собственного бизнеса в России сегодня не самые благоприятные, — полагает первый вице-президент «Опоры России» Павел Сигал. — Основную трудность составляют слабые темпы роста ВВП в связи с замедлением общемиро-

вой экономики, формально нулевой прирост доходов населения, низкая потребительская активность, новые трудности в регулировании и налоговой системе, НДС 20 процентов и отмена ЕНВД, все это создает дополнительные трудности для ведения бизнеса.

Однако, по словам эксперта, невыносимыми эти условия также нельзя назвать: государство предпринимает массу шагов для улучшения делового климата. Среди таких шагов он назвал намерение снизить НДС до 10 процентов на ряд продовольственных товаров, надзорные каникулы, кредитные программы «для бизнеса», «регуляторную гильотину».

Как показал опрос, для 80 процентов предпринимателей бизнес, которым они сейчас владеют, является первым. Около трети опрошенных решились открыть свое дело, когда работали руководителям высшего звена в другой компании. Что касается первоначального капитала, более половины предпринимателей открывали свой первый бизнес на собственные накопления.

Те, кто решил вернуться в наём, без работы не останутся, считают эксперты. По оценкам рекрутеров, компании с удовольствием нанимают бывших предпринимателей и ценят их опыт, а также личные качества.

— Предпринимательство сегодня — это далеко не просто работа в сфере продаж и услуг, — подчеркнула руководитель Службы исследований компании HeadHunter Мария Игнатова. — Оно предполагает наличие множества навыков, в том числе актуальных компетенций, и опыт собственного дела может быть как полезным бизнесу, так и социально значимым. Поэтому интерес к найму бывших предпринимателей у работодателей только растет. У людей с опытом управления собственным бизнесом повышаются шансы на трудоустройство, поскольку конкуренция за них обостряется.

Нанимать людей с предпринимательским опытом работодателям интересно, ведь те обладают компетенциями и для развития компании в целом, и для развития отдельных проектов.

— Многие крупные компании, особенно в сфере ИТ и цифровых услуг, все чаще позиционируют организационную структуру команд, занимающихся раз-

витием проектов, как самоорганизующуюся среду с индивидуальным бизнес-планом и KPI, по аналогии с предпринимательством в начальной стадии. Именно для таких проектов идеальными сотрудниками являются бывшие предприниматели, — полагает Мария Игнатова.

СВОЕ ДЕЛО БЛИЖЕ К ТЕЛУ

Впрочем, идея о собственном бизнесе по-прежнему привлекательна для россиян. Почти треть хотели бы стать предпринимателями, показало исследование Аналитического центра НАФИ, Платформы знаний и сервисов для бизнеса «Деловая среда» и Министерства экономического развития РФ. При этом каждый четвертый респондент считает, что стать бизнесменом сегодня легко. Чаше о желании стать предпринимателями говорят мужчины, молодые люди до 35 лет, россияне с высшим образованием и квалифицированные специалисты.

Главное основание для того, чтобы начать свое дело, по мнению россиян, которые говорят, что к этому готовы, — это получение высокого дохода. Такой довод привели 62% опрошенных. Еще 55% ценят независимость — свободный график и самостоятельное определение задач, 47% привлекает возможность реализовывать свои мечты и идеи, для четверти важно саморазвитие.

Среди препятствий на пути к предпринимательской деятельности половина опрошенных назвали отсутствие стартового капитала, еще треть обратили внимание на высокую конкуренцию и признались, что боятся рисковать. Четверть отпугивают высокие налоги и нестабильная экономическая ситуация.

Россияне также считают, что стать предпринимателями им мешает недостаток знаний в ряде областей и личные качества. Почти треть заявили о недостаточной финансовой грамотности — умении вести бухгалтерию, работать с отчетностями, составлять бизнес-планы. А четверть сказали о недостаточном знании законодательства в области предпринимательства и дефиците экономических знаний.

Тот же опрос показал, что большинство россиян сегодня положительно относятся к людям, решившим открыть свое дело, а образ предпринимателя

КАЧЕСТВА БИЗНЕСМЕНА ВОСТРЕБОВАНЫ НА РЫНКЕ ТРУДА, НО ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ С НЕОХОТОЙ РАССТАЮТСЯ СО СВОИМ ЗАНЯТИЕМ

в сознании россиян меняется. Если раньше он ассоциировался с нестабильной ситуацией 90-х годов, «диким бизнесом» и «челноками», то сегодня предприниматель воспринимается как успешный и самостоятельный человек.

При этом россияне различают понятие «предприниматель» и «бизнесмен». К первым относятся более позитивно: по мнению соотечественников, цель предпринимателя — «заработать на хлеб». А ко вторым — негативно из-за того, что их цель — обогащение и нажива.

БИЗНЕС — ЭТО СУДЬБА

Недавний опрос Центра социального проектирования «Платформа» и ВЦИОМ показал, что большинство предпринимателей не готовы оставить бизнес, несмотря на риски и трудности, а также неблагоприятные условия для ведения бизнеса. 78% предпринимателей в ближайшие три года нацелены на поступательное развитие с ориентацией на отдачу в краткосрочной перспективе, поддержание бизнеса на достигнутом уровне.

Большинство бизнесменов, как отмечается в исследовании, не хотят оставлять свое дело, потому что «быть предпринимателем — часть судьбы и определяющая основа идентичности человека». «Когда попробовал мясо с кровью, на диету уже не сядешь», — метафорично поясняют некоторые участники опроса. Такие люди привыкли брать всю ответственность на себя, а в больших компаниях она чаще всего распределена между несколькими сотрудниками. Почти 80 процентов бизнесменов решили бы иметь свое дело, если бы снова стояли перед таким выбором. А больше половины хотели бы, чтобы их дело продолжили дети.

Как полагают авторы исследования, негативный фон может привести к сворачиванию бизнесов, наименее укорененных в российской почве, — например, компаний IT-сектора. Они балансируют между низкой конкуренцией и рисками.

— Выбор сферы бизнеса зависит от региональных факторов, например, для столицы и мегаполисов упор будет делаться на сферу услуг, торговлю и рабо-

ту с финансами, для периферии более популярны производство, сельское хозяйство, — отметил Павел Сигал. — Но так или иначе наиболее популярными в России сегодня считаются гастрономическая сфера (собственные рестораны или кафе), продажи (продовольствие, бытовая техника, одежда и обувь), услуги (организация мероприятий, индустрия красоты).

В этих сферах, как поясняет эксперт, традиционно жизненный цикл предприятий имеет достаточно ограниченный запас времени, а конкуренция очень высока и потому достаточно трудно вести дела, из-за этого и формируется неудовлетворение собственным предприятием у некоторых предпринимателей.

В то же время, чтобы стать бизнесменом, человек должен быть склонен к риску, готов к решению нестандартных ситуаций. Он должен обладать системным мышлением и высоким уровнем инициативности, быть независимым в принятии решений и заинтересованным в успехе, быстро переключаться с одной задачи на другую. Все эти качества нужны и в найме на позициях топ-менеджеров, поэтому можно с уверенностью сказать, что человек с предпринимательским опытом не останется без работы, если его парикмахерскую или автосервис начнут посещать меньше клиентов.

— Наличие таких качеств существенно облегчает бывшим предпринимателям поиск работы в корпоративной среде, адаптацию в коллективе и в целом позволяет претендовать на управленческие должности среднего и высшего уровня, — заключила Мария Игнатова.

Автор: Леонид Кулешов

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Минтруд России направил в правительство доклад о перспективах введения четырехдневной рабочей недели в России, сообщила пресс-служба ведомства. Эту тему будут обсуждать в рамках Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, которая объединяет представителей правительства, профсоюзов и работодателей. Планируется создать специальную рабочую группу по вопросам гибких форм занятости и продолжительности рабочего времени.

В сообщении Минтруда отмечается, что у перехода на четырехдневку есть положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, это может помочь сохранению здоровья работников, увеличению трудоспособности, эффективности труда, более гармоничному сочетанию работы и семейных обязанностей, появлению времени у людей на отдых, культуру, спорт. С другой — привести к росту издержек на рабочую силу и повышению себестоимости продукции.

На встрече с главой правительства Дмитрием Медведевым председатель Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) Михаил Шмаков отметил, что нужно не сокращать рабочую неделю, а подумать об изменении нормы трудовых часов. Сейчас в стране установлена 40-часовая рабочая неделя и 8-часовой рабочий день. Во Франции, например, эта норма ниже — 35 часов, в Нидерландах еще меньше — 29 часов. Опрос работодателей, проведенный Службой исследований HeadHunter, показал, что в ближайшие 1–2 года лишь 12% рассматривают переход на четырехдневную рабочую неделю. Подавляющее же большинство компаний таких изменений не планируют.

Основным недостатком перехода на четырехдневную рабочую неделю, по мнению 48% работодателей, является снижение зарплаты сотрудников (и чем меньше компания, тем чаще ее представители выбирают этот вариант). Негативными последствиями также считают сокращение производительности, переработки и выгорание, вынужденный найм новых людей.

На Восточном экономическом форуме в сентябре министр труда и социальной защиты Максим Топилин заявил журналистам, что переход на четырехдневную рабочую неделю возможен в долгосрочной перспективе, в ближайшие несколько лет вопрос не будет решен. «Это все достаточно долгий процесс. Вспомните, когда у нас была шестидневка? Это 1967–1968 годы. Сколько лет прошло? Я могу сказать, что таких прецедентов, чтобы какая-то страна перешла на четыре дня, нет. Это некая перспектива», — сказал он.

Ранее министр экономического развития Максим Орешкин главными условиями для перехода к четырехдневной рабочей неделе в России называл повышение доходов населения и рост производительности труда.

КАК ПОЯСНЯЕТ ЭКСПЕРТ

традиционно жизненный цикл предприятий имеет достаточно ограниченный запас времени.

КОРПОРАЦИИ Нажали на акселератор

Как акселераторы помогают развивать нетрадиционный бизнес крупнейших компаний

В России — новое «поветрие». Крупнейшие компании едва ли не поголовно стали создавать корпоративные бизнес-акселераторы. Пять-семь лет назад с той же настойчивостью появлялись бизнес-инкубаторы и индустриальные парки, большинство из которых не просуществовали до сегодняшнего дня. Акселераторы нужны компаниям, чтобы развивать новые направления бизнеса или внедрять новые бизнес-процессы, позволяющие минимизировать издержки.

ЗАЧЕМ КРУПНЫМ КОМПАНИЯМ АКСЕЛЕРАТОРЫ?

— Изначально акселераторы формировались для насыщения «воронки» инвестиционных фондов, в рамках которой наращивались продажи и капитализация стартап-проектов с последующим выходом. Сейчас инструмент акселерации активно используют корпорации, работающие в разных отраслях экономики, для развития новых направлений и запуска новых продуктов на базе имеющегося производства, — говорит директор корпоративного акселератора GenerationS Екатерина Петрова.

К примеру, согласно стратегии развития ГК «Росатом», к 2030 году выручка от новых бизнесов должна составлять 30 процентов от общей выручки. Чтобы «выращивать» эти новые бизнесы внутри компании, в структуре топливного дивизиона госкорпорации — АО «ТВЭЛ» — в 2018 году и был создан акселератор.

— Без акселератора у фонда или корпорации есть две главные проблемы: конечность «воронки» зрелых проектов и высокие риски работы с незрелыми проектами. Кроме того, без акселератора корпорация тратит 5–7 лет на разработку нового продукта, а с ним, при условии существования развитой инфраструктуры реализации проектов и венчурного финансирования, этот срок можно сократить в два раза, — говорит директор бизнес-акселератора АО «ТВЭЛ» Станислав Кречетов.

По тому же пути пошла «Северсталь». В этом году компания вместе с Global Venture Alliance и НИТУ «МИСиС» запустила промышленный акселератор для проектов в металлургической отрасли. Он привлекает внешние и внутренние проекты. Внешним поиском компания рассчитывает собрать 150 проектов, из них отобрать 50 в программу акселерации и внедрить на производстве от трех до десяти решений до конца 2019 года. Через внутренний акселератор «Северсталь» планирует привлечь до 25 проектов и до пяти из них внедрить на предприятиях.

ГОСУДАРСТВО КАК АКСЕЛЕРАТОР

Государственные структуры тоже включились в процесс создания акселераторов. Так, в сентябре 2019 года Минэкономразвития РФ, РВК и Высшая школа экономики запустили экспортную акселерационную программу для 15 компаний, вошедших в проект «Поддержка частных высокотехнологических компаний-лидеров». В конечном счете они должны будут составить стратегию глобально-ориентированных технологических проектов компаний. Лучшие проекты смогут попасть в число проектов Национальной технологической инициативы и получить господдержку до 500 миллионов рублей.

Государственная транспортная лизинговая компания совместно с GenerationS запустила акселератор для проектов в транспортной отрасли. Компания планирует привлечь в акселератор команды, чьи разработки могут быть применены в проектировании, производстве и эксплуатации воздушного, водного, железнодорожного и наземного транспорта. Стартапы будут искать не только в России, но и в странах ЕАЭС, Персидского залива, Юго-Восточной Азии, а также в Сингапуре и Израиле. Лучшие команды опять же смогут участвовать в Национальной технологической инициативе и получить господдержку для дальнейшего продвижения и развития на различных рынках.

Департамент предпринимательства города Москвы в сентябре запустил акселератор социальных проектов — двухмесячную программу ускоренного развития бизнеса для тех, кто недавно запустил социальный бизнес и испытывает проблемы с привлечением клиентов. Поучаствовать в нем могут зарегистрированные в столице компании, которым профессиональные трекаеры помогут найти новые «точки роста» их социального бизнеса.

КТО ИЩЕТ АКСЕЛЕРАТОВ?

Интересно, что на рынке уже появились игроки, предлагающие корпорациям помощь в сопровождении акселерационных программ, так что им уже не обязательно набирать свой штат специалистов для обеспечения работы акселератора. Такие услуги, к примеру, предлагает уже названная компания GenerationS, входящая в структуру Российской венчурной компании (РВК), а также «Сколково», ФРИИ, КРОК.

Так, GenerationS уже запустила акселераторы для ВТБ, Airbus, Unilever, Michelin, «Алроса», «Илим». ФРИИ провел полтора десятка корпоративных акселераторов и запустил около сотни пилотных проектов с компаниями КАМАЗ, «Сбербанк», «Билайн», «Леруа Мерлен» и другими. Фонд «Сколково» организовал корпоративный акселератор с международной биофармацевтической компанией AstraZeneca для проектов в области онкологии, сердечно-сосудистых и аутоиммунных заболеваний, а совместно с системным интегратором «АйТеко» был создан акселератор для высокотехнологичных проектов в сфере ретейла и финансового сектора.

— На рынке появляются разные игроки, специализирующиеся на конкретной отрасли или уровне проектов. Например, ФРИИ специализируется на ИТ-проектах; Fintech Lab — на банковских и страховых продуктах; Рыбаков Фонд — на социальных проектах и т. д., — говорит Екатерина Петрова.

КОРПОРАТИВНЫЕ АКСЕЛЕРАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ В СУММЕ ПОЛУЧИЛИ ИНВЕСТИЦИИ 206,7 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ В 11 305 СТАРТАПОВ.

В 2019 ГОДУ МИНЭК, РВК И НИУ ВШЭ ЗАПУСТИЛИ ЭКСПОРТНУЮ АКСЕЛЕРАЦИОННУЮ ПРОГРАММУ ДЛЯ 15 КОМПАНИЙ

НАСКОЛЬКО ПОЛЕЗНЫ АКСЕЛЕРАТОРЫ?

По словам Екатерины Петровой, в мире пока нет единой методики, дающей возможность оценить вклад акселераторов в развитие предпринимательства и в конечном счете в ВВП страны.

Дальше всех в оценке влияния работы акселераторов на экономику страны продвинулась Австралия: там в структуре правительства существует департамент промышленности, инноваций и науки, который ставит задачи инновационного развития. Он же частично курирует и деятельность акселераторов, которым установлены КПЭ на создание рабочих мест и увеличение финансирования корпоративных исследовательских и стартап-проектов. Отслеживается как динамика роста этих показателей в отдельности, так и их влияние на ВВП.

Стартапам выгодно сотрудничать с корпоративными акселераторами по нескольким причинам. Во-первых, в процессе обучения они получают доступ ко всем ресурсам корпорации. Во-вторых, у корпораций, как правило, есть возможность привлечь для обучения лучших менторов. В-третьих, у молодых предпринимателей появляется шанс выгодно продать свою бизнес-идею самой корпорации и не заботиться о самостоятельном выживании компании в будущем.

— Стартапы идут в корпоративный акселератор, чтобы достигать до потребителя в крупной корпорации и протестировать продукт. Это выгодно для них тем, что они получают быстрый доступ к заказчику внутри большой структуры и договариваются о запуске пилотного проекта.

Если пилотный проект доказывает эффективность, происходит полноценное внедрение сервиса или технологии в бизнес корпорации (роллаут), говорит директор департамента корпоративных программ ФРИИ Ирина Тарасова.

Смогут ли акселераторы стать самостоятельным, приносящим прибыль бизнесом? Возможно, но еще не скоро.

— Способ заработка бизнес-акселератора заключается в инвестировании в определенные стартапы. Это заработок, который начинает приносить дивиденды в долгосрочной перспективе, поэтому о быстром развитии говорить не приходится. Но лет

через пять многое изменится, то, что покупается сейчас, при должных обстоятельствах начнет давать хорошую прибыль, поэтому акселераторы будут только развиваться, — считает директор центра исследований и экспертиз Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ Венера Шайдуллина.

Автор: Надежда Толстоухова

ЭКОСИСТЕМЫ БУДУЩЕГО

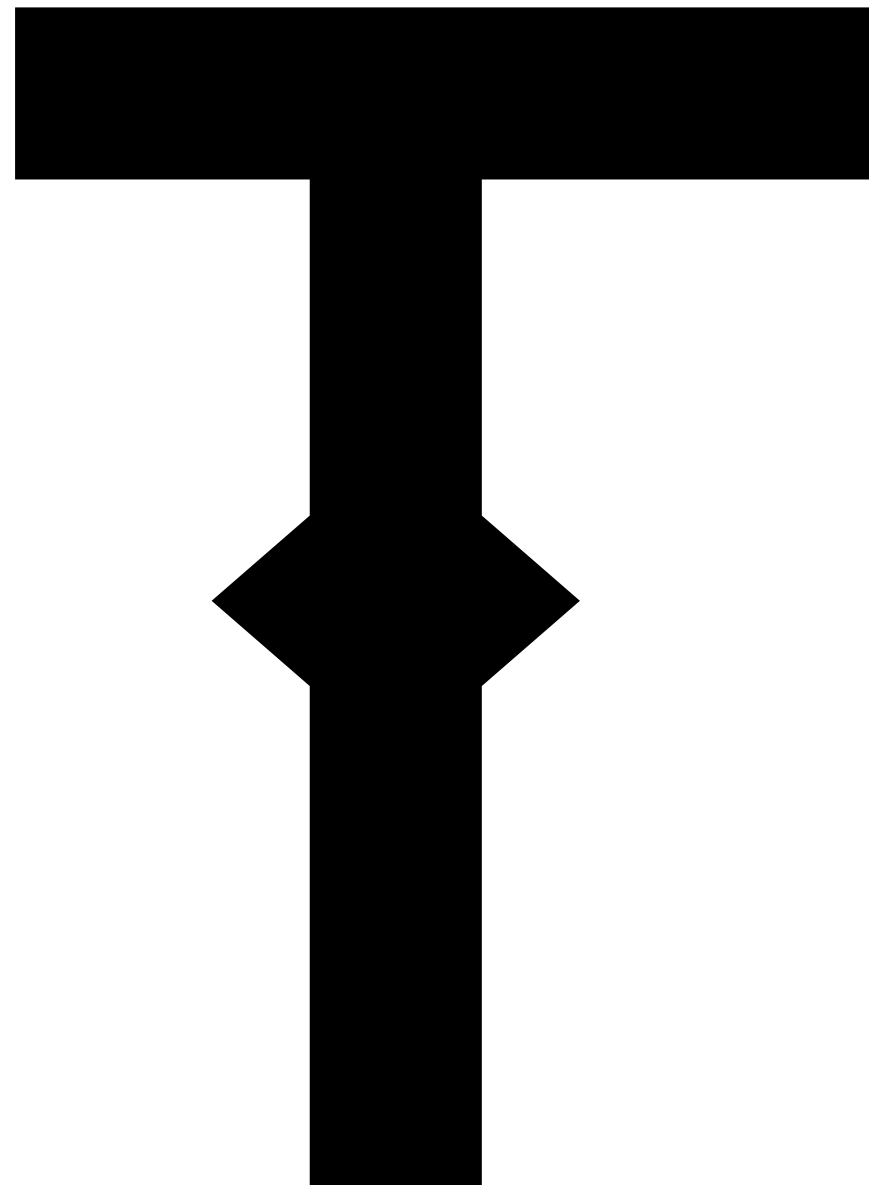
По мнению Екатерины Петровой, акселерационные программы продолжают развиваться, и следующей ступенью после корпоративного акселератора станет создание комплексных экосистем, где потребуется партнерство нескольких корпораций и научных лабораторий, университетов и исследовательских центров.

БИЗНЕС ПО-ВОСТОЧНОМУ

Исламская экономика активно развивается в России

Экономики исламских стран растут быстрее глобальной. Сейчас объемы мирового исламского финансового рынка, по различным оценкам, варьируются в диапазоне 2–2,5 триллиона долларов с прогнозируемым ростом 7,3% в год до 2022 года. По оценкам экспертов, объем активов исламской экономики уже в ближайшие годы обещает вырасти до семи триллионов долларов. И Россия как многоконфессиональная страна вполне может претендовать на значительную их часть.

ТВЕРДЫЕ ТРАДИЦИИ

«Исламская экономика — относительно молодой сегмент рынка — уже заняла свою исключительную нишу в глобальной экономической системе. Весь мир заметил, насколько устойчивым показал себя этот сегмент во время недавних финансовых спадов и как быстро он развивался по сравнению с традиционными экономическими рынками в течение двух последних десятилетий, — отмечает глобальный вице-председатель по рынкам ЕУ Джей Ниббе. — Сегодня нет никаких сомнений в том, что на ближайшие годы исламская экономика останется очень привлекательным сегментом, учитывая растущее мировое мусульманское население с меняющимися предпочтениями, которое выбирает товары, соответствующие

принципам здорового образа жизни, этики и устойчивого развития».

При этом величина исламской экономики зависит от того, какие именно сегменты включать в это понятие — в среднем оценки уже сейчас находятся в диапазоне 4–4,5 триллиона долларов.

«Величину исламской экономики в России оценить гораздо сложнее в силу территориальной неравномерности ее распределения и фрагментированности, — говорит Зарина Саидова, ведущий аналитик отдела информации и анализа мировых рынков Управления брокерских услуг на международных рынках «Финам». — В России развитие исламских финансов долгое время сдерживалось целым рядом факторов — отсутствием необходимых условий нормативной и регулятивной базы, недостаточной осведомленностью населения о сути методов исламского финансирования. В последние годы по мере развития соцсетей информация об исламских финансах стала более доступной и доходчивой для населения, и наметились некоторые подвижки, однако среди немусульманского населения пока не отмечается общего понимания идеи». А ведь исламские финансы по сути являются этичной концепцией финансовых операций и актуальны не только для мусульман, но и для многих социально ответственных людей.

ХАЛЯЛЬНЫЙ СБЕР

Сбербанк уже готовит к реализации первый инвестиционный проект, финансируемый через сукук (исламские облигации. — Прим. ред.). Об этом на Volga Investment Summit & World Halal Day, прошедшем в Самаре, сообщил советник заместителя председателя правления Сбербанка Гурбан-Заде Бехнам Байзад Оглы. По его словам, сейчас банк работает над проектом в Башкортостане, а если опыт будет успешным, может быть масштабирован и на другие регионы России.

ПО ДАННЫМ НА 2018 ГОД, РЫНОК ИСЛАМСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В РОССИИ СОСТАВЛЯЕТ МЕНЕЕ 1 ПРОЦЕНТА ВСЕХ БАНКОВСКИХ АКТИВОВ, НО К 2025 ГОДУ МОЖЕТ ВЫРАСТИ ДО 10

По мнению руководителя лаборатории Евразийских исследований Московской школы управления «Сколлково» Гаухар Нургалиевой, сукук может стать альтернативой китайским инвестициям при реализации инфраструктурных проектов. Она напомнила, что в мире сегодня насчитывается 86 миллионов русскоговорящих, в основном они сосредоточены в странах СНГ, Закавказье и Центральной Азии. При этом мусульмане составляют свыше трети евразийского населения. «Среди стран Евразии по развитию исламского финансирования лидирует Казахстан, там уже есть законодательство, которое позволяет исламским банкам работать на территории страны», — отметила Гаухар Нургалиева.

Казахстан разработал законодательство, регулирующее исламское финансирование, еще в 2009 году. По данным на 2018 год, рынок исламского финансирования в стране составляет менее процента всех банковских активов, но к 2025 году он может составить уже 5–10% от всех банковских активов. «Трудно переоценить масштабы и важность исламской экономики в современном обществе, учитывая роль мусульманского населения в мире, меняющийся характер потребительских предпочтений в пользу более здоровых, безопасных и экологически чистых продуктов и развитие деловой практики, приверженной этическим принципам и партнерским отношениям», — считает Кайрат Келимбетов, управляющий Международного финансового центра «Астана».

ТРАДИЦИОННЫЕ ОТРАСЛИ

Исламская экономика включает в себя не только исламские финансы, но и скромную моду, халяльный пищевой сектор, туризм, фармацевтику и косметику. Более того, производство пищевой продукции, организация отдыха и туризма прямо влияют

на смежные сектора: транспорт, промышленность и т. д.

В Евразии с точки зрения развития общей исламской экономической экосистемы лидируют Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан, однако Россия входит в топ-5 лучших экспортеров в страны Организации исламского сотрудничества (ОИС, объединяет 80% мусульманского населения мира) и является ведущим экспортером продовольствия в эти страны. В сегменте халяльного пищевого сектора ее опередил Азербайджан благодаря постоянной работе в области соответствующих стандартов и сертификации. В большинстве стран региона учреждены либо собственные халяль-стандарты и сертификационные органы, либо налажено партнерство с международными лидерами в этой сфере.

Несмотря на то что халяль-сертификация в Евразии добровольная, она является обязательным требованием со стороны стран-покупателей, поэтому большинство экспортеров имеют почти все соответствующие сертификаты. Международная ассоциация исламского бизнеса выступает за создание в России госстандарта, соответствующего канонам халяльной индустрии. Однако пока на законодательном уровне таких дискуссий не ведется.

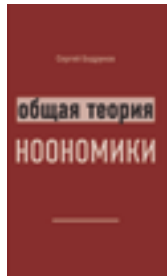
Демографические прогнозы показывают, что к 2050 году число потребителей-мусульман достигнет одной трети мирового населения. А значит, объем глобального рынка халяльной продукции, который, по данным Thomson Reuters на 2017 год, оценивается в 1,3 триллиона долларов, вырастет кратно. «Развитию халяльного рынка способствует относительно благоприятная демографическая обстановка в традиционно мусульманских регионах страны и растущий интерес населения к «здоровым» и «экологичным» продуктам, с которыми ассоциируется понятие халяля наряду с его религиозной составляющей», — подчеркивает Зарина Саидова.

Автор: Елена Березина

ВЕЛИЧИНА ИСЛАМСКОЙ ЭКОНОМИКИ

зависит от того, какие именно сегменты включать в это понятие — в среднем оценки сейчас находятся в диапазоне 4–4,5 трлн долларов.

НОВИНКИ БИБЛИОТЕКИ ВЭО РОССИИ

ЭКСЛИБРИС **СЕРГЕЙ БОДРУНОВ,
«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ
НООНОМИКИ.
УЧЕБНИК».**

ОТЗЫВЫ:

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ,*Заведующий кафедрой теории и методологии государственного и муниципального управления Факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова, д.э.н., профессор, академик РАН*

Обобщая значительный массив эмпирических и статистических данных, С.Д. Бодрунов рисует впечатляющую картину как возможностей, открываемых новыми технологиями, так и рисков, связанных с их безответственным и бесконтрольным использованием. Зачастую эти новые возможности используются не для улучшения жизни общества, а для обогащения незначительного меньшинства, не останавливающегося ни перед угрозами разрушения глобального экологического равновесия, ни перед навязыванием населению избыточных потребностей, ни перед необратимыми социальными последствиями. Выход из нарастающих противоречий социально-экономического развития автор учебника видит в переходе к новой стадии общественного устройства, отвергающей подчинение управления

хозяйственной деятельностью исключительно критериям прибыли или узкой понимаемой экономической рациональности, и обеспечивающей её разумное регулирование с учетом социокультурных критериев, определяемых нравственным развитием человека. Эту новую стадию общественного устройства С.Д. Бодрунов обозначил термином «ноономика».

АНАТОЛИЙ ПОРОХОВСКИЙ,
Заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ

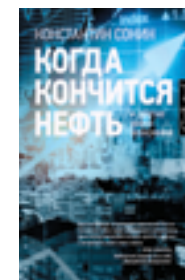
Обычно учебники фиксируют и транслируют устоявшиеся и общепринятые в науке положения и выводы. При этом в таких учебниках отражается определённое отставание от новых направлений научных исследований самых современных явлений. «Общая теория ноономики» ориентирована в этом отношении ориентирована как раз на самый передний край обще-

ственной науки. Данный учебник нацелен именно на то, чтобы ознакомить студентов и всех интересующихся проблемами и перспективами общественного развития с наиболее современными, порой дискуссионными представлениями и их аргументацией. Важной особенностью учебника, отличающей его от большинства материалов в области гуманитарных и общественных наук, является его нацеленность не на современное состояние и не на прошедшие стадии развития общественных отношений – весь материал этого учебника устремлен в будущее. Но это не футурология – учебник опирается в основе своей на классическую политико-экономическую методологию (наряду с другими подходами) и именно на ее базе научно выявляет и строит конструкцию объективных тенденций социально-экономического развития. Такой подход является сегодня остро необходимым и востребованным. Особенно ценным для учащихся свойством этого учебника является сочетание изложения теории развития хозяйственного строя общества с ее фактографическим обоснованием.

**ПЕТР АВЕН, АЛЬФРЕД КОХ,
РЕВОЛЮЦИЯ ГАЙДАРА. ИСТОРИЯ РЕФОРМ 90-Х ИЗ ПЕРВЫХ РУК**

М.: Альпина Паблишер. — 2019. — 472 с.

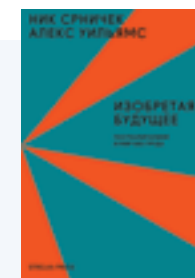
Книга — сборник бесед авторов с членами первого посткоммунистического правительства России, начавшего свою работу в ноябре 1991 года (а также с Дж. Бейкером — тогдашним госсекретарем США). Книга рассказывает об экономической реформе экономики России, за которую взялась команда Егора Гайдара. С начала 1990-х годов прошло уже немало времени, но до сих пор не утихают споры, насколько своевременными и правильными были меры. Спас ли Гайдар Россию от голода и гражданской войны или таких рисков не было? Можно ли было подождать с освобождением цен или это была неизбежность? Были ли альтернативы команде Гайдара и ее либеральному курсу? Что на самом деле разрушило Советский Союз? Почему в стране так и не была построена настоящая либеральная экономика и реформы застряли на полпути?

**КОНСТАНТИН СОНИН,
КОГДА КОНЧИТСЯ НЕФТЬ И ДРУГИЕ УРОКИ
ЭКОНОМИКИ**

М.: АСТ. — 2019. — 352 с.

Что будет, когда кончится нефть? Зачем диктатору может понадобиться свободная пресса? Как победить автомобильные пробки и измерить неэффективность государственного управления? Какие изменения ждут мировую экономику на фоне замедления роста в Китае и действий китайского правительства? Чем грозят российской экономике падение мировых цен на нефть, санкции и контрсанкции? Почему для успешного развития рыночной экономики необходимы банкротства?

Книга экономиста Константина Сонины, профессора Чикагского университета и Высшей школы экономики, затрагивает наиболее интересные, злободневные и важные вопросы, которые, несмотря на то что являются вопросами экономическими, касаются нашей жизни куда сильнее, чем мы подозреваем. Отдельного упоминания заслуживают «нобелевские уроки», рассказывающие об открытиях нобелевских лауреатов. Книга будет интересна всем. Неподготовленный читатель узнает, как экономика объясняет множество явлений обыденной жизни. А экономисты полюбуются неожиданными примерами действия хорошо известных им теорем.

**НИК СРНИЧЕК, АЛЕКС УИЛЬЯМС,
ИЗБРЕТАЯ БУДУЩЕЕ: ПОСТКАПИТАЛИЗМ И МИР
БЕЗ ТРУДА**

М.: Strelka Press. — 2019. — 350 с.

С первых же страниц книги Срничек и Уильямс предупреждают читателя, что их построения, в сущности, представляют собой очередную утопию: «Утопический потенциал, заложенный в технологиях XXI века, не может быть отдан на откуп местническому воображению капитализма — амбициозная левая альтернатива должна его освободить. Неoliberalизм провалился, социал-демократия невозможна, и только альтернативное видение может привести нас к всеобщему процветанию и освобождению. Фундаментальная задача левых сил сегодня — сформулировать принципы этого лучшего мира и достичь его».

**ЮДЖИН РОГАН,
АРАБЫ. ИСТОРИЯ. XVI–XXI ВВ.**

М.: Альпина нон-фикшн. — 2019. — 784 с.

Книга Рогана посвящена истории арабов за последние 500 лет — от падения последней крупной арабской империи (султаната мамлюков в Египте) и до нынешних дней. Все это время большая часть арабов находилась под иноземным владычеством — сперва османов, затем различных европейских держав. И лишь последние полвека арабские государства стали независимыми. Если попытаться вкратце описать эти 500 лет, то получатся бесконечные американские горки из надежд и разочарований. Важно, что Роган все время дает слово арабским очевидцам или показывает их взгляд на историю, отличный от европоцентричного. Реконкиста освободила Пиренейский полуостров от мусульманского владычества, но тысячи мусульман были вынуждены бежать из Испании в Северную Африку. За Реконкистой последовали набеги на Северную Африку испанских моряков, которые нанесли тяжелый удар по беженцам и местному мусульманскому населению. Легендарный арабский флотоводец Барбаросса для европейцев всегда будет пиратом, но для североафриканцев он адмирал и защитник мусульман. Ценной частью (и весьма обширной) является разбор причин «арабской весны», тех событий, что произошли в последнее десятилетие.

Срничек с Уильямсом утверждают, что первой целью посткапиталистического мира станет «максимизация синтетической свободы, или, другими словами, процветание всего человечества и расширение наших общих горизонтов». Для достижения этого, утверждают авторы, потребуются как минимум три различных элемента: обеспечение базовых жизненных потребностей, расширение общественных ресурсов и развитие технологических возможностей. С идеями авторов хочется спорить. Например, уязвимо выглядит концепция базового безусловного дохода (ББД), которую Срничек и Уильямс видят чуть ли не краеугольным камнем «посттрудового общества». Идея популярна, набирающая сегодня все больше сторонников, но, увы, несостоятельная с точки зрения реальной экономики и здравого смысла. Хуже того, ее последовательное внедрение приведет к новым формам рабства.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ «ХРЕБТА СТРАНЫ»

В Екатеринбурге состоялся большой региональный экономический форум «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России», организаторами которого стали Вольное экономическое общество России, Уральское отделение Вольного экономического общества России, Уральское отделение Российской академии наук и, Уральский государственный экономический университет. В течение двух дней, 24 и 25 октября, представители науки, деловых кругов, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, руководители предприятий реального сектора экономики обсуждали результаты научных исследований и лучшие практики инновационного развития регионов России.

Уже не первый год мы собираемся в октябре на научно-практической конференции, посвященной проблемам индустриализации. Накопив определенный опыт, при активной поддержке ВЭО России мы впервые проводим форум «Урал – драйвер неиндустриального и инновационного развития России». Кроме того, впервые в нашем университете начинается включение в образовательную программу целого курса «Ноономика», разработанного профессором Бодруновым.

Ноономика – то явление, без изучения которого невозможно выстроить развитие современной экономики России», – отметил ректор УрГЭУ, член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, доктор экономических наук, профессор Яков Силин.

ВЭО на форуме представлял Президент Общества Сергей Бодрунов, кстати, почетный профессор УрГЭУ, он выступил с докладом пленарного заседания «Задачи и перспективы перехода России на новую стадию индустриального развития» открыл пленарное заседание, задав основное направление. «Впереди ждет переход к новому индустриальному обществу. Наблюдаемые сдвиги в технологической основе обуславливают переход к постиндустриальному обществу, в котором индустрия займет не основное, а вспомогательное значение». По мысли эксперта, превалирование в общественной жизни экономических отношений постепенно сменится неэкономическими приоритетами. Тем самым экономика уступит место ноономике – неэкономическому способу хозяйственной деятельности, нацеленному на удовлетворение новых потребностей человека.

Президент Уральской Торгово-промышленной палаты, вице-президент Уральского отделения ВЭО России Андрей Беседин в своем докладе «Урал. Перегрузка. Семь ключевых трендов, влияющих на экономику макрорегиона» представил основные

направления экономического развития, а именно: повышение результативности и эффективности производства, экологизация и ужесточение требований к производству, изменение структуры населения (рост продолжительности жизни, увеличение доли людей «серебряного возраста», новые системы образования (мобильность, доступность, персонализация, геймификация, трансформация жизненного уклада (урбанизация, агломерация, создание «умных городов»), технологические изменения (новая энергетика, новые материалы, новые производства). Таким образом, по словам докладчика, «выиграют только те компании и отрасли, у которых есть стратегия, включающая данные компоненты».

Ректор Уральского государственного горного университета, доктор экономических наук Алексей Душин проанализировал проблемы уральского горно-металлургического комплекса. Он проанализировал ограничения для перехода к шестому экономическому укладу, аспекты развития горно-металлургического сектора страны и минерально-сырьевого комплекса некоторых стран Европы. В завершение доклада эксперт отметил, что на смену терминологии концепций, связанных с технологическими укладами, должно прийти такое понятие, как гуманизация экономики и промышленности. Главной проблемой развития гуманизации отрасли является разница в понимании специфики сырьевого сектора представителями добывающей отрасли и исполнительной власти.

Исполнительный директор АО «Производственное объединение «Уральский оптико-механический завод» имени Э.С. Яламова» Константин Шкүревских поделился опытом развития ОПК в условиях неиндустриализации. УОМЗ – одно из крупнейших предприятий оптической отрасли России, которое разрабатывает и производит оптико-электронные системы различного назначения, медицинскую продукцию, а также геодезические приборы и измерительную технику. Константин Владимирович рассказал о продукции завода, цифровой трансформации производства, флагманской позиции компании на мировом производственном рынке, участии УОМЗ в различ-

ных национальных проектах, внедрении технологических решений для повышения качества управления городской инфраструктурой в рамках ведомственного проекта «Умный город» и планах развития предприятия. Спикер отметил, что УОМЗ находится в постоянном диалоге с научным сообществом, с ведущими вузами Екатеринбурга и всей России.

В завершение пленарного заседания свой взгляд на развитие Уральского макрорегиона выразил ректор УрГЭУ Яков Силин. «Урал – регион с уникальными географическими, историко-культурными, этнодемографическими и экономическими условиями и характеристиками представляет собой срединный, консолидирующий макрорегион. Это своеобразный хребет, который, словно шов, стягивает к себе отдельные части страны. Уральский и Сибирский регионы обладают качествами стержневого ареала, на котором держится российская государственная целостность», – считает профессор. Яков Петрович представил результаты исследования эволюции экономических процессов Уральского макрорегиона, проанализировал большие циклы индустриализации, отраслевые и технологические приоритеты новой индустриализации Урала.

После пленарного заседания с открытой лекцией выступил президент ВЭО России. В подтверждении тезиса о переходе к новой модели экономики, в основе которой парадигма отрицания ведущей роли материального производства, спикер обратил внимание аудитории на ключевые индикаторы этого перехода, среди которых: расширение рынка услуг, информатизация производственных и социальных процессов. Неизбежными становятся и проблемы, с которыми сталкивается современное общество в процессе перехода к новой модели производственных отношений: «Движение по ту сторону материального производства – постиндустриального производства – обернулось не только ростом эффективности, повышением производительности, благосостояния народа, но и экспансией финансового посредничества, что стало немаловажным фактором финансового кризиса 2007–2009 годов». В усло-

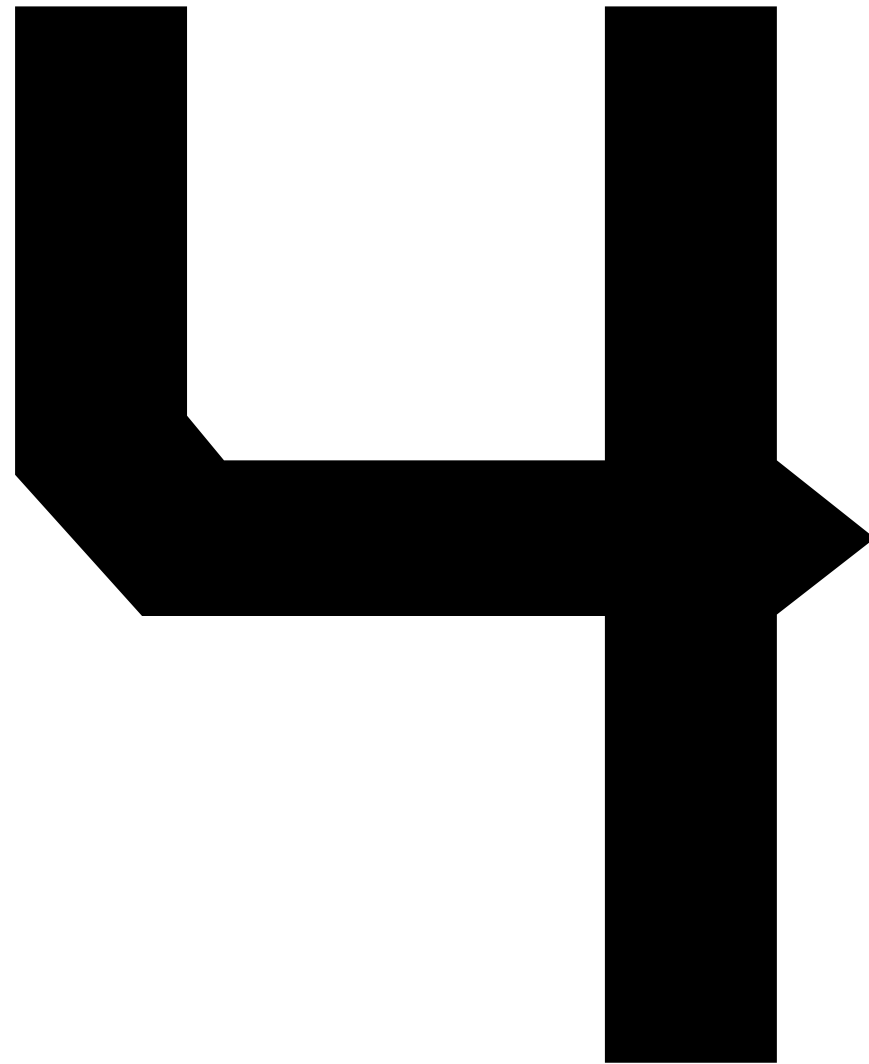
виях глобальной экономики переход к новой модели производства в Северных странах послужил драйвером к усилению процессов индустриализации в Южных регионах, возрастанию их роли и доли в мировом материальном производстве. Ярким примером такой экономики является экономика Китая. По словам Сергея Бодрунова, сегодня «меняется структура цивилизации, а не только общества». В новом обществе меняются приоритеты общественного развития. Еще более резко возрастет роль науки. Только за XX век количество людей, занятых в научной сфере, возросло в 60-70 раз, расходы на научную деятельность выросли более чем в 1000 раз, и сегодня мало кто оспаривает необходимость и неизбежность увеличения этих показателей.

Подводя итог, профессор определил особое место научного знания в условиях перехода к обществу нового типа. Знание сегодня – базовый ресурс в индустрии нового поколения. Создание нового продукта, отвечающего современным требованиям, невозможно без применения новых наукоемких технологий. Поэтому наличие качественного, отвечающего вызовам современной экономики образования является ключевым ресурсом на современном рынке труда.

**УРАЛ С ЕГО
УНИКАЛЬНЫМИ
УСЛОВИЯМИ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
СОБОЙ СРЕДИННЫЙ,
КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ
МАКРОРЕГИОН
РОССИИ**

ПРОИЗОЙДЕТ ЛИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ГАЗОВОГО РЫНКА?

Тема либерализации внутреннего рынка газа России насчитывает минимум два десятка лет, но, несмотря на это, не теряет актуальности и накала дискуссий. Рост объемов добычи газа независимыми компаниями, объемы инвестиций, вкладываемых в развитие инфраструктуры, приводит к все более настойчивым запросам частных компаний на создание равных правил игры на российском рынке газа.

НА ОСОБОМ ПОЛОЖЕНИИ

Российская газовая отрасль находится в уникальном положении, обеспечивая огромный внутренний рынок и одновременно являясь одним из крупнейших игроков по экспорту газа на международных рынках. Внутри страны доля газа в энергобалансе на порядок выше западных государств — 52%, а в производстве электроэнергии в европейской части страны достигает 70%. К примеру, в Великобритании этот показатель в первичном энергобалансе составляет около 40%, в Соединенных Штатах — 32%, а в Германии порядка 23%.

Основными потребителями природного газа в России традиционно являются производители тепло- и электроэнергетики, затем население и предприятия ТЭК, коммунальный сектор и металлургия. Столь внушительные объемы, которые традиционно контролирует «Газпром», рождают придирчивые взгляды на саму систему ценообразования, доступа к транспортной инфраструктуре и на условия работы независимых производителей природного газа.

ЧЕГО ХОТЯТ «НЕЗАВИСИМЫЕ»? О ЧЕМ СПОР?

Требования негосударственных газовых компании отличаются широтой: от ухода от контроля «Газпрома» над единой системой газоснабжения (ЕСГ) до свободного доступа трубопроводного газа на экспортные рынки. В дискуссию периодически включаются все заинтересованные стороны: от правительства до ФАС и независимых производителей газа. Но попытки реформирования вызывают крайнее неприятие самого монополиста.

Новую остроту обсуждение проблемы получило после решения стран — участниц ЕАЭС сформировать общий газовый рынок. До 2025 года пять государств должны определить единые и недискриминационные правила доступа в святая святых — к своим энергетическим системам. Проблема в том, что национальные рынки газа стран Евразийского союза находятся на разных ступенях эволюции. Попытаться объединить их можно только после устранения дисбаланса на собственном газовом рынке.

Как уже было отмечено, в той или иной степени в дискуссиях о том, каким должен быть наиболее приемлемым и справедливым внутренний рынок газа принимают участие практически все заинтересованные структуры: экономический блок правительства и независимые производители газа, эксперты и регулирующие органы. Примечательно, что голос непосредственных потребителей слышен слабее всех перечисленных. Население не интересуется технологические и финансовые хитросплетения, а промышленные предприятия не могут позволить себе идти на конфликт с прямым поставщиком топлива. «Газпром» в этой ситуации стоит особняком. Таким образом, подкрепленные субъективной доказательной базой участники спора о лучшем будущем «Газпрома» годами не могут прийти к общему видению проблемы реформирования газового монополиста.

Признавая существующий дисбаланс, экономисты расходятся во мнении, как изменить правила игры

Рисунок 1. Основные показатели газовой отрасли России (млрд куб. м)

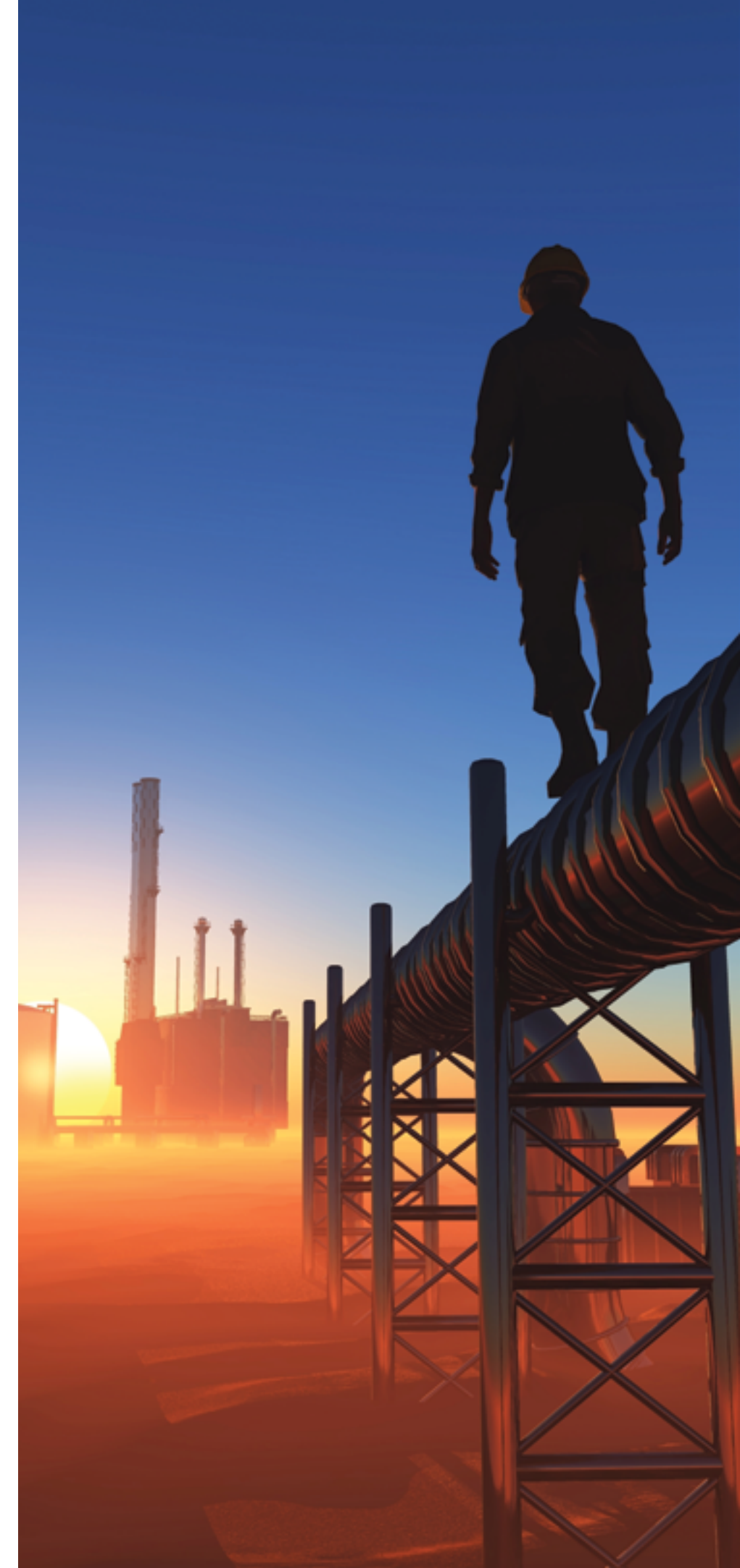
Источник: Минэнерго РФ, ЦДУ ТЭК, «Газпром», операторы СПГ-производств, расчеты Центра энергетике МШУ «Сколково»

не нарушая систему сдержек и противовесов. Единственное, что роднит критиков системы внутреннего рынка газа, — тезис о том, что время для ее реформирования настало.

ТРИ КИТА В ОДНОМ АКВАРИУМЕ

К слову о дисбалансах. Одним из аргументов в пользу того, чтобы оставить «все как есть» являются опасения, что монетизация газа путем массового прихода независимых производителей к конечному потребителю, будь то население и промпредприятия, приведет к резкому повышению как розничных, так и оптовых цен на голубое топливо. В настоящее время на «Газпроме» как на монополисте в поставках газа населению лежит социальная ответственность в виде бесперебойного снабжения потребителя газом по заниженным ценам. Одновременно за счет низких цен на газ предпринимаются шаги по субсидированию остальных секторов экономики, использующих газ.

Мера эта спорная, эксперты не наблюдают значительного роста, например, в обрабатывающем секторе. С другой стороны, государство сделало послабления для производства и экспорта сжиженного

КОНЕЧНОЙ ЦЕЛЬЮ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА ЯВЛЯЛОСЬ СОЗДАНИЕ ПОДКОНТРОЛЬНОГО "ЦЕНТРА ПРИТЯЖЕНИЯ" В КАЖДОЙ СТРАТЕГИЧЕСКИ ВАЖНОЙ ОТРАСЛИ

природного газа (СПГ), что характерно на примере НОВАТЭКа. Так что существующий баланс газовой отрасли является переплетением трех китов в одном аквариуме: бесперебойное снабжение населения и промышленных потребителей, предоставление частичных свобод независимым производителям газа и сохранение позиций «Газпрома» как энергетического каркаса российской экономики.

Независимые компании так не считают. Признавая главенствующую социальную роль «Газпрома», частные производители газа требуют дерегулирования внутренних оптовых цен на газ для промышленных потребителей при создании равных условий для доступа в трубу ЕСГ. «Лукойл», «Роснефть» и НОВАТЭК, как крупнейшие независимые поставщики газа, давно и настойчиво предлагают установить одинаковый уровень тарифа на транспортировку и одинаковые правила закачки и отбора газа из подземных хранилищ газа (ПХГ).

Также, согласно их исследованиям, дерегулирование оптовых цен совсем не обязательно приведет к их росту. Более того, компании неоднократно заявляли о готовности к их снижению в случае получения недискриминационного доступа к конечному потребителю. В ответ на дерзкие инициативы «Газпром» пригрозил установлением в отдельных случаях цены на газ ниже регулируемых для удержания потребителей. Предложения же независимых производителей газа, по мнению монополиста, угрожают разрушить существующий статус-кво.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

Впрочем, не стоит переоценивать монопольные возможности «Газпрома». По итогам прошлого года «Газпром межрегионгаз» снабжал газом потребителей в 69 регионах России из 85. Доля «Газпрома» составляет 55%, а летом опускается до 50%, колеблясь в районе психологической отметки. В то же время на фоне пикового спроса в зимние холода «Газпром» вновь возвращает лидерские позиции, оставляя позади независимых производителей газа.

Состояние современного внутреннего газового рынка формировались в 1990-х и начале 2000-х годов, когда действовала установка государства на укрупнение хозяйственных структур, консолидации пакетов акций в вертикально интегрированных компаниях. В тот период государство активно и жестко входило в капитал крупных частных компаний, выстраивая взаимоотношения с частниками по своим правилам. Конечной целью стратегии государства являлось создание подконтрольного «центра притяжения» в каждой стратегически важной отрасли. В газовой отрасли таким гигантом стал «Газпром», который одновременно стремился к прагматичным отношениям с потребителями, нес социальную ответственность перед населением и выполнял функцию гаранта энергетической безопасности страны.

Ветер перемен почувствовался в 2010-х годах, когда окончательно сформировался пул независимых производителей природного газа, большую часть которого составили заявившие о своих правах нефтяные компании, окончательно выделившие собственную газовую добычу в отдельные бизнес-направления.

В этой ситуации государство оказалось между двух огней: с одной стороны — формирование единого энергетического рынка Евросоюза, с другой — общего энергорынка на нарождающемся экономическом пространстве ЕАЭС. Пришлось допускать послабления в виде частичной либерализации экспорта СПГ, а также развития торгов газом на базе Санкт-Петербургской товарно-сырьевой биржи (СПбМТСБ). Эксперты называют их несистемными поблажками негосударственным компаниям, однако цель угадывалась верно — успеть занять либо укрепить свое присутствие на внутреннем и внешнем рынках.

В 2015 году государство впервые включило в проект Генеральной схемы развития газовой отрасли на период до 2035 года Концепции развития внутреннего рынка газа. В ней, в частности, говорилось, что российская экономика находится в сложных условиях, а потому время смелых шагов еще не настало. По крайней мере, до 2025 года не планируется разрушать экспортную монополию «Газпрома». Также не время выделять из нее транспортную составляющую. С другой стороны,

СЦЕНАРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

С учетом всего перечисленного среди участников газового рынка не остается сомнений в необходимости реформирования существующего положения дел в системе. В результате структурировалось несколько основных сценариев реформирования рынка газа, некоторые из них можно считать диаметрально противоположными.

ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ

Одним из самых болезненных вопросов, как уже упоминалось, является разделение ПАО «Газпром» по видам деятельности и выделение транспортной составляющей в обособленную структуру. Такой вариант, в частности, предложили эксперты Центра стратегических разработок, которые, однако, сходятся во мнении, что контрольный пакет акций новой структуры должен остаться за государством. Чтобы подсластить пилюлю, ЦСР советует понизить ставки НДС для «Газпрома» на 20% и повысить на 30% для независимых производителей. Также «Газпрому» предлагалось экспортировать газ с наиболее «дорогих» месторождений, поставя на внутренний рынок газ с наиболее «дешевых». Такая схема исправит ситуацию с низко- и высокодоходными регионами.

Сценарий предполагает и допуск независимых производителей газа к трубопроводному экспорту пропорционально их доли в поставках на внутренний рынок.

ВТОРОЙ СЦЕНАРИЙ

Развитие и стимулирование межтопливной конкуренции. Суть его заключается во введении максимального потолка оптовых цен и стимулировании топливной конкуренции в тепло- и электрогенерации. Для населения предлагается сохранить регулируемые цены, по крайней мере, временно. Также предполагается развитие двухсекторной модели функционирования внутреннего рынка газа с использованием гарантирующего поставщика по долгосрочным контрактам. Недостающие объемы газа предлагается удовлетворять через покупку на спотовых биржевых торгах, что является одним из двух нововведений, вызвавших острую дискуссию у участников рынка.

Необходимость развития биржевых торгов газом обосновывается в качестве альтернативы регулируемым ценам. Такие торги с октября 2014 года уже проводятся на СПбМТСБ и являются примером совпадения интересов всех участников рынка. «Газпром» изначально отнесся к этой идее прохладно, однако позже понял, что биржевые торги являются единственной возможностью вывода части объемов из-под регулирования ФАС. По данным за 2017 год, компания полностью выбрала полагающийся объем 17 млрд кубометров, поставив его

на 5–10% ниже регулируемых цен. Пока еще торги на СПбМТСБ считают недостаточно ликвидными: ценовые показатели не отражают реального баланса спроса и предложения.

Другим нововведением стало предложение ввести на внутренний рынок по аналогии с энергетической отраслью гарантирующего поставщика, статус которого может получить «Газпром» либо независимый производитель газа. На европейском рынке гаранта нередко называют «поставщиком последней надежды», чьи функции заключаются в обслуживании низкомаржинальных потребителей, а также населения в случае банкротства уже имеющегося поставщика. В российских условиях гарантирующий поставщик представляется как временная переходная структура на пути к дальнейшей либерализации рынка.

ТРЕТИЙ СЦЕНАРИЙ

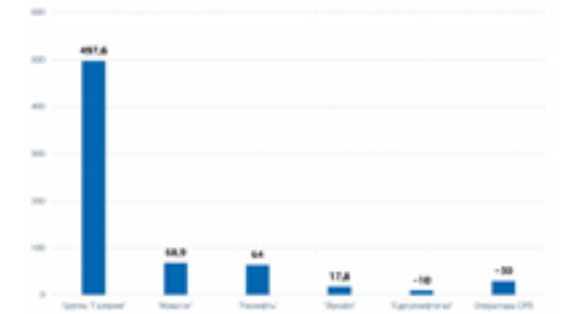
Предлагаемый ФАС и СПбМТСБ, этот сценарий содержит частичное дерегулирование оптовых цен на газ в пилотных регионах. Вариант наиболее полно отражает интересы независимых поставщиков, поскольку ориентируется на полную либерализацию цен в дальнейшем, а также требует единого транспортного тарифа. Кроме того, в сценарий внесена возможность повышения минимального порога биржевых продаж и ввода таких торговых инструментов, как «на день вперед» и фьючерсы.

ЧЕТВЕРТЫЙ СЦЕНАРИЙ

Отражает интересы «Газпрома», поскольку сохраняет вертикальную интеграцию, предполагает долгожданное повышение тарифа на транспортировку газа и сохраняет монополию на экспорт трубопроводного газа. Сценарий также допускает введение гарантирующего поставщика и постепенное дерегулирование оптовых цен в пилотных регионах. Кроме того, вариант предполагает справедливый баланс сообразительств с независимыми производителями газа пропорциональный объемам добычи газа.

Все четыре сценария с разной степенью интенсивности отстаивают различные группы интересов, среди которых государству приходится сохранять экономический баланс между «Газпромом» и частными компаниями, не нарушая рыночный каркас.

Рисунок 2. Добыча газа в России основными недропользователями в 2018 году (млрд куб. м)

Источник: данные компаний, расчеты Центра энергетике МШУ «Сколково»

Рисунок 3. Транспортировка по ГТС «Газпрома» (включая отбор из ПХГ, млрд куб. м)

Источник: «Газпром», расчеты Центра энергетике МШУ «Сколково»

РАЗВИТИЕ И СТИМУЛИРОВАНИЕ МЕНТОПЛИВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Суть этого сценария заключается во введении максимального потолка оптовых цен.

НЕЗАВИСИМЫЕ КОМПАНИИ НАЗЫВАЮТ ГЛАВНОЙ ЦЕЛЮ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЮ РЫНКА С СОЗДАНИЕМ РАВНЫХ УСЛОВИЙ ДОСТУПА ЧЕРЕЗ ИНФРАСТРУКТУРУ ЕСГ

В Концепции впервые было заявлено о необходимости разрешить негосударственным компаниям продавать газ крупным потребителям в рамках регулируемого коридора, а не по тарифам. При этом на них должна лечь ответственность за прохождение зимних максимумов потребления газа.

Отношений между независимыми производителями газа и «Газпромом» это не исправило. Независимые компании по-прежнему называют главной целью либерализацию рынка газа через создание равных условий доступа через инфраструктуру ЕСГ к конечному потребителю и доступ к экспортным доходам. Примечательно, что частные компании не настаивают на отмене регулируемых государством оптовых цен на газ «Газпрома». Такую позицию можно объяснить аргументами самого «Газпрома», напоминающего о том, что на своих плечах он несет бремя обязательных высоких инвестиций в разведку, добычу, транспортировку, а также строительство и обновление инфраструктуры. Вышеперечисленные факторы существенно снижают конкурентную маневренность «Газпрома». Частные компании, в свою очередь, не горят желанием взваливать на свои плечи подобную ответственность.

Среди причин дисбаланса между «Газпромом» и независимыми компаниями в торговле газом на внутреннем рынке также относят разные подходы к налогообложению. В настоящее время к монополисту применяется повышенный коэффициент НДС (1,5–2 раза), в отличие от независимых производителей. Кроме того, негосударственные нефтегазовые компании часто предлагают промышленным предприятиям скидку к цене «Газпрома» в результате чего клиенты уходят от услуг монополии. Другим аргументом противников либерализации внутреннего рынка газа являются расчеты ИНЭИ РАН, согласно которым 53 из 69 регионов, куда поставляет газ «Газпром», являются убыточными. У независимых поставщиков таких регионов девять. Также в «Газпроме» напоминают, что тариф на транспортировку газа для независимых компаний, регулируемый государством, не повышался с 2015 года. В газовой компании уверяют, что нынешний уровень не отражает реальных затрат на содержание ЕСГ. Индексирование на 3,4% было запланировано с 1 июля текущего года, однако решение до сих пор не принято. Впрочем, отсутствие индексации объяснил глава ФАС Игорь Артемьев, по словам которого «Газпром» не предоставляет инвестиционную программу и другие экономические расчеты.

Руководитель ведомства отметил, что без данных компании непонятно, на какую величину индексировать тариф.

ЧТО МЕШАЕТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ?

В то же время есть целый ряд факторов, которые сдерживают либерализацию рынка. Несмотря на жалобы частных газодобывающих компаний на низкие внутрироссийские цены, отрасль не может пожаловаться на дефицит инвестиций. Расширяется торговля газом на бирже, частично демонopolизирован экспорт СПГ, а объемы продаж за рубеж голубого топлива находятся у рекордных значений. В таких условиях либерализация оптовых цен содержит небеспопеченную опасность роста тарифов со всеми вытекающими последствиями, что нежелательно с социальной и экономической точек зрения. Такой вывод содержит доклад «Основные элементы и возможные сценарии дерегулирования цен на газ в России и реформирования газового рынка» Центра энергетики Московской школы управления «Сколково».

Кроме того, не доказано, что снижение довлеющего над «Газпромом» размера НДС будет компенсировано бюджету другими фискальными поступлениями. Инициатива реформирования железных дорог и РАО «ЕЭС России» в начале 2000-х годов принадлежала самим монополиям и исходила изнутри. С «Газпромом» этот номер не пройдет, говорят эксперты.

РЫНОК ЕАЭС: СУБСИДИЯ +

Вопрос о возможности выделения газпромовской ЕСГ в отдельную независимую структуру неожиданно приобрел новый импульс в условиях все более тесной консолидации на пространстве стран — участниц Евразийского экономического союза. Каким образом обеспечить доступ к ПГХ газовым компаниям из ЕАЭС, если даже нынешние условия вызывают критику, прежде всего российских независимых производителей газа? Можно ли в рамках общего рынка ЕАЭС транспортировать газ в соседнее

государство? Неожиданно проблема либерализации внутреннего рынка газа в России получила распространение сразу на пять государств.

Глава коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тигран Саркисян ранее констатировал, что страны ЕАЭС пока не могут урегулировать «чувствительный вопрос, касающийся определения цены на транзит газа». Этот вопрос он назвал принципиальным. Замглавы ФАС России Анатолий Голомолзин рассказал, что разрешить противоречия предполагается в три этапа. Первый планируется завершить до 1 января 2021 года созданием методической основы формирования общего рынка газа Союза. На второй этап дается ровно год. За это время на территории Союза должна появиться одна или несколько товарных бирж, на которых могут осуществляться биржевые торги газом. Третий этап завершится 1 января 2025 года созданием экономических условий для функционирования общего рынка газа ЕАЭС.

Затрудняет моделирование то, что национальные рынки газа стран — участниц ЕАЭС находятся на разных этапах своего развития и отличаются региональными особенностями. К примеру, газовый рынок Беларуси традиционно находится под государственным планированием. Казахская модель характеризуется монополией, управляемой посредством национального оператора. Киргизия и Армения только формируют собственные газовые рынки. Российский рынок является смешанным монопольно-независимым рыночным механизмом с присутствием сырьевой биржи. Но все перечисленные модели объединяет высокая вовлеченность государства, которое жестко контролирует конкуренцию за добычу и продажу сырья.

Вход на рынок любого из государств защищен высокими барьерами и надежно охраняет собственные методологии расчета цен на газ, которые, в свою очередь, сильно зависят от социальных и политических целей руководства государства. На практике это означает, что все без исключения газовые цены стран ЕАЭС субсидируются. Что же произойдет с субсидированием после того, как заработает общий газовый рынок? Ответа пока нет. Таким образом, форсирование создания общего газового рынка обнажило давно назревшие проблемы и желание подтолкнуть «Газпром» к реформам. Решать его в масштабах пространства ЕАЭС, не решив в границах собственного государства, не получится.

Автор: Максим Гребенников

РАСШИРЯЕТСЯ ТОРГОВЛЯ ГАЗОМ НА БИРЖЕ,

а объемы продаж за рубежом голубого топлива находятся у рекордных значений.

4 октября 1769 года, родился **Алексей Андреевич Аракчеев**, выдающийся государственный и военный деятель, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I, реформатор русской артиллерии, военный министр (1808–1810), организатор снабжения русской армии в войне с Наполеоном, главный начальник Императорской канцелярии (с 1812) и военных поселений (с 1817). В советской историографии его эпоху называли презрительно — «аракчеевщина». Сегодня отношение к его заслугам меняется. Граф хорошо знал, что без порядка в России нельзя, и умел этот порядок наводить и полицейскими и экономическими мерами.

Николая Ивановича Салтыкова. Както наследник престола Павел Петрович обратился к графу Салтыкову с требованием дать ему расторопного артиллерийского офицера для своей гатчинской «армии». Граф Салтыков указал на Аракчеева и отрекомендовал его с самой лучшей стороны. Алексей Андреевич в полной мере оправдал рекомендацию точным исполнением возлагавшихся на него поручений, неутомимой деятельностью, знанием военной дисциплины, строгим подчинением установленному порядку. Так началась блестящая карьера будущего графа.

В исторической памяти Аракчеев остался творцом военных поселений, крайней степени милитаризации гражданской жизни, но автором идеи был не он, а непосредственно Александр I. Царь во время наполеоновских войн наблюдал, как эффективно организован прусский ландвер и ландштюрм (ополчение резервистов), видел, как действовало русское ополчение во время Отечественной войны 1812 года, и возжелал организовать армию мирного времени по подобному образцу.

На первый взгляд, реформа военной службы (совмещение земледелия и военного дела) служила экономии на военных. Но у императора были и другие, более интересные мотивы. Армия-победитель нуждалась в награде. В 1814 г. император объявил: «Надеемся не только содержание воинов привести в лучшее и обильнейшее прежнего состояние, но и дать им оседлость и присоединить к ним семейства». В поселениях солдаты могли жить с семьями, чего прежние рекруты были лишены. Солдата ведь призывали на 25 лет. Если он и возвращался домой, то уже в очень зрелом возрасте. Создавая военные поселения, Александр на несколько лет прекратил рекрутские наборы.

Согласно замыслу императора, армия, как носитель идеалов дисциплины и порядка, могла преобразовать в этом духе и сельское хозяйство. Генерал Аракчеев, назначенный руководителем проекта, как нельзя лучше подходил на эту роль — его личное имение Грузино и жизнь его крестьян

были редким примером идеально устроенного хозяйства, в котором даже уход крестьянок за детьми осуществлялся по инструкциям помещика, а жители деревень выглядели сытыми, здоровыми и довольными жизнью. Такие крестьяне, воспитанные и дисциплинированные, казались императору совершенно необходимым условием для грядущего их освобождения — ведь без правильного воспитания в духе дисциплины, ответственности и трудолюбия они не смогут воспользоваться плодами свободы.

УСТРОЙСТВО ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Сам граф Аракчеев к идее военных поселений относился неодобрительно, он был убежден, что занятия сельским хозяйством и семейная жизнь развратит солдат, но, как позже сказал другой русский царь: «Убеждения моих вельмож — это мои приказания». И Аракчеев принял за дело. В 1815 г. император приказал разместить второй батальон гренадерского графа Аракчеева полка в Высоцкой волости (Новгородская губерния). Живших там крестьян «призывного» возраста (21–45 лет) одели в мундиры, привели к присяге и обучали воинскому искусству. Крестьяне жили с семьями (с позволения командиров). При каждом полку строился штабной городок с квартирами офицеров, госпиталем, церковью, эскерциргаузом, гауптвахтой, конным заводом и др.

За 10 лет число жителей военных поселений выросло до 750 тыс. человек. Появлялись хорошие дороги, школы и больницы, все дети были одеты и обуты за казенный счет, не было пьяниц и бродяг, аккуратных поселян и их детей поощряли подарками и доступом к бесплатному обра-

зованию в военных училищах. Хорошо организованные военные поселения оценивались некоторыми современниками как части, превосходящие по качеству военной подготовки даже гвардию.

Но иногда получалось по-другому. Военные порядки вызвали сопротивление крестьян. Офицеры не только измеряли угол подъема ноги на учебном смотре, но и контролировали чистоту рубашки крестьянина, его избы, установку изгородей и красоту канав. Всякая вещь в поселении была под своим номером и должна была лежать в определенном месте. Филипп Вигель, главный мемуарист александровской эпохи, вспоминал, что в военных поселениях все было «на немецкий, на прусский манер, все было счетом, все на вес и на меру». Привычных увеселений, вроде выпивки и азартных игр, поселяне были лишены.

В 1819 г. в Чугуеве несколько тысяч поселенцев потребовали ликвидации поселения и возврата к прежней, нормальной крестьянской жизни. Восстание жестоко подавили, и эта история произвела на общество сильное впечатление. Аракчеева называли «чертом, дьяволом». Образованное общество видело в поселениях лишь эксперимент абсолютной власти, навеянный влиянием деспотичного Аракчеева. Но большая часть поселян все же адаптировалась к изменениям, а в России появлялись новые общественные здания, дороги и хозяйства. Александр II в 1857 г. ликвидировал поселения, прощаясь с еще одним институтом, непопулярным в обществе, которому предстояли грандиозные реформы.

Б 250 лет назад

Будущий граф родился в такой бедной дворянской семье, что первоначальное образование (грамоту и цифирь) получил под руководством сельского дьячка, а при поступлении в артиллерийский кадетский корпус его отец не мог набрать двести рублей, необходимых для записи в корпус. Андрей Андреевич ходил по петербургским богатым домам с Алешей, кто-то давал три рубля, кто-то пять. В доме генерала от артиллерии Петра Ивановича Мелиссино судьбой мальчика заинтересовались, и молодой Аракчеев был принят в корпус без платы. В свободное время он давал уроки сыновьям графа

З ноября 1879 года шведская шхуна «Вега» вышла в Северный Тихий океан, закончив свой сквозной проход по Северо-Восточному пути (теперь эта трасса называется Севморпуть). Это было первое в истории мореплавания судно, прошедшее за две навигации (с одной зимовкой) путь из Атлантического океана в Тихий, обогнув Россию с севера. Стартовав из Стокгольма в 1878 году, «Вега» возвратилась в порт приписки в 1880-м.

Приходится слышать мнения, что Россия несправедливо «приватизировала» северо-восточный проход и надо предоставить к нему свободный доступ кораблям разных стран. И в качестве аргумента ссылаются на исторический принцип, и, в частности, на путешествие на «Веге». Экспедиция была действительно шведская, но ее руководитель, Нильс Адольф Эрик Норденшёльд — не чужой для России человек.

Он родился и вырос в Гельсингфорсе, когда этот город (ныне Хельсинки) находился в составе Российской империи; окончил Александровский императорский университет и даже некоторое время преподавал в нем. Соответственно, прекрасно знал русский язык. Как-то раз в ученом собрании Норденшёльд неосторожно высказался, что, дескать, Финляндия исторически тяготела к Швеции, а не к России. Фраза вызвала гнев у российского генерал-губернатора Финляндии. Норденшёльд отказался извиняться и опровергать свои высказывания,

1400 лет назад

в результате — отъезд на историческую родину, в Швецию. При этом с коллегами-учеными из России он сохранил хорошие отношения, был удостоен престижной Константиновской медали Русского географического общества. Его надежным деловым партнером был золотопромышленник Александр Сибириков, любимым чтением — записки русских полярных путешественников. Знание русского языка помогало шведу и во время плавания при общении с местными жителями.

ПЛАВАНИЕ НА «ВЕГЕ»
Норденшёльд привез в багаже ценнейший материал: путевые дневники, рисунки, фотографии, карты. В короткий срок литературный отчет о плавании был готов. На основе зарисовок талантливый художник-иллюстратор Вильгельм Майер выполнил более 300 гравюр. Издание вышло в Швеции и вскоре было переведено на главные языки мира. Книга «Плавание на «Веге» стала бестселлером и по сей день часто переиздается. Это такая же классика литературы о морских путешествиях, как и труды Кука, Лаперуза, Беллинсгаузена, Нансена.

В 1936 году вышло полное издание «Плавания...» под редакцией Владимира Визе — крупного ученого-океанографа, исследователя Севера, чьим именем назван остров. Выход этой книги совпал с началом завоевания Арктики Советским Союзом. «Плавание на «Веге» — это и увлекательный рассказ об экспедиции, и обзор арктических путешествий прежних времен, и трактат по разным наукам — от орнитологии до этнографии. На парусно-паровом судне, которое не обладало прочностью

современных ледоколов, моряки прошли от побережья Скандинавии до Берингова пролива. Встречи со смертоносными льдами им удалось избежать».

Норденшёльд рассказывает о высадке на берег на мысе Челюскин (впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света), о нравах и облике чукчей, о трудной зимовке всего в десятке миль от Берингова пролива. Радиосвязи тогда еще не было, и в Европе мореплавателей, не уложившихся в летнюю навигацию, уже кое-кто считал погибшими. Научные исследования не прекращались ни на день и во время долгой стоянки. Наконец весной лед тронулся, «Вега» продолжила путь на восток. Судно обогнуло мыс Дежнева, затем моряки высаживались на американском побережье, посетили Командорские острова. А потом были визит в Японию и путь домой южным маршрутом.

Научное значение экспедиции огромно, ее материалы впоследствии использовались и романистами. Но была у нее и экономическая цель — установить кратчайшее сообщение с районами Сибири, примыкающими к Оби, Енисею и другим крупным рекам. В торговле на этих путях были заинтересованы и Россия, и страны Северной Европы. Но активное развитие Северного морского пути началось десятилетиями позже. Символично, что первым судном, прошедшим этим маршрутом за одну навигацию, стал ледокол «Сибириков», названный (еще до революции) в честь коммерсанта, спонсировавшего экспедицию Норденшёльда. А имя самого шведского путешественника носит ныне один из российских арктических архипелагов.

22 декабря 1719 года Петр I указом определил государственную форму хранения ценностей, принадлежащих России: была создана Камер-коллегия, в регламенте которой приводился полный перечень ценностей и указывался порядок их хранения в специально организованном помещении — в Царской рентерии. Сегодня мы знаем это учреждение как Гохран России.

Согласно регламенту ценности из Царской рентерии в буквальном смысле слова были «за тремя замками» и могли быть получены по именному распоряжению императора. Доступ к ценностям был у трех приближенных, каждый из которых имел свой ключ к одному из трех замков. После смерти Петра I, в 1725 г., и до конца XVIII в. на российском престоле находились женщины, и императорская сокровищница пополнялась новыми ювелирными изделиями, производство которых в этот период многократно выросло. Для пополнения Алмазной, или Бриллиантовой, комнаты приобретались уникальные драгоценные камни, заказывались орденские знаки и выдающиеся ювелирные украшения. Количество ценностей в Бриллиантовой комнате, как ее называли в то время, неуклонно росло за счет новых поступлений. В XIX в. собрание пополнилось всемирно известными историческими камнями, которые составляют ныне особую гордость Алмазного фонда, где хранятся произведения русского и зарубежного искусства, тесно связанного с историей Российского государства.

В начале Первой мировой войны, в 1914 г., ценности были перевезены в Московский Кремль. В 1920 году декретом Совета народных комиссаров для «централизации, хранения и учета всех принадлежавших РСФСР ценностей» было создано Государственное хранилище ценностей Наркомфина — Гохран России. Согласно декрету советские учреждения и должност-

3000 лет назад

нях, скатертях... Кое-где драгоценности лежали кучами на полу, на подоконниках. Всё было свалено кое-как вместе... Попадались корзины, сплошь наполненные драгоценными камнями без оправы. И всё это без всякого учёта. Правда, и снаружи и внутри

были часовые. Был и заведующий, который не имел ни малейшего представления ни о количестве, ни о стоимости находившихся в его заведовании драгоценностей.

В 1925–1926 годах Гохран издал четыре выпуска иллюстрированного каталога «Алмазный фонд СССР». С целью привлечения покупателей издание было переведено на английский, французский и немецкий языки и распространялось в Европе. Часть культурных ценностей была продана за границу. В дальнейшем судьба государственных ценностей складывалась в соответствии с выводами комиссии, в состав которой вошли ведущие специалисты Эрмитажа, Исторического музея, Академии наук, Оружейной палаты, Министерства иностранных дел и Гохрана Наркомфина.

В начале Отечественной войны Алмазный фонд и другие ценности были вывезены из столицы и в 1943 г. возвращены в Москву. Гохран в то время не только сохранил ценности, но и обеспечил пополнение Госфонда. В 1950-е гг. в сокровищницу Гохрана начали обильно поступать алмазы из коренных месторождений Якутии. На Гохран была возложена функция сортировки и первичной обработки алмазного сырья.

ные лица обязаны были сдать в Гохран в течение трехмесячного срока все имеющиеся у них на хранении, в заведовании, в переделке или на учете ценности из золота, платины, цветных драгоценных камней и жемчуга. Все вновь поступающие в учреждения ценности должны были сдаваться Гохрану немедленно. В распоряжение Гохрана были предоставлены усадебная земля, кладовые и здания бывшей Московской ссудной казны по адресу: г. Москва, Настасьинский пер., дом 3. Этот сказочный терем в псевдорусском стиле, построенный в 1913 году, мы можем и сегодня видеть в центре Москвы. Сейчас в этом здании находится одно из хранилищ Центробанка.

В первые послереволюционные годы в Гохране были собраны драгоценности Романовых, Оружейной палаты, Русской православной церкви, а также ценности, изъятые у частных лиц.

Советский внешнеторговый деятель Георгий Соломон так описывает посещение Гохрана в этот период: — И вот сказка встала передо мной... Я бродил по громадным комнатам, заваленным сундуками, корзинами, ящиками, просто узлами в старых рваных просты-

И академик, И ГЕРОЙ...

Йоахим Цвайнерт в своей фундаментальной работе «История экономической мысли в России, 1805–1905» выделил четыре периода: правление Александра I (1805–1825); правление Николая I, конец которого ознаменовала отмена крепостного права (1825–1861), правление Александра II и Александра III (1861–1894) и правление Николая II до русско-японской войны (1894–1905). И в каждом периоде назвал самого значительного экономиста. В правление Александра I им оказался адмирал Николай Семенович Мордвинов. «ВЭ» это тем более приятно, что Мордвинов в 1823 году был избран президентом Вольного экономического общества и занимал этот пост 17 лет бессменно вплоть до своей болезни.

ВЗЛЁТ И ПАДЕНИЕ

Мордвинов родился 17 апреля 1754 года в имении Покровское Новгородской губернии, принадлежащем его отцу, адмиралу Семену Ивановичу Мордвинову. Около 10 лет от роду был взят Екатериной II во дворец для совместного воспитания с великим князем Павлом Петровичем, но уже в 1766 году отдан отцом на службу во флот гардемаринном и через два года был произведен в мичманы. В 1774 году послан для усовершенствования в морском искусстве в Англию, где пробыл три года, и превратился в убежденного англомана на всю жизнь. С годами учебы в Англии связан и интерес военного моряка к работам Адама Смита, труд которого «Богатство народов» был опубликован в это время (1776), и Джереми Бентама — крупнейшего теоретика политического либерализма.

С производством в капитаны 2-го ранга назначен командиром линейного корабля «Св. Георгий Победоносец» (1781), через год принял новый 74-пушечный корабль «Царь Константин», с которым в 1783 году совершил плавание по Средиземному морю. В порту Ливорно русский капитан встретился с дочкой английского консула Генриеттой Коблей, женился на ней и привез с собой в Россию. По воспоминаниям современников Генриетта Александровна обладала ангельской красотой, тонким умом и добрым нравом. Правда, говорить по-русски так и не выучилась. С детьми и мужем говорила по-английски, кругом ее общения были такие же русские англоманы, как и ее муж, и английские родственники, которые годами гостили в России. Ее брат даже стал градоначальником Одессы. Супруги жили долго (60 лет в браке) и счастливо, и хотелось бы написать «умерли в один день», но Николай Семенович овдовел в 1843 году, за два года до своей кончины.

Во время второй турецкой войны, в 1787 году в чине адмирала командуя Севастопольской эскадрой, возглавлял осаду Очакова с моря. Затем на административной работе создавал базу Черноморского флота в новом городе Николаеве. Дело шло не так быстро, как хотелось бы его шефу князю Потемкину, и в 1790 году, вследствие размолвки с сиятельным начальником, оставил службу.

После смерти Потемкина (1791) в 1792 году вновь занял

место председателя Черноморского адмиралтейского правления. На этом посту он вступил в борьбу с другим известным администратором Новороссии, Дерибасом. Причиной их конфликта была борьба за бюджетные деньги между городом Николаевым и Одессой в их стремлении стать столицей Новороссии и базой Черноморского военно-морского флота.

При вступлении на престол Павла I Мордвинову в память о совместных детских годах было пожаловано имение с 1000 душ крестьян, но затем настроение Павла переменилось не без влияния интриг Дерибаса, адмирал был посажен под домашний арест и уволен в отставку. Большую часть павловского царствования он оставался не у дел, лишь под конец был назначен членом Адмиралтейской коллегии и вновь произведен в чин адмирала.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Воцарение Александра открыло широкое поприще для государственной деятельности Мордвинова. В первые годы александровского правления либеральные взгляды были востребованы. Вот что писал один из самых знаменитых мемуаристов того времени Филипп Вигель: «Известный своими добрыми намерениями, обширными сведениями, живым воображением и притязанием на прямоту, Николай Семенович Мордвинов более нежели когда кипел в это время проектами. Он почитался нашим Сократом, Цицероном, Катонем и Сенекой. Политический сей мечтатель, с превыспренними идеями, с ложными понятиями о России и ее пользах, должен был естественным образом сойтись в мыслях с молодыми законодателями. К тому же он был женат на англичанке Кобле, говорил и жил совершенно по-английски. Он вообразил себе, что у нас подлинно парламент; мнения, им подаваемые, были столь смелы, что через два года после Павла показались даже мятежными».

Мордвинов привлекался в эту пору к обсуждению важнейших государственных вопросов в Совецательном комитете, а с образованием в 1802 году министерств занял пост министра морских сил, на котором оставался только три месяца. На сей раз Мордвинова подсел его же заместитель адмирал Чичагов (тоже, кстати, англофил, женатый на англичанке). Как и с Потемкиным, с Чичаговым Николай Семенович разошелся во мнениях о темпах развития флота. Чичагов предлагал штурм и натиск, Мордвинов — долговременную программу преобразований.

Авторитет адмирала в правительственных сферах вновь вырос с возвышением Сперанского, с которым его сблизила общность взглядов по многим вопросам и для которого он сделался помощником в составлении плана новой системы финансов. С учреждением Государственного совета Мордвинов был назначен

его членом и председателем департамента государственной экономики, но последовавшая вскоре ссылка Сперанского на время пошатнула и его положение: он вышел в отставку и уехал в Пензенскую губернию, в село Столыпино, и хотя уже в 1813 году вернулся в Петербург, но прежнее место занял только в 1816-м.

Выйдя через два года вновь в отставку, Николай Семенович два года пробыл за границей, по возвращении же вскоре был назначен председателем департамента гражданских и духовных дел Государственного совета; вместе с тем он был членом Финансового комитета и комитета министров, и эти же должности сохранял за собою и в царствование императора Николая. В 1823 награжден высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного. 12 января 1829 года по предложению президента Российской академии Александра Семеновича Шишкова (еще один адмирал!) Мордвинов был избран академиком.

ПРИ ВСТУПЛЕНИИ НА ПРЕСТОЛ ПАВЛА I

Мордвинову в память о совместных детских годах было пожаловано имение с 1000 душ крестьян.

ИЗВЕСТНЫЙ СВОИМИ ДОБРЫМИ НАМЕРЕНИЯМИ, ОБШИРНЫМИ СВЕДЕНИЯМИ, МОРДВИНОВ КАК НИКОГДА КИПЕЛ В ЭТО ВРЕМЯ ПРОЕКТАМИ

ПАРОЛЬ — СПАСЕНИЕ РОССИИ

«Партия Мордвинова, — писал Бенкендорф, — опасна тем, что ее пароль — спасение России». Писано это было с очевидным уважением к Мордвинову. В 1834 году он был возведен в графское достоинство.

Заслугой Мордвинова является обширная программа преобразований в экономической жизни России. В брошюре «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (первое издание — 1815, второе — 1816 и третье — 1833 г.) Мордвинов объяснял экономическую отсталость России чрезмерной специализацией на производстве сельскохозяйственной продукции. Аграрная нация, утверждал он, остается не только экономически недоразвитой и политически зависимой от других стран, она еще по культурному уровню уподобляется народам «дикого пастырского состояния». Само сельское хозяйство без промышленного производства не может рассчитывать на повышение производительности труда.

В брошюре Мордвинов обосновывает необходимость таможенной защиты молодых отраслей, пока они не накопят достаточно опыта для соревнования на равных с промышленностью передовых стран. Пример Англии, которая сама на протяжении двухсот лет проводила протекционистскую политику, показывает, утверждает Мордвинов, насколько долгим может быть процесс обучения производству. По мнению Цвайнерта, «Мордвинов впервые сформулировал обычно приписываемую Листу идею о том, что молодые отрасли промышленности развивающихся народных хозяйств нуждаются в таможенной защите, поскольку обрабатывающие промыслы индуцируют процессы обучения, имеющие решающее значение для экономического развития нации». Другая брошюра Мордвинова, «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» (также выдержавшая три издания в 1816, 1817 и 1829 гг.), нацелена на улучшение

рамочных условий хозяйствования. Частная собственность и законность представлялись автору фундаментом экономического процветания. Мордвинов — автор многих служебных записок, в которых он выступает за активную промышленную политику, обосновывает необходимость строительства железных дорог в России. Творческое наследие адмирала составляет более 5000 страниц.

Одним из препятствий для развития промышленности в России, по мнению Мордвинова, было отсутствие в достаточной мере денежного капитала. При этом он утверждал, что капиталы есть, но они остаются без движения из-за отсутствия в стране кредитных учреждений. Сложившуюся ситуацию он предлагал исправить путем создания большого количества банков в стране. Этой проблеме он посвятил отдельную работу «Рассуждения о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1816).

МОРДВИНОВ ОБОСНОВЫВАЕТ

необходимость таможенной защиты молодых отраслей, пока они не смогут конкурировать на равных с западными.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДЕНАБРИСТ

Декабристы планировали пригласить Мордвинова и Сперанского в состав высшего органа управления государством. Парадокс состоит в том, что декабристы хотели доверить управление человеку, который был решительным противником немедленного освобождения крепостных крестьян. «Людам, отвыкшим за столетия бесправия от свободы, можно было бы подарить ее немедленно, но потребуется время, чтобы научить их осмысленно пользоваться этой свободой» — так мотивировал свою позицию Мордвинов. Декабристы делали ставку на него потому, что революционеры-романтики нуждались в услугах реали-

ста-реформатора, понимавшего, что экономические проблемы не решаются наскаком, а требуют долгосрочной выверенной стратегии. Со многими участниками Северного общества Мордвинов был знаком. Это он устроил на службу в Российско-американскую компанию Кондратия Рыльева, который прославлял его в оде «Гражданское мужество»:

*Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?*

СУДЬЯ ПО ДЕЛУ ДЕНАБРИСТОВ

При организации в 1826 году Верховного уголовного суда по делу декабристов Николай I подбирал членов суда не только по принципу личной преданности государю, но и с учетом их авторитета в обществе. Мордвинов предсказуемо оказался членом этого суда и был единственным, кто отказался подписать смертный приговор декабристам.

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ БАНК ДОЛЖЕН БЫЛ СОДЕЙСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВА

Современная экономика подтверждает справедливость этого замечания. Ограничение производства узкой номенклатурой товаров является показателем отсталости, а не следствием тенденции к углублению международного разделения труда. Оно отрицательно сказывается на развитии производительных сил и на положении страны в системе мирового хозяйства, особенно когда речь идет о сырьевой специализации.

БАНКИ И КРЕДИТ

Вопрос о кредите и банках занимал одно из главных мест в реформаторских планах Мордвинова, справедливо полагавшего, что без кредита у промышленности нет шансов на развитие. Мордвинову принадлежит проект создания первого в России банка развития.

В 1801 году Мордвинов представил императору Александру I проект организации «Трудопоощрительного банка», который включал два документа: «Устав государственного трудопоощрительного банка» и «Проект манифеста о трудопоощрительном банке». В проекте манифеста, написанном от лица императора Александра I, содержится призыв к общеполозному производительному труду всех слоев российского общества, который является, по его мнению «мерой величия держав». Для содействия труду в государстве и создается особое учреждение под именем Государственного трудопоощрительного банка.

Предлагаемый банк должен был содействовать развитию производства не только денежными ссудами, но также и техническими советами. Он должен был выполнять научные и учебные функции. Банк должен был помогать всякому начинанию в деле усовершенствования промышленности. Все это должно было привести к «оживлению народной экономической жизни». С 1802 по 1837 год Мордвинов постоянно повторял свой призыв к созданию государственного трудопоощрительного банка, но этот проект так и не был воплощен в жизнь. В последующих банковских проектах Мордвинова всегда будет звучать его главная тема — банки должны способствовать развитию производительных сил страны.

Мордвинов предлагал создать целую сеть банков

по всей стране вместо одного Заемного банка. Он подчеркивал, что один существующий в государстве банк не может управлять делами промышленности и торговли всего государства. По его мнению, каждая губерния должна иметь свой банк и каждый житель губернии должен участвовать в составлении капитала своего банка. Мордвинов считал целесообразным учредить предлагаемые банки в форме частных банков. Он считал невозможным полагаться на государственную казну как единственный источник финансирования. Совершение в России «общего благоустройства» зависит, по его мнению, от единой воли и усердия частных людей. Однако этот проект Мордвинова не нашел поддержки ни у провинциального дворянства, ни в Государственном совете. Как и проект о трудопоощрительном банке он не был воплощен в жизнь.

СТРАХОВОЕ ДЕЛО

Проект, который Мордвинову удалось воплотить в жизнь — организация частного страхового дела в России.

В 1822 году граф Гурьев, министр финансов, внес предложение в Государственный совет об учреждении самостоятельной страховой конторы. В 1824 году следующий министр финансов Е. Ф. Канкрин уже в переработанном виде вновь внес проект учреждения государственной страховой конторы. Но Госсовет продолжал настаивать на неудобстве основывать страхование в качестве государственного учреждения. 4 января 1826 года Николай I поручил Канкрину Е. Ф. обсудить с частными лицами: «нельзя ли учредить частную компанию на тех началах, кои более соответствовали предложениям Госсовета».

Идея коммерческого страхования получила актив-

ную поддержку в особом мнении Мордвинова, высказанном им 26 ноября 1826 года. Он писал: «Основною деятельностью страховых учреждений должно служить коммерческое начало при равных правах всех участников при взаимном доверии и обеспечении каждого, чтобы всякий недовольный мог искать права судебным порядком». В 1827 году путем размещения акций по подписке было создано страховое от огня общество. Идеологом создания общества выступил Мордвинов, финансовую сторону акционерного страхового предприятия обеспечил банкир барон Л. И. Штигилиц.

Обществу предоставлялось исключительное право на осуществление страховых операций в течение 20 лет с освобождением от налогов, исключая пошлины в казну. Успешная деятельность этого общества способствовала появлению других страховых компаний. В 1835 году учреждается «Второе Российское от огня страховое общество», в 1846-м — товарищество «Саламандра». Деятельность страховых обществ курировалась высшими должностными лицами государства, которые были их соучредителями. Три страховых общества, поделив сферы влияния на территории России, действовали на основе единых тарифов страхования.

До триумфа своего плана Мордвинов не дожил. Постигший его в 1840 году удар явился началом болезни, сведшей через пять лет 90-летнего старца в могилу. Надгробный камень сохранился на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

ПРОЕКТ, КОТОРЫЙ МОРДВИНОВУ УДАЛОСЬ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ, — ОРГАНИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО СТРАХОВОГО ДЕЛА

ДНИ РОЖДЕНИЯ

65
лет

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РЯБУШИН

Вице-президент ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доктор экономических наук

**РОДИЛСЯ 13 НОЯБРЯ
1954 ГОДА В ГОРОДЕ ВОЛЬСКЕ, СССР**

Сергей Николаевич окончил Ульяновский политехнический институт по специальности «инженер-электрик». Трудился электромонтером сначала на заводе «Электроприбор» в Саратове, затем — на заводе «Искра» в городе Ульяновске. Прошел путь от электромонтера до главного энергетика завода и гордится негласным званием «федеральный электрик», которым его наградили жители города Ульяновска. Начав карьеру на заводе, Сергей Николаевич занимает высокие государственные посты – председатель Законодательного собрания Ульяновской области, аудитор Счетной палаты РФ, руководитель Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам.

Сергей Николаевич представляет в Совете Федерации Ульяновскую область, где его знают как человека честного, умеющего слушать и слышать.

Сергей Николаевич имеет третий дан по карате и популяризирует этот вид спорта в России. В 2001 году сенатор возглавил Федерацию кёкусинкай России, а в 2004 году стал первым президентом Ассоциации кюкусинкай России, которая объединила крупнейшие федерации контактного карате страны. Сергей Николаевич уверен, что, если практиковать карате, можно лучше узнать себя и закалить характер.

Сенатор внес большой вклад в изучение и сохранение истории России, принимал активное участие в восстановлении тысячелетнего памятника — монастыря в Муроме, основоположником которого был святой князь Глеб, а благоустройством занимался Иоанн Грозный, а также лично занимался доставкой святых мощей Ильи Муромца из Киева в Россию.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Сергея Николаевича с юбилеем.

65
лет

ГЕОРГИЙ ЛЬВОВИЧ МУРАДОВ

Член Правления ВЭО России, председатель Постоянного представительства Республики Крым при Президенте России, заместитель председателя Совета Министров Республики Крым, кандидат исторических наук

**РОДИЛСЯ 19 НОЯБРЯ
1954 Г. В ПОСЕЛКЕ КОЧМЕСЕ, АССР**

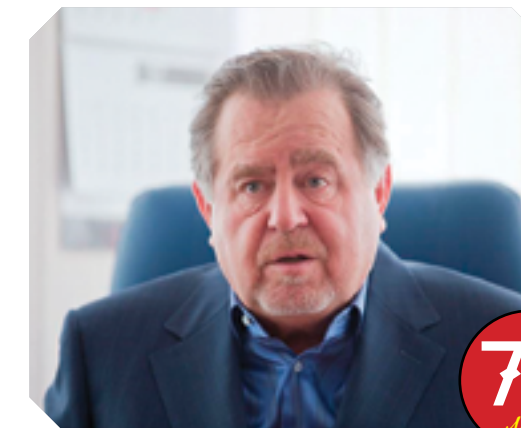
В юности Георгий Львович работал слесарем ремонтно-механических мастерских, затем был зачислен в МГИМО на факультет международных отношений. Окончив университет, поступил на государственную службу, где трудится уже почти 40 лет.

Работал в МИДе, занимал посты — от атташе до посла. Возглавлял международное направление деятельности столицы в качестве руководителя Департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, был заместителем руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств — ведомства, отвечающего за работу с соотечественниками по международному культурному и гуманитарному сотрудничеству.

После «Крымской весны» перешел в правительство Республики Крым, где Георгию Львовичу было предложено возглавить Постпредство Республики Крым при президенте Российской Федерации и отвечать за связи с федеральными органами власти, политическими партиями и общественными организациями, которые имеют штаб-квартиры в Москве.

Как заместитель председателя Совета Министров Республики Крым Георгий Львович занимается внешнеэкономическими связями и международной деятельностью Республики Крым.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Георгия Львовича с юбилеем.

70
лет

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ЩЕРБАКОВ

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров группы компаний «Автотор», Президент Международной Академии менеджмента

Владимир Иванович начинал трудовую деятельность в 1969 году в должности инженера Управления строительства Главмосстроя на строительстве ВАЗа.

К августу 1991 года, пройдя все ступени карьерной лестницы в советской управленческой системе, был назначен первым заместителем премьер-министра союзного правительства, одновременно возглавляя Министерство экономики и прогнозирования СССР.

После развала Союза Владимир Иванович всегда отказывался от министерских должностей, хотя его неоднократно приглашали вернуться в правительство.

«В то время никто не знал, что такое инвестиции со стороны, как их привлечь, — рассказывает Владимир Иванович. — Поэтому мы поднялись довольно быстро. За 1992–1994 годы мы привлекли в экономику бывшего СССР примерно 800 миллионов долларов».

В те же годы Владимир Иванович на свой страх и риск возглавил сборочное производство автомобилей. Цеха завода по сборке японских автомобилей в Греции, который планировалось закрыть, поскольку после вступления страны в Евросоюз он становился нерентабельным, были демонтированы и перевезены в Калининградскую область.

В этом году «Автотору», крупнейшему сборочному производству автомобилей иностранных марок в России исполнилось 25 лет. А в марте с конвейера завода вышел двухмиллионный автомобиль.

«Автотор» сегодня — системообразующая компания для Калининградской области, которая производит половину объемов выпускаемой продукции в регионе, обеспечивает работой и достойной заработной платой жителей области, много средств вкладывает в благотворительные проекты.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» имеют честь поздравить Владимира Ивановича с юбилеем.

ВИКТОР ВИКТОРОВИЧ ИВАНТЕР

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, доктор экономических наук, профессор

(14 ноября 1935 года — 15 сентября 2019 года)

Виктор Викторович Ивантер был одним из ведущих специалистов в области социально-экономического развития отечественной экономики, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования, инновационно-технологического развития, макроэкономической динамики, регионального развития и налоговой политики.

Виктор Викторович полагал, что для экономического роста и технологического прогресса России необходимо полноценно развивать «собственную науку, собственное проектное дело и собственное высокотехнологичное производство». Всю жизнь он отдал экономической науке. Более 30 лет работал в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН, на протяжении двух десятилетий возглавлял его, а в 2018 году занял пост научного руководителя.

«Научное прогнозирование — это не угадывание будущего, — подчеркивал важность исследовательской работы академик, — прогнозирование — это оценка последствий тех или иных возможных действий или бездействий». Что касается бездействия, Виктор Викторович, человек принципиальный и глубоко порядочный, был уверен, что единственное, что мешает экономическому росту в России, это «бесконечное откладывание важных действий в экономике»,

обеспечить же рост могут только инвестиции, оплодотворенные современными технологиями.

Ученый вел активную педагогическую деятельность. Преподавая на кафедре макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ и кафедре анализа и прогнозирования национальной экономики МФТИ, Виктор Викторович подготовил много учеников, которые сейчас работают в науке, бизнесе и в правительстве, «воспитал» не одно поколение экономистов, которые вспоминают его с благодарностью и любовью.

Вклад Виктора Викторовича в работу Вольного экономического общества России огромен. Его выступления, посвященные проблемам экономического роста, были четкими, непредвзятыми и всегда по делу. Виктор Викторович говорил смело, подкрепляя свою позицию глубокими экономическими знаниями, высоким профессионализмом и богатым опытом.

Уход из жизни Виктора Викторовича — невосполнимая потеря для отечественной экономической и академической науки, российского общества, коллег, друзей, родных и близких.

Президиум ВЭО России, президиум МСЭ, редакция журнала «Вольная экономика» скорбят о кончине выдающегося ученого-экономиста.

ДОМ «Э»

Программа Вольного экономического общества России

На телеканале ОТР

ВЕДУЩИЙ ПРОГРАММЫ — СЕРГЕЙ БОДРУНОВ — Президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор ИНИР им. С.Ю.Витте, эксперт РАН, д.э.н., профессор:

«Когда мы говорим о каких-то сложных вопросах, мы часто, задумываясь, произносим непроизвольно «э-э», имея в виду, что это непростой вопрос. Когда речь идет об экономике, тем более российской, часто возникает ощущение, что не зря это слово начинается с буквы «э», потому что вопросов там, требующих осмысления, иногда больше, чем ответов. Поэтому, начиная цикл передач о российской экономике, мы не мудрствуя лукаво решили назвать его просто «Дом "Э"».

В числе тем программы:

- «Мировая экономика в зоне риска»
- «Торговые войны: новая реальность»
- «Нацпроекты набирают обороты: будет ли рост?»
- «Экономическое чудо: возможно ли в России?»
- «Производительность труда: выйти на новый уровень»

ГОСТИ И ЭКСПЕРТЫ:

- **Александр Шилов** — заместитель директора, заведующий лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, д. э. н., профессор.
- **Сергей Глазьев** — вице-президент ВЭО России, советник Президента РФ, академик РАН.
- **Борис Титов** — член правления ВЭО России, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, председатель президиума Столыпинского клуба.
- **Дмитрий Сорокин** — вице-президент ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент РАН.
- **Александр Некипелов** — вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН.
- **Василий Богоявленский** — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института проблем нефти и газа РАН.
- **Александр Дынкин** — Президент ИМЭМО им. М.Е. Примакова РАН, академик РАН
- **Абел Аганбегян** — заведующий кафедрой экономической теории и политики ВШКУ РАНХиГС, академик РАН
- **Игорь Соколов** — директор Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, декан факультета вычис-
- лительной математики и кибернетики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН
- **Владимир Бетелин** — научный руководитель Научно-исследовательского института системных исследований РАН, академик РАН
- **Евгений Ясин** — действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, д. э. н.
- **Руслан Гринберг** — научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН.

И многие другие.

Смотрите «Дом "Э"» на ОТР каждую неделю